ВЛАСТИТЕЛИ СТИЛЯ

ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ

ЖЕРТВА КРАСОТЫ И МОДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джанни Версаче начал карьеру в двадцать пять, чтобы через несколько лет стать всемирно известным кутюрье, имя которого превратилось в бренд. Он устраивал показы в парижском отеле «Риц», где когда-то проходили показы Коко Шанель. Джанни Версаче обожала пресса, его одежду носили звезды первой величины, от Мадонны до принцессы Дианы. У него была коллекция, посвященная Жаклин Кеннеди. Яркая, невероятно сексуальная и вызывающая, на грани кича, его одежда сразу превращала человека в звезду. Версаче ввел в моду сочетание черной кожи и золотой фурнитуры, яркие принты на рубашках, кожаные штаны и многое другое.

Один из величайших кутюрье XX столетия Джанни Версаче ушел из жизни летом 1997 года при трагических обстоятельствах. Гениальный художник, талантливый бизнесмен, он оставил после себя третью в мире по могуществу империю, которой назначено влиять на эстетику и тенденции моды и в XXI веке.

- Михаил Ильинский
  -
  - Предисловие автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

Михаил Ильинский
Джанни Версаче. Жертва красоты и моды

© Ильинский М., 2013
© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Предисловие автора
Три «М» – мода, мафия, миллионы

Открыть дверь в мир королевы Моды и познать все ее тайны так же невозможно, как человеку с улицы подняться в космос, погулять в межзвездном пространстве и благополучно, умудренным новым опытом и знаниями, вернуться на Землю.

Я не рассчитываю, что, прочитав эту книгу, вы сразу станете знатоком моды, поймете, какой костюм и от какого стилиста вам больше к лицу, какой цвет придает вашему внешнему виду большую респектабельность, достоинство, спокойствие, комфортность, а значит, «пустит стрелы соблазна, надежности и интереса» в сердце и мозг собеседника, тому, к кому вы уже расположены или чье внимание желали бы привлечь. Возможно, вы просто любите быть хорошо, элегантно и со вкусом одеты и быть максимально осведомлены обо всех главных модельерах мира – о сенаторах, кардиналах, шевалье «моды», которые создали свои империи линий, эстетики, финансов и бизнеса, проникли на все континенты, установили свои плацдармы и анклавы в виде «бутиков» во всех ведущих городах мира, в числе которых Москва и Санкт-Петербург.

Ныне российский модник не обязан отправляться за границу, чтобы в Риме, Милане, Париже, Бонне или Лондоне купить себе и близким костюм, кофту, туфли, ремень, сумочку или шляпку. Теперь мы часто говорим: «и в Москве можно купить все, лишь бы были деньги».

Эта книга – плод многолетнего труда. На протяжении двенадцати лет, работая в Западной Европе, со штаб-квартирой в Риме, я имел весьма редкую возможность следить за миром моды и огромным бизнесом, производством и торговлей тканями, готовой одеждой, обувью, различными аксессуарами непосредственно у подиумов.

Казалось бы, все в мире складывалось замечательно. И вдруг удар, затем другой, третий, смешавшие все планы…

В Милане 27 марта 1995 года был убит двумя выстрелами в упор известный стилист, мультимиллионер Маурицио Гуччи. В Италии о расправе и последующем расследовании, установившем, что убийство было заказным и совершено киллером, имевшим прямой контакт с первой супругой Маурицио, писали много. Скандал был долгим и шумным. Россию же информация о Гуччи обошла стороной… Мол, кто тогда, в 1995 году, знал вообще о Гуччо Гуччи?

…5 августа 1996 года умирает от белокровия менеджер и президент дома моды «Лаура Бьяджотти экспорт СПА», Джанни Чинья. Он умирает в то время (в день собственного рождения), когда в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, шла выставка работ итальянского художника Джакомо Балла, входящих в римскую художественную коллекцию Джанни Чинья – Лаура Бьяджотти.

26 июля 1996 года Джанни находился в Москве. Я предлагал ему последнюю «соломинку» – визит к Джуне (Е. Ю. Давиташвили). Но Джанни грустно улыбнулся и проговорил:

– Мне уже вряд ли можно помочь. Я выпил полностью чашу жизни. Сейчас остались лишь капли на донышке. Моя болезнь – следствие моей жизни. Сгорел как свеча. Я не выходил из состояния перенапряжения десятилетиями. Прошел через все. Бывали даже угрозы. В Италии все иначе, Италия не знала «советского периода», сдерживающего разгул бандитизма. У вас не было частного бизнеса, огромных капиталов, как, впрочем, и моды на одежду. У вас была другая мода, тоже благородная, – мода на космос, исследования Арктики и Антарктики, ядра атома. Но всему свое время. Не стану давать оценки главному пути России, однако к пониманию основных линий, направлений «мировой моды» россиянин придет, и в третье тысячелетие русские сударыни и господа вступят с нами, с единым пониманием и обладанием плодами моды – великой науки, зрелища, индустрии и бизнеса.

Эти слова Джанни остались навсегда в моей памяти. С той поры мы больше не встречались. Его не стало…

И, наконец, третий удар. 15 июля 1997 года. Потрясен весь мир, и даже Россия на этот раз не осталась в стороне. В Майами-Бич перед входом в свою виллу убит выстрелами в упор художник-модельер Джанни Версаче. Пожалуй, один из самых великих кутюрье второй половины XX века, бизнесмен, чья «деловая империя» по размаху и финансовым возможностям стала третьей в мире (после Пьера Кардена и Джорджо Армани) и… очень добрый ранимый человек, который, как мне почему-то казалось, в силу своего характера, надежности и понимания «чужих проблем» не мог бы иметь врагов. А здесь выстрелы и смерть…

Я думал и работал над книгой о «чистой моде». Теперь мода залита кровью, омрачена трауром. Эта книга о мире, в котором жил Джанни Версаче, об эпохе и людях, которые его окружали…

– Что, мы должны теперь гибнуть на подиуме и у ворот собственного дома? Что это? Дополнительная реклама… Моде в

целом и фирме, в частности? Так, как это произошло с Версаче, Гуччи, в какой-то мере с Джанни Чинья? – воскликнула Лаура Бьяджотти в день прощания с Версаче.

И она абсолютно права. Скандальная смерть Маурицио Гуччи, этапы расследования заказного убийства дали рекламу фирме, способствовали выходу на арену моды «наследника» модной марки – стилиста Тома Форда. После смерти Чинья Лаура создала при мэрии Рима «Фонд Джанни Чинья». Что теперь сделает семья и фирма «Версаче»?

Профессия модельера стала столь же опасной, как профессия короля, космонавта, политического деятеля, банкира – всех, чья жизнь требует постоянной охраны и защиты. Защиты от конкурентов, от психически ненормальных, защиты от тех, кто страдает от приступов ревности, не умеет и не может спокойно переносить успех других. Следовало бы продумать особые меры, предусмотреть, как уберечь кутюрье от разных случайностей, которые, впрочем, по статистике, чаще всего обрушиваются на тех, кто пренебрегает предосторожностями, как Джанни Версаче, забыв о том, что «береженого и Бог бережет».

Так, после трех шоков родилась идея этой книги, желание написать ее не под углом специфического исследования проблем мировой моды и связанного с ней бизнеса, а показать особый мир персонажей из «круга» моды, их сложнейшую личную жизнь, позволить себе описать нравы, обычаи, царящие в этом непростом обществе. Повторю: соприкосновение с красотой (это как понимать) всегда опасно. Красота спасет мир? Это безусловно. Так же безусловно: красота может погубить человека, особенно тщеславного. Стилиста, топ-модель, художника, бизнесмена… Тот, кто попадает в бурное море славы, больших денег, не всегда выплывает.

Способностью вознести или погубить человека в области моды, кроме красоты и совершенства линий, обладает «звонкий металл», который в этом мире ценится больше и, увы, стоит на ранг выше.

Существует ли вокруг моды финансовая и иная мафия? Сколько угодно. Там, где в обороте многомиллиардные суммы, конечно, есть место преступным элементам. На газетно-журнальные страницы то и дело вырываются сообщения о всех видах преступлений в мире моды: от рэкета до ограбления, от изнасилований до наркомании и убийств, от банальной неуплаты налогов (только выливающейся в экстраординарные суммы) до крупных финансовых операций с поддержкой отдельных лиц, политических партий и группировок.

Этот мир словно обладает своими энергетическими полями,

способствующими материальному и духовному прогрессу или, напротив, деградации, кризису, банкротству, упадку нравственности. Этот сложный мир живет по законам нервной системы, чрезвычайно уязвимой и подверженной постоянным стрессам, требующим их срочного обуздания любыми доступными средствами. Если они есть… В психике, характере и образе мышления стилистов предстоит еще долго и мучительно разбираться, и вряд ли тайны великих модельеров будут когда-нибудь полностью разгаданы, как многие тайны далекого прошлого. Но кое-какие окна мы приоткроем, подняв «занавес» драматического спектакля «Реквием по Джанни Версаче. Три «М» – мода, мафия, миллионы…».

Мода больше не обладает ярко выраженной национальной спецификой, перестала быть отражением духа, характера, например, парижанина, лондонца, римлянина или флорентийца. Мода в третьем тысячелетии стала интернациональной.

Глава 1
Джанни Версаче
Трагический рок «короля барокко»

Начинаем наше повествование о расследовании вокруг жизни и смерти великого модельера современности – гения и «локомотива» моды, «короля барокко» в одежде, Джанни Версаче.

Его трагический конец известен. В 9 часов 05 минут 15 июля 1997 года он был убит двумя выстрелами в затылок из пистолета сорокового калибра у дома номер 1116 по Оушен-Драйв, у входа в свою роскошную виллу в Майами-Бич, в туристической «мекке» Флориды, неподалеку от вилл Мадонны и Сильвестра Сталлоне. Убийцей был белый мужчина, примерно 25 лет, одетый в светлую серую майку, черные шорты, бейсбольную кепку и с небольшим черным рюкзаком-сумкой за плечами. Эти данные получены с помощью телекамеры, установленной рядом с виллой на углу элегантного отеля с известным в этих краях рестораном «Тайдз».

Джанни Версаче скончался в машине скорой помощи по пути в ближайшую больницу «Джексон Мемориал». Имя убийцы полиция назвала очень быстро.

По первым предположениям, стрелял в Версаче некто Эндрю Да Сильва, он же Эндрю Кьюненэн, гомосексуалист, подозреваемый в четырех «маниакальных» убийствах и числившийся среди самых опасных преступников США. Полиция Флориды и Майами-Бич размножила тысячными тиражами фотографии Эндрю в самых различных видах: в очках и без них, с короткой стрижкой и длинными волосами, худого и полнеющего. Сделано, казалось бы, все, чтобы привлечь общее внимание жителей Флориды и Америки, не дать маньяку «затереться» в толпе. Вечером, 15 июля, в Майами на авиалайнере бывшего премьера Италии, телевизионного босса Сильвио Берлускони прилетели все родные Версаче. Им сообщили собранную информацию. Вот как излагались события.

Проснулся Джанни, как обычно, рано, в 7 часов. Отправился в ближайший бар «Ньюс-кафе» выпить чашечку кофе «экспрессо» и купить обычный набор газет и журналов. С «Newsweek», «People», «Te New Yorker», «Te Amerikan Book» и «Entertainment Weekly» под мышкой он вышел из бара и отправился домой, на виллу.

Один из свидетелей, бармен Тони Пуш, рассказывал полицейским и журналистам следующее:

– Был ли модельер один?

– Да. Как обычно. Купил только американскую прессу. Ни одной итальянской газеты. Было примерно 8 часов 30 минут.

– Версаче приехал на машине?

– Нет. Пришел пешком.

– Выпил ли он кофе, оранжад?

– Все пишут, что он выпил кофе «экспрессо». Но Джанни отказался от всего.

– Вы заметили что-либо необычное?

– Все как обычно. Кроме не выпитой чашечки кофе. В нашем квартале все знают Джанни. Он не боялся ходить один. Всегда был без охраны. Без «горилл».

– Вы с ним разговаривали в то утро и о чем?

– Нет. Я разговаривал с кассиршей, когда он платил за газеты.

– Как к Версаче относились местные жители?

– Все знали, как он знаменит. Относились с почтением и даже с любовью, но неназойливо. Его считали как бы «первым человеком», «пионером» нашего района. О врагах не могло быть и речи. Все выглядело спокойно и разумно…

Сведения ценные, однако вряд ли способные каким-либо образом продвинуть следствие. Что касается Кьюненэна, то у полиции крепла уверенность, что убийцей мог быть только он. К этому выводу приводит вся цепь предыдущих преступлений, совершенных гомосексуалистом, которого бывшие знакомые называли «богатым элитным мальчиком», подозреваемым в «серийных убийствах». Собственная мать считала его «просто высококлассной и отчаянной проституткой».

В конце апреля 1997 года Кьюненэн покинул родной город Сан-Диего, объясняя свой внезапный отъезд срочными делами в Миннеаполисе, но вскоре в квартире некоего Дэвида Мэдсона, любовника Кьюненэна, был обнаружен труп, завернутый в старый персидский ковер. При опознании выяснилось, что убитый – морской офицер Джефри Трейл. Затем на берегу озера у Сан-Диего находят убитым (застреленным из пистолета сорокового калибра) самого Мэдсона. Исчез и автомобиль пострадавшего – джип «Чероки». Облегчая передвижение преступнику, джип одновременно становился «предателем», давая полиции возможность определить места появления вероятного убийцы. Этот джип обнаружили несколько дней спустя, у виллы Ли Миглина, семидесятилетнего торговца недвижимостью. Самого же хозяина виллы нашли мертвым в гараже, где он скончался от тяжелых побоев и инфаркта. Преступник или преступники завладели «Тойотой-Лексус», автомобилем Миглина. Еще через

небольшой отрезок времени «тойота» объявилась в Пенсильвании, чтобы возвестить об очередном, четвертом покойнике – кладбищенском стороже Уильяме Вире. Злоумышленник освободился от «тойоты», невыгодно обменяв ее на грузовичок «шевроле» пурпурно-красного цвета. Заметим, что этот же грузовичок полиция нашла на одной из парковок вблизи от приморской виллы Версаче на Оушен-Драйв. На сиденье – паспорт Кьюненэна и чек «Бэнк оф Америка». Трагический путь восстановлен, однако эти улики не являются стопроцентными доказательствами, обличающими убийцу. Полиция не считала преступника умалишенным, но пока не называла мотивов, побуждающих его совершать эти кровавые преступления. Пятьдесят шесть полицейских и тайных агентов включились в расследование, органы юстиции обещали десять тысяч долларов в качестве премии тому, кто наведет полицию на след разыскиваемого. Мэр Нью-Йорка оказался еще более щедрым: посулил тридцать тысяч долларов тому, кто поможет полиции обезвредить убийцу. Единственным, кто защищал Эндрю, был его духовный отец, но он никаких весомых доказательств, кроме эмоций, в защиту гомосексуалиста предъявить так и не сумел.

Приезд в Майами родственников Версаче навел следствие на размышление: в декабре 1989 года неизвестные преступники надругались над гробом матери Джанни Версаче на кладбище Кондера-ди-Редджо в Калабрии. Бандиты проникли в часовню и семейный склеп, рассчитывая вынести прах умершей в 1978 году Франчески Оландезе Версаче, а затем потребовать от Джанни, его брата Санто и сестры Донателлы большой выкуп. Но налет не удался: помешала племянница Версаче, успевшая оповестить полицию. Может, и в данном случае участвовали вымогатели?

Все понимали, что не исключен и прямой выпад против самого Джанни. Тем не менее модельер отшучивался и говорил, что дорого обойдется преступникам, ибо у него прекрасный аппетит с утра, а за день он способен выпить в баре с десяток чашечек кофе. «Во-первых, где найти бар? А во-вторых, пока я буду пить кофе, славные карабинеры в Италии выловят всех и даже найдут сколько угодно лишних преступников». Шутка Джанни вызывала улыбку, но не усиливала его безопасность.

Однако то, что произошло с Версаче в США, в Майами-Бич, где нет итальянских карабинеров, выпадало из всех «схем следователей». Совершив преступление, предполагаемый убийца заметал следы. Его видели то в прачечной Оклахома-Сити, то в национальном парке Калифорнии, видели, но нигде не надели на него наручники. Может быть, это не он? Полиция делала заключение: «он» постоянно перемещается по территории страны,

не задерживается нигде больше чем на 24 часа, не появляется в зоне аэропортов, общественных мест, бензозаправок. «Он» вооружен пистолетом сорокового калибра, находится в «загнанном» состоянии. И потому особо опасен.

В пятницу 18 июля Санто и Донателла Версаче втайне от всех, кроме полиции, вывезли гроб с телом Джанни в Италию. Журналистам было объявлено ложное время прилета и назван не тот аэродром. Так, запутав всех телерепортеров и газетчиков, самолет фирмы «Версаче», превращенный в воздушный катафалк, приземлился на аэродром Орио аль Серно в Бергамо, откуда прах Джанни Версаче был доставлен вертолетом на виллу Мольтразио, на озеро Комо. Примерно в 18 часов 18 июля в небольшой кладбищенской церковке, относящейся к приходу Бартоломео Франца, были совершены «все приличествующие событию церемонии». В присутствии, как указали газеты, только очень узкого круга людей. Во вторник 22 июля в миланском кафедральном соборе состоялась гражданская панихида, на которую съехались друзья и поклонники Джанни Версаче со всей Италии, из многих стран мира. Только письменных соболезнований собралось на пятитомное произведение.

Что остается после Джанни членам семьи? И кому лично? Художник был застрахован на 35 миллиардов лир (более 20 миллионов долларов США) в корпорации «Ллойд» (Лондон) на случай внезапной смерти и на 30 миллиардов лир в случае болезни и инвалидности. Версаче предполагал еще долго не уходить из жизни и завещания с «последней волей» не оставил. Ближайшие друзья утверждают, что Джанни был готов назвать своего будущего наследника, вернее, наследницу – племянницу Аллегру, дочь своей сестры Донателлы и Пола Бека… Аллегру Джанни называл «своей маленькой прекрасной принцессой».

И все-таки многое из того, что 15 июля было тайной, 15 сентября 1997 года прояснилось. Официальной наследницей действительно стала «маленькая принцесса» Аллегра. Из всего состояния Джанни ей завещано 100 миллиардов лир – около 60 миллионов долларов… Главным стилистом дома Версаче стала Донателла.

Трагедия свершилась, однако будет ли она означать конец огромной «империи Джанни Версаче» с годовым оборотом в 1,3 триллиона лир, тысячью специализированных «бутиков», 3200 магазинами на всех континентах, где продаются товары «Версаче»? Из жизни ушел стилист, по-новому одевший миллионы людей. Каждая его коллекция стоила 1,5–2,0 миллиона долларов. Есть ли жизнь после смерти?

Прежде расскажем, как развивались поиски подозреваемого в

убийстве. Некто Дэвид Тодини (заметьте, тоже итальянского происхождения), живущий примерно в четырех километрах от виллы Версаче, обратил внимание на странного молодого человека. «Меня удивило, – позже скажет Дэвид, – зачем в пасмурную погоду потребовалось повязывать на голову косынку, которую обычно используют девушки для защиты от солнца. Я сказал себе: этот парень определенно не хочет, чтобы его узнали». Более того, неизвестный был очень похож на человека, находившегося в розыске и чью фотографию напечатали все газеты штата Флорида.

Выяснилось, что «человек в косынке» (его легко выследили) прятался в доме-поплавке, принадлежавшем немцу Торстену Райнеку, владельцу элитного клуба для гомосексуалистов.

К штурму двухэтажного «голубого плавучего дома», «хижины дяди Торстена», полицейские готовились более четырех часов. Затем сыщики и агенты ФБР (их собралось свыше сотни) перешли к активным действиям. После «обработки площади» слезоточивым газом, выставив «дымомаскировку», группа захвата ворвалась в дом. Никакого сопротивления, никаких признаков жизни. После тщательных поисков полицейские обнаружили в одной из спален второго этажа бездыханное тело. Рядом с убитым лежал пистолет «Смит и Вессон» сорокового калибра. Тот же самый, что уже был в «известном употреблении». С его помощью маньяк расправлялся с жертвами. Никаких документов при трупе найдено не было. Принадлежал ли труп тому, кого называли Эндрю Кьюненэном? Ко второй половине дня 24 июля были получены результаты патологоанатомической экспертизы и показания свидетелей. Они не оставили сомнений. Человек с повязкой на голове, временный обитатель «дома-поплавка» и человек, покончивший с собой, был Эндрю Кьюненэн. «Граждане Соединенных Штатов могут вздохнуть с облегчением: общенациональная охота за Кьюненэном завершилась», – торжественно объявил Ричард Баррети, представитель полиции Майами.

Для Соединенных Штатов история с Версаче закрыта, дело сдается в архив, но у журналистов, юристов Италии и международных наблюдателей в Западной Европе, знающих, как действует итальянская мафия, родилось глубокое сомнение.

Не подозрителен ли сам факт, что все решилось так быстро, просто и ясно? Почему никто не рассматривал версию о том, что Эндрю не совершил самоубийство, а был застрелен киллером, специально бросившим на месте преступления пистолет 40-го калибра? Подставили Эндрю, а убивал другой киллер…

Среди журналистов утвердились четыре основные версии.

Первая: психическая и сексуальная ненормальность убийцы, который познакомился с Джанни Версаче в одном из клубов на Майами-Бич.

Вторая (маловероятная) версия: убийство было случайным, каких происходит множество в Америке, и тогда вычислить преступника трудно. Практически невозможно.

Третья версия: заказное убийство. Мотивы – поиск сенсации, зависть, ревность, любовь и так далее из подобного разряда чувств.

Четвертая версия (никем до сих пор не разрабатываемая. Вполне возможно, этим занимается «Интерпол»): с Версаче расправилась калабрийская, сицилийская мафии, вероятно, неополитанская каморра. В 1996 году Джанни выделил 55 миллионов долларов только на то, чтобы искать тех, кто занимается производством подделок товаров с маркой Джанни Версаче и знаком-символом – «медузой». Общий доход от продажи подделок в два раза превышает оборот всей фирмы «Версаче» – почти 3 триллиона лир!

Ни одна из этих версий подтверждений или официального развития не имеет. Только Эндрю мог дать все ответы (как турок Али Агджа в деле о покушении на Папу Римского Иоанна Павла II 13 мая 1981 года на площади Святого Петра в Риме). Теперь Эндрю замолчал навсегда. Но, в конце концов, не в версиях дело. Произошла трагедия. С небосвода искусства моды безвременно упала одна из звезд самой большой величины.

Глава 2
«Звездами рождаются, звездами становятся»

«Я способен истратить три миллиона долларов за два часа», – как-то заметил Джанни Версаче, и никто не усомнился. Все знали, что Джанни это проделывал по несколько раз в год в Милане, Париже, Лондоне, Нью-Йорке во время демонстраций своих коллекций, а затем быстро (и на вид легко) возвращал эти средства в сейфы своей обширной империи, которая по размаху, шику, особой энергетике, присущей его необычайно популярным молодежным линиям, и влиянию может успешно соревноваться, во многом не уступать и Джорджо Армани.

Но пока поговорим о владениях «империи Версаче». Финансовый оборот модного дома «Gianni Versace S. P. A.», выпускающего верхнюю одежду, обувь, аксессуары, шляпы, ковры, накидки и обшивку для мебели и автомобильных сидений, достиг к 1 января 1997 года 1,3 триллиона лир, к 1 июля 1997 года – 1,8 триллиона. Планировался рост доходов ежегодно на 15–25 процентов до 2000 года, до 2005 года намечалась перестройка производственной базы, лабораторий, мастерских и т. д. Отряд дизайнеров, портных к 2010 году должен был вырасти до двух тысяч человек (эти сведения получены из так называемых в среде кутюрье «стратегических служб разведки» модной одежды и ноу-хау при торговых палатах в странах Западной Европы).

Среди моделей, принимавших и принимающих предложения выйти на подиум для показа коллекций Версаче, самые знаменитые и дорогостоящие топ-модели: немка Шиффер (в 1997 году в смотрах не участвовала и очень об этом сожалела. Не простилась с Джанни), англичанка Наоми Кэмпбелл, итальянка Карла Бруни, чешка Херцигова…, те, кто заявляют, что без гонорара 25–40 тысяч долларов с кровати не поднимутся, тем более не выйдут на подмостки… Версаче не любил торговаться, платил высокие гонорары и плюс 50 % за участие в генеральных репетициях, от которых отказались многие другие модельеры «первой гильдии».

* * *

Известно, что Версаче владел четырьмя основными

жилищами, но на самом деле их было значительно больше. И обжиты они были по-разному, и гость приходил очень разный.

Главная резиденция – в Милане, где на двери сверкала надпись: «Посторонним вход воспрещен». И посторонних не бывало. Все, кто приходил, становились желанными гостями.

Здесь же галерея ценнейших картин, многие сувениры, связанные с памятью о Рудольфе Нурееве, Николае и Александре Бенуа. «Простое накопление денег – удел бедных людей. Картины собирают подлинно богатые и дальновидные люди», – говорил Джанни.

Вилла на озере Комо под Миланом, неподалеку от швейцарской границы. Сюда его доставил брат Санто за час до погребения. Любимая вилла и последнее пристанище…

Пятиэтажный особняк в Манхэттене. Он знаменит тем, что здесь хранятся 18 работ Пабло Пикассо и новая кухня, которая обошлась в астрономическую сумму. Когда кухню установили, Версаче взглянул на нее и… распорядился перенести в подвал. Причина? Кухня, по его мнению, какая-то «бесстильная и недостойна приготовления на ней обедов и ужинов для моих друзей и гостей». Кухня эта оставалась в изгнании, но теперь, видимо, объявится на одном из шикарных аукционов по серьезной цене.

Это был не единственный «импульсивный» и дорогостоящий жест модельера. А история с ранчо в Майами-Бич, неподалеку от домов друзей – певицы Мадонны и актера Сильвестра Сталлоне? В 1991 году Джанни прилетел в Майами, который назвал «местом для любви с первого взгляда», и на следующий год купил здесь отель «Амстердам Палас» на Оушен-Драйв за 2,9 миллиона долларов. Разумные и расчетливые друзья называли покупку «безумием», говорили, что Джанни приобрел «ночлежку для подкидышей», а он только рассмеялся и «прикупил» еще соседний отель «Ривер» за 3,7 миллиона долларов. Дорого? «Ну и шут с ними» (смеется). Более того, Версаче приказал гостиницу снести и разбить на этом месте сад с бассейном. На последнюю Пасху в 1997 году гости видели, как в бассейне с морской водой уже плескалась группа загорелых адонисов, которых привечал кутюрье, прослывший демократом, либералом и не «делавший страшного секрета из своей сексуальной ориентации». Однако местные клерикалы упорно давали знать Джанни, что именно его «свободные сексуальные взгляды», которые еще пока осуждаются большинством человечества, не принесут ему ничего доброго. Версаче слушал и улыбался…

…Перестройка «Амстердам Палас» заняла два с лишним года и потребовала колоссальных сумм. Версаче расставался с

долларами легко и спокойно. Стены в столовой были покрыты мозаикой в византийском стиле. Потолок одного из холлов раскрашен под придуманный Версаче рисунок шарфа из леопардовой шкуры – самая модная расцветка платьев, плащей, пальто на сезон «Осень-зима 97–98». Одна комната выполнена в готическом стиле, другая – в мавританском. Краны в личной спальне сделаны из золота. Зачем? – «А чем золото хуже стали или серебра? Я предпочитаю золото в кране, который не ношу на шее» (Смеется). Везде в доме картины Пикассо, Модильяни, Кандинского, средневековых итальянских, испанских и голландских мастеров.

Само присутствие Версаче в Майами-Бич придавало знаменитому курорту особую атмосферу легкости, привлекательность, шарм и даже «сексуально-психологический настрой». Не это ли и привлекало туда убийцу? Ведь 15 июля 1997 года маэстро Версаче мог бы и прервать свой отпуск, вернуться в Рим, где 16 июля на знаменитой лестнице из 138 ступенек на площади Испании готовился с его участием показ коллекций высокой моды под девизом «Донны под звездами». Версаче не поехал… Что это? Роковое совпадение, сигнал смерти? Так или иначе, трагический закат звезды…

И все-таки почему Джанни Версаче так любил роскошь, внешний шик во всем? Журналисты при первой возможности всегда задавали этот вопрос и неизменно получали один и тот же ответ.

– Во-первых, я – южанин. Из итальянской области Редджо-Калабрия. В нашей бедной части Апеннинского полуострова мы любим, чтобы всего было много и все было бы красиво, добротно, уютно. И люди, и их одежда, и лицо, и тело… Во-вторых, проработал много лет в Америке, и у меня – заокеанский размах. Наконец, в-третьих: научился следить за конъюнктурой не только нашего рынка и вкусами общества, но и за календарем. А именно календарь в профессии модельера приобретает особую роль. Стилисты за полгода и более начинают, например, усиленно готовиться к главным событиям – показам коллекций, и невольно упускают из поля зрения важные мероприятия и даты в других сферах культурной и общественной деятельности. Например, кинематографические и театральные фестивали, раздача «Оскаров» в Америке, «Львов» в Венеции, премий в Каннах, Берлине или Канберре, Бангкоке, Кейптауне. Порой просто не доходят руки, не хватает времени, фантазии и… продукции. В Голливуде вручаются «Оскары», а параллельно потребуется не один «вьючный осел», чтобы завезти в Штаты к этому событию модную одежду (показанную всего две недели назад в Милане),

удовлетворить и насытить американский бомонд, публику и, конечно, воздействовать на развитие их вкусов, а следовательно, направить часть их бюджета в нужное для стилиста русло. Эстетика и бизнес должны жить в одном доме! И руководит этим модельер. Из этого рождается его финансовое состояние.

– Мы живем в век космической связи, – продолжает модельер. – Срочные заказы на одежду делаются с борта самолета, с палубы океанских лайнеров, из квартир, вилл и ресторанов. Заказчику достаточно узнать, услышать, увидеть по телевидению какую-нибудь новинку в моде, и он шлет по факсу свои размеры, устанавливает точное время изготовления костюма и прочее. Наибольший спрос – на мою одежду розового, голубого, сиреневого, зеленого цвета. Привлекательны для клиентуры пастельные тона. В 1997 году молодежь предпочитала заказывать обтягивающие модели, причем такие, что кое-кому может показаться, что ткань вот-вот лопнет. Словно вторая кожа. Мираж? Нет, реальность. И кожа не лопнет. Шьем только из самых высококачественных тканей. Из «любой» ткани коллекции высокой моды создать невозможно.

– Работаем день и ночь, – говорит Джанни Версаче. – У нас множество бутиков, и повсюду мы учитываем, что клиенты желают получить для себя что-то особое, конкретное и, безусловно, очень красивое – последнее «слово» моды.

Сегодня предпочитают юбки выше колен. Ткани в крупную клетку, разноцветные. А еще современные красавицы не мыслят жизни без сапожек – белого или другого цвета, без многочисленных аксессуаров, которые они находят в магазинах «Версаче», «Версус» или «Истанте». Поэтому на неделе показа коллекций прет-а-порте в Милане решили, учитывая объем уже сделанных и ожидаемых заказов, провести четыре сеанса демонстрации моделей: две «Версус Истанте» и две «Джанни Версаче» широкого спектра. Может показаться гигантоманией по-американски? Не считаю, но и не возражаю.

– Сохраните в будущем знаменитую эмблему «Медуза Версаче»?

– В 1996-м отказались от старого проверенного символа. Новое время, новые вкусы, новые требования. Следует ли держаться за старые знаки? К новым привыкнут те, для кого мы работаем, – молодые, красивые, агрессивные.

– А что делать спокойным, уравновешенным людям?

– Быть более решительными, не бояться смелых современных форм и силуэтов, не забывать, что не только модельер, но и космические сигналы грядущего третьего тысячелетия влияют на наш склад ума и, конечно, на манеру одеваться.

Отсюда и ориентация на линии конкретных стилистов. Я не хотел бы говорить о выигрышах и поражениях отдельных законодателей современной моды, думаю о своей моде «Версаче» и о синьоре «Высокая Мода» в целом. Мода может быть национальной по духу, но полное признание своенравная дама получает только тогда, когда становится действительно интернациональной, свободно пересекающей наземные границы и океаны с одним только «паспортом» – именем модельера. В моем случае – «Джанни Версаче».

– Можете ли сказать, кому из топ-моделей отдаете предпочтение?

– Это моя маленькая и большая тайна. «Маленькую», конкретную, не выдам и не отдам, – улыбается Джанни. – А «большая» известна: я предпочел всех топ-моделей, которые выступили на подиуме, представляя коллекции «Версаче».

Впрочем, вопрос к Версаче о том, кого из его топ-моделей он предпочитает, можно было бы и не задавать. Тем не менее все, видимо, хотели услышать имя Наоми Кэмпбелл. Да, Наоми – друг Джанни, самый верный соратник и почти член семьи. Она готова была прилететь на показ в Рим 16 июля 1997 года (на Испанской лестнице праздник в тот вечер не состоялся в знак скорби по случаю кончины Джанни Версаче). Билет Наоми был оплачен в Лондоне, в Риме ее ожидал гонорар в 120 тысяч долларов и лучший сервис в любой гостинице итальянской столицы. Транспорт, цветы, сопровождение, охрана… Джанни всегда тщательно продумывал все детали. А «Черная Венера» Наоми, которую он называл «черненькой Брижит Бардо», была дорога ему не меньше лучших картин из его коллекций в Нью-Йорке, Милане, Майами-Бич.

Список любовников Наоми Кэмпбелл достаточно длинный, но официально он ведется с 1990 года, когда топ-модели уже исполнилось двадцать лет. Джанни Версаче в этом «юношеском качестве» соблазнителя или любовника не выступал. Не в пример боксеру Майку Тайсону, Эрику Клэптону, актеру Роберту Де Ниро, музыканту Адаму Клейтону (он поговаривал даже о браке с Наоми). Претендовал на благосклонность Наоми непревзойденный «Рембо» – Сильвестр Сталлоне, но ему топ-модель дала вежливый «отлуп», и кое-кто на этом основании даже поставил под вопрос мужское достоинство звезды ринга, героя вьетнамских джунглей и афганских гор.

С 1995 года Наоми привлекли дискотеки с их кумирами Нели Хоппером, Квинси Джонсоном, красавцами, ростом значительно выше нее. Затем вновь вспышки симпатии к наследнику великого княжеского трона в Монако – принцу Альберу.

В 1996 году пылкая любовь с римлянином Джанни Нуннари – импресарио кинобизнесмена миллиардера Чекки Гори, владельцем футбольного клуба «Фиорентина». И вдруг сенсационная информация о браке с Лукой Орланди – владельцем магазинов в Нью-Йорке. Однако слух оказался ложным. Видимо, Наоми вовремя вспомнила, что когда-то Джанни Версаче подарил ей стальной «пояс целомудрия», а для остального мира – «революционную стальную рубашку». О рубашке, наверное, уже успели забыть, а вот «пояс Наоми», как видим, еще держится. Не заржавел. Джанни продумал за Наоми все детали.

Весной 1997 года Наоми пережила сильнейший стресс. Она попыталась отравиться, но ее спасли. Версаче не осуждал подругу, лишь мягко заметил: «В следующий раз, если соберешься сделать очередную глупость, приезжай ко мне, где бы я ни был. У меня для тебя всегда есть сдобная булочка. Говорят, это яд для моделей!» Теперь такой случай для Наоми никогда уже не представится, больше нет булочек Версаче для «Черной Венеры».

Версаче оставался последним «бастионом» в крепости сегодняшних топ-моделей. Армани, Валентине, Ферре, Феррагамо стали предпочитать неизвестных молодых манекенщиц, справедливо полагая, что топ-модели зазнались, думают, что не создатели, а именно они делают модную коллекцию модной. Версаче был убежден, что успех коллекции зависит как от того, кто ее создает, так и от того, кто ее показывает. И не обязательно на подиуме.

* * *

Известность топ-моделей, формирующих вкусы на современную и будущую одежду и обувь в столицах моды – Милане, Париже, Лондоне и Нью-Йорке, может в конце XX века сравниться только с популярностью звезд кино. Правда, кинозвезды, меняя амплуа, сияют десятилетиями, век же топ-моделей короток. Но сегодня они – в фаворе.

Манекенщиц с мировым именем сегодня насчитывается несколько десятков, но на Олимпе – четверо: «Черная Венера» Наоми Кэмпбелл, уроженка Лондона; белокурая немка Клаудиа Шиффер; американка из Иллинойса Синди Кроуфорд и итальянка Карла Бруни. Они создали собирательный образ супермодели: рост около 180 см, бюст и бедра – 90–94 см, талия – 60–62, вес – 56–59 кг, возраст – от 21 до 29 лет, годовой доход – не менее двух миллионов долларов. Хотя для нашей «четверки» и эти гонорары

пройденный этап.

Профессия манекенщицы в том виде, в каком мы ее знаем, родилась в США в 1921 году. Тогда театральный менеджер Джон Роберт Пауэре собрал молодых беззаботных актрис и стал выводить их на сцену для демонстрации модной одежды. Слово «модель» к ним тогда еще не применялось – их называли «Пауэрсовы девицы» (впрочем, англоговорящий человек мог понять прилагательное и как «мощные»). Они быстро обзавелись богатыми и влиятельными покровителями, стали украшением салонов и тайных квартир. А в 30-е годы девицы «открыли» Европу, постепенно завоевали Париж, Канн, Рим, Монте-Карло, Монтекатини, Флоренцию, Неаполь, Берлин, Лондон… В Москве регулярные показы советской моды начались в 1923 году, затем после 1946 года. Но это – «легкая тень» показов.

В 70—80-е годы XX века под влиянием слова «фотомодель» родился термин «топ-модель». Подсчитано: в первой половине 90-х годов в американской, западноевропейской и австралийской прессе опубликовано свыше миллиона цветных снимков Наоми Кэмпбелл. В ходе рабочих турне она более 30 раз облетела и объехала земной шар. 20 миллионов телезрителей признали Наоми самой красивой женщиной мира 1995,1996 годов. Ее минимальная ставка 10–20 тысяч долларов за выход.

Наоми поет, танцует, позирует избранному кругу фоторепортеров и операторов ведущих телекомпаний, записывает диски, издает видеокассеты, обещает выпустить цикл бестселлеров и любовных романов, рекламирует косметику для черной и белой кожи (в 1996 году «Черная Венера» благодаря световым эффектам сумела предстать на экранах телевизоров бледнолицей). Кроме того, она предприниматель, владелец недвижимости по обе стороны Атлантики, хозяйка ресторана в Нью-Йорке и (вместе с коллегами Шиффер и Макферсон) престижного кафе. И все это в 27 лет.

Вот что рассказывает о себе она сама:

«Детство. Я родилась и выросла в южном пригороде Лондона, предки – выходцы с Ямайки. Мою маму зовут Валерия, бабушка – тоже Валерия. В прошлом обе Валерии были балеринами. Отца я никогда не знала, он куда-то исчез еще до моего появления на свет. Говорят, что он был наполовину китаец. Наверное, очень хитрый. Впрочем, когда я стала известной, многие мужчины назывались моими отцами. Но это была неправда. Правда лишь то, что у меня есть десятилетний брат. Он живет в Лондоне, и его папа – не китаец.

Мать. Я ей обязана всем. Она поддерживала меня в трудные моменты, придавала мужество и силы. Теперь и она

манекенщица, но это уже моя заслуга. Я должна была выступать в Лондоне, но не могла выехать с Гавайских островов. Я предложила, чтобы меня заменила мама. Так и произошло. Успех был полный. Маме 43 года, но когда мы идем вдвоем, нас принимают за сестер. Но я чувствую себя младшей. (Весной 1997-го на сфилате в Милане блистала маленькая мама, вызвав ревность большой Наоми.) В 1997 году мама Валерия признана самой «долгоиграющей цветной моделью мира».

Капризы. Это – абсолютная правда. Иногда я веду себя как избалованная девчонка. Но я очень много работаю, без выходных. И что плохого, если нет-нет да и покапризничаю? Бывает, что взрываюсь, но только тогда, когда кто-либо выводит меня из равновесия.

У меня черная кожа, но я сумела стать хозяйкой своей судьбы. Это непросто в мире, где правила игры определяют белые. Думаю, что в некоторых случаях выгоднее иметь дурную репутацию. Плохим часто живется легче и интереснее, чем хорошим и правильным. Если рядом нет Версаче…

Характер. «Я чувствую себя женщиной-младенцем». Это строчка из песни, которую я недавно записала. Я состою как бы из двух частей: одна – расчетливая, зрелая; другая – инфантильная. Мои знакомые считают меня роковой женщиной. Резкой, агрессивной, всегда готовой закатить сцену или выкинуть любой фортель. Ужас! На самом деле я хрупкая, но меня трудно разбить. Я всегда принимаю бой, наверное, потому, что никогда не знала защиты. Отцовской защиты. Не думайте, что у котенка нет когтей.

Любовь. Ах! У меня было столько историй, что я от них устала и не хотела бы даже вспоминать. Я прожила четыре года с одним известным актером – в тюрьме зачли бы год за два. Не сошлись характерами. Затем был музыкант – сколько было страданий под его музыку! В конце концов я научилась не делать коктейля из слез и избытка чувств. Но страсть продолжает бурлить во мне. Если люблю, то всем сердцем и телом, а в остальном – самая верная и преданная.

Мужчины. Роберт Де Ниро. Люблю Роберта, потому что он меня слушает и понимает. Он – друг и прекрасный любовник. Адам Клейтон. Кто-то написал, что это он подарил мне песню «Женщина-бэби». Я была к нему привязана, но не хотела, чтобы Адам мне помогал. Я не совмещаю любовь и работу. Альбер, принц Монако. Он в женихах не ходил. Он мой товарищ и дорогой друг. Версаче? Он меня открыл. Дал путевку в большую карьеру.

Замужество. Пока у меня нет желания выходить замуж и заводить детей. Моя профессия мешает быть хорошей женой, а

родить ребенка – дело серьезное.

Диета. Я никогда не признавала никакой диеты и не занималась спортом. С детства танцевала по семь часов в день. Мышцы не ослабевают и сейчас. Мне нравится курить, пить и есть все, что захочу.

Кумиры. Джозефина Бейкер, Мадонна, «Роллинг Стоунз» и… Уинстон Черчилль. Это был железный мужчина.

Сплетни. Журналисты пишут, что я дура, испорченная кретинка и т. п. Я научилась не читать заметки о себе. Не жду от прессы ничего хорошего. Для поднятия настроения достаточно интересных книг. Их я и читаю.

Деньги. Финансы – не тема для обсуждения. У меня дом в Нью-Йорке, где я живу; квартира в Лондоне. Покупаю ценные произведения искусств, картины известных художников. Например, Кэмпбелла. И не только потому, что мы с ним однофамильцы. Вкладываю деньги в ценные бумаги, чтобы обеспечить спокойную старость. Не покупаю драгоценностей, считая это вызовом бедным.

Успех. Чаще всего это судьба. Я благодарна судьбе. Я всегда оказываюсь в нужное время в нужном месте и с нужными людьми.

Нижнее белье. Никогда не ношу «интима». Нижнее белье, как и неинтересные люди, меня раздражает. Не пойму, как его вообще носят, особенно когда жарко. А посчитайте, сколько вы тратите времени на покупку белья, одевание, раздевание, разглядывание себя в зеркале. Что-то не подходит, портится настроение. «Интим» любят только слабые мужчины. Сильному мужчине не до дамского нижнего белья…

Цвет кожи. Даже теперь, когда я звезда, мне иногда говорят: «Извини, Наоми, в этом сезоне мы не приглашаем черных манекенщиц. Они не в моде». Для меня это странно. Мы идем на подиум демонстрировать одежду, а не цвет нашей кожи.

Будущее. Поставлю памятник. Версаче… Закажу ужин со свечами. Поставлю его любимые пластинки».

* * *

Если вы спросите, кто из знаменитых актеров, певцов, музыкантов самый верный приверженец стиля Версаче, вам ответят сразу: Мадонна.

Ах, Мадонна! Она одевается от «Версаче», но ужинает с Карденом. Побеждает Челентано, но проигрывает Катрин Денев…

Помню, как за несколько недель в Италии было объявлено о приезде в Рим звезды рока Мадонны и ее выступлении по первому

каналу государственного телевидения.

Сотни молодых людей собрались перед гостиницей «Гранд отель». Они желали знать, не снят ли заказ на номер для суперзвезды. Их успокоили: заказ остается, и, более того, частный девятнадцатиместный самолет с Мадонной, продюсером, телохранителями и ближайшим деловым окружением уже приземляется на военном аэродроме Чампино (там принимают обычно самых важных гостей Рима). Суперзвезда вскоре пожалует в «Гранд отель».

…Чампино. Мадонна, прикрываемая двумя великанами-телохранителями Бобом и Ноэлем, а также полудюжиной агентов из итальянской службы безопасности, медленно спустилась по трапу и прошагала по ковровой дорожке к шестидверному «Мерседесу-лимузину» с затемненными окнами.

«Мадонна! Улыбнись!» – кричал, расталкивая коллег и беспрестанно щелкая фотоаппаратом, репортер из газеты «Мессаджеро». Мадонна одарила журналистов белозубой улыбкой, прижимая к черной шубе букет из 101 орхидеи.

В «мерседесе» актриса проявила беспокойство: в руках – цветы, но нет дорожной сумки с личными вещами и драгоценностями. «Неужели! – тревожно воскликнула звезда рока. – Не может быть!..» (Забыла, что прилетела в Италию. В эту Италию, где…) Волнение длилось несколько минут. Телохранители быстро обнаружили сумку Мадонны. Ее забрал в самолете и бережно нес итальянский менеджер Франческо Палацци. (Когда еще удастся угодить Мадонне!)

Кортеж из двух полицейских джипов и трех «мерседесов» направился в город. Перед «Гранд отелем» неистовствовала толпа поклонников. Наряды полиции и карабинеров, агенты в штатском пытались оттеснить молодых людей от входа в гостиницу. Тщетно.

Мадонна, бледная, с распущенными белыми волосами. Она словно задыхалась. Поправляла (или вытирала) черные очки. Посылала воздушные поцелуи. Любители рока стонали в экстазе. Один даже потерял сознание. Мадонне аплодировали даже карабинеры, поддавшиеся общему настроению и на мгновение позабывшие о своих служебных обязанностях. Перед ними Богиня, сама Мадонна. В одежде от «Версаче».

Когда вращающиеся двери «Гранд отеля» «провернули» Мадонну, я обратил внимание, что стоял у входа рядом с девушкой, которая по одежде, прическе, росту, выражению глаз могла бы претендовать на полную копию актрисы. Мы поздоровались, и я словно услышал голос Мадонны. Невероятное сходство. Решил «спровоцировать» на короткое интервью, будто я

не из числа поклонников Мадонны. Такие тоже встречаются.

– Что вы находите необыкновенного в Мадонне? Конечно, звезда первой величины, но не на всякий вкус. А одежда? На днях газеты, например, написали, что Мадонна могла бы с успехом занять первое место среди звезд, которые не умеют одеваться. Хотя в их распоряжении даже Версаче.

– Не верьте прессе, если она клевещет на Мадонну. Вы знаете, что Мадонна одевается у Версаче, а он – гений. Мадонна – богиня. Ах! Мадонна! – ответила девушка.

…Толпа словно пружина. То прижималась к стене отеля, то растягивалась на проезжую часть улицы, перекрывая движение. Голос из репродуктора: «Мадонна! Возьми нас всех с собой в рай».

На балкон второго этажа «Гранд отеля» выходит Мадонна. Машет рукой, поправляет волосы и царственно удаляется в апартаменты, называемые в гостинице «королевской сюитой»: три ванны, «кухня» – скатерть-самобранка, все необходимое медицинское и спортивное оборудование, десять комнат только для свиты.

После быстрого обеда и короткого отдыха – пресс-конференция. Журналисты уже знали все: вплоть до того, в какой очередности подавали блюда Мадонне.

Вопросы, как принято в римском журналистском корпусе, самые неожиданные: Почему так сильно похудела? Какой придерживается диеты? Почему отказалась от русской черной икры, семги и шампанского? Почему предпочитает одежду от Версаче? Есть ли новый спутник в нелегкой жизни?..

Такие же короткие ответы:

– Я в наилучшей форме. Ем только зеленый салат, фрукты и курицу. Пью минеральную воду «Эвиан» и диетическую «коку». От «Версаче» одела всю команду. Но себя к одному кутюрье не «привязываю». В Париже ужинаю с Карденом.

– Какую одежду предпочитаете?

– Только черного цвета.

– Говорят, что ваш темперамент провоцирует громкие скандалы?

– Я человек с противоречивыми взглядами и еще я актриса. Со своими мыслями и настроениями. Возможно, из-за них-то и рождаются скандалы. Скандалы тоже способны приносить пользу. Без скандалов жизнь становится пресной. Я союзник скандалов.

– Вы были брюнеткой, а сегодня блондинка. Вы были полной, а теперь – худышка. Что вы еще собираетесь сделать завтра со своим внешним видом?

– С внешним видом? Ничего. Хочу только стать более умной. Но это сразу разве увидишь? И не все способны и умеют

разглядывать.

– Что вы хотели бы сказать вашим поклонникам во всем мире, включая Россию?

– Спасибо за поддержку. Не болейте тяжелыми болезнями. Из всех роковых ситуаций выбирайте концерты рок-музыки.

– Думаете ли вы, что вам сопутствовал бы такой же успех, если бы не носили имя «Мадонна»?

– Мадонна, это имя, производящее эффект только в Италии. Здесь, на Родине, уже многие забыли, что меня зовут Луиза Вероника Чиконе. Я родом из области Абруцци. Там в 1975-м окончила школу и была лучшей ученицей в классе. Замечу, об этом действительно не знает почти никто. Но я не забыла. Люблю не только Италию. Люблю весь мир.

…У выхода из «Гранд отеля» толпа поклонников Мадонны не расходилась несколько часов. Среди восторженных молодых людей я увидел ту самую девушку с белыми волосами и в черной куртке. И повторил ее слова: Ах! Мадонна! (Те же слова я повторил, когда узнал, что Мадонна стала счастливой матерью…)

…Вечером на экранах телевизоров по первому каналу властвовала Мадонна. Она собрала 6 миллионов 489 тысяч зрителей. Параллельно, по частному каналу Фининвеста, шла программа знаменитого Микеле Санторо с участием не менее знаменитого Адриано Челентано. 4 миллиона 904 тысячи зрителей. Пусть подсчет чисто арифметический, но победу одержала Мадонна.

Ах! Мадонна! – через сутки эти слова уже гремели в Париже. Там после концерта она была гостьей Пьера Кардена. Ужинала в «Максиме»… почему-то говорили о Джанни Версаче.

…15 июля 1997 года Мадонна плакала. Не стало Джанни Версаче.

* * *

Конкурентом Мадонны по популярности в Италии и других странах Западной Европы может считаться сейчас только ее ровесница американская актриса Шарон Стоун. В Италии особым вниманием Стоун окружает дом моды Валентино. Он организует ей культурную программу, торжественные обеды с присутствием членов кабинета министров и даже бывшего премьера Дини (он личный друг Валентино. Стилист – единственный из мира итальянских кутюрье, заявивших, что на парламентских выборах отдает свой голос за Дини, за его политику. И, надо сказать, был прозорлив).

Версаче же сострил: «Стоун я не одеваю, так как не занимаюсь политикой, а для Валентино я – всего лишь собрат по цеху. В политике, вернее, во взглядах на политику – у нас расхождение. Политика – это часто игрушка, брошенная на дороге. Один поднимает, почистит, помоет, другой – пройдет мимо».

* * *

– Как из «тройственного союза» братьев и сестры Версаче выросла империя с грифом «Gianni Versace», «медузой» и греческим знаком?

– Все детство с рождения в декабре 1946 года прошло в Редджо-Калабрии. Мы приучены к труду с ранних лет. Помогали матери и тетушке. Заслужить от них похвалу было делом трудным, и если такое случалось, значит, сделали что-то действительно доброе и серьезное, – говорил Джанни Версаче. – Я часто стоял по вечерам на берегу Мессинского залива и думал, что, когда вырасту, обязательно вернусь сюда знаменитым, сошью костюмы для тех, кто однажды соединит берега Сицилии и Апеннинского полуострова. Страна и люди будут богатыми, счастливыми, открытыми. Это время пока не пришло.

В 1970 году Джанни переехал на север Италии в Милан, где только родился обычай ставить имя кутюрье на коллекцию готовой одежды – прет-а-порте. Джанни Версаче сотрудничает с Донателлой Джиромбелли, создает линии «Дженни и компаньоны», «Молния». Брат Санто стал менеджером, принялся закладывать основы будущей семейной «империи».

В 1972 году Джанни уезжает в Америку. Там быстро и ловко, как он говорил, изловил «за хвост жар-птицу» и вернулся в Италию уже знаменитым. В 1978 году во дворце Делла Перманенте он организовал демонстрацию' своей первой коллекции женской модной одежды. И теперь его успех и капитал начали отсчитывать от того 1978 года… Фантазия способствовала росту известности. И Джанни «разгонял свой велосипед». Когда появилась диадема и ожерелье «Тщеславие Леонардо Да Винчи», все поняли (в первую очередь, Морис Бежар и Боб Вилсон), что родился и заставил о себе говорить гений изящных искусств. «В то время как признанные мастера пытались сказать только «А», Версаче уже проделывал весь маршрут от «А» до «Я». Скорость мышления, расчет и быстрота исполнения – гигантские», – говорил о Джанни Версаче француз Морис Бежар, но все-таки полностью потенциал и волю модельера-художника выразить и

высчитать никто не мог.

– Что такое счастье? – спросил как-то Бежар у Джанни.

– Счастье? Это ночь, проведенная под звездами. Работая, мечтая, философствуя вместе со старым другом, таким, как ты, Бежар…

Они дружили верно и трогательно многие годы, создавая удивительные творения. Последнее датировано 24 июня 1997 года. Место действия – Флоренция. Спектакль-показ, созданный совместно Джанни Версаче и французским хореографом и поставленный на сцене средневекового амфитеатра в «джардино» – саду Боболи дворца Питти. Спектакль назывался «Барокко Бельканто». «Маэстро нового средиземноморского стиля в одежде и мэтр западноевропейской хореографии объединились и создали прекрасное, неповторимое, редкое по гармонии, красоте, нежности и неожиданности линий, музыки и движения действо», – писали газеты. «Впечатление такой силы может оставить только Версаче», – отмечал генеральный директор музея дворца Питти Раффаэлло Наполеоне, сидевший во время спектакля в первом ряду вместе с Наоми Кэмпбелл. Это была их последняя встреча…

Подсчитано: за четверть века модельер, не доживший до 51 года, провел более шестидесяти костюмированных спектаклей, собрал аудиторию из многих десятков тысяч художественно, профессионально и эстетически подготовленных зрителей. Я расскажу лишь о главных особенностях, качественных штрихах, характеризующих направления творческой мысли и результаты его труда в последние годы.

В период с осени 1995 по весну 1997 года Джанни Версаче перенес страшную болезнь. Не рак победил Версаче, а Версаче рак. Мужество оказалось сильнее болезни. Для зрителей мэтр никогда не был болен. Он присутствовал на всех показах, улыбался, щедро давал интервью, не пропускал званые обеды и ужины.

– Это тоже трудная и необходимая работа, – говорил Джанни, – чем больше выпил и съел, тем, видимо, дольше беседовал с интересным человеком. Иначе зачем пришел? (Смеется.)

Итак, мои репортажи с показов с некоторыми комментариями.

Глава 3
Время консервативного шика

Джанни Версаче, его брат Санто и его сестра Донателла проповедуют «независимость молодых людей-авангардистов, свободных от предвзятых точек зрения, канонов в одежде и во вкусах, способных в любом обществе появиться в смокинге и в тапочках».

В галерее на улице Джезу, в Милане, Версаче собрал большое количество зрителей – публику самую «разношерстную»: от знатных гостей, среди которых дочь султана Брунея, до рядовых потенциальных покупателей «с улицы», от «художников и актеров до обычных хиппи».

– Мой закон – не спорить с ветром. Ветер точно знает, куда и зачем дует. Мы, кутюрье, как и наши «приказчики», продавцы модной одежды, всего лишь флюгеры, указывающие направление могучего ветра. Со стихией не боритесь, а умейте предугадать ее время, почувствовать ее силу. Не злорадствуйте, когда падает кто-то, не справившийся со стихией, – говорил Джанни Версаче. – Ныне время «консервативного шика». Исхожу из анализа вкусов не только на Западе, но и Востоке. В Москве у нас, например, открыт магазин класса люкс. Там дамы и господа платят по десять – пятнадцать тысяч долларов сразу и наличными. Приходится даже вооруженную охрану нанимать, чтобы «регулировать» поток клиентов (такого на Западе не бывает). Синьора покупает костюм и хочет приобрести также туфли от «Версаче», очки, сумку моей марки. У русских особые обычаи. Они чувствуют себя в магазине так, как будто находятся у себя дома, на службе или в офисе. Интересно. Еще более интересно, как все переворачивается в нашем мире. Может быть, я превратно понимаю, но Восток может стать Западом, а Запад – Востоком. Это в вопросах моды! Как будут выглядеть наши клиенты, когда откроем магазин в Пекине?

«Среди поклонников стиля Версаче – боксер Тайсон, носивший даже в тюрьме майку «Версаче» (атлет на показ в Милане не приехал: зарабатывал миллионы в другом месте), рок-звезда Мадонна, певец Паваротти, актер Хью Грант, окружение леди Дианы, пока безымянные «новые русские» и целая армия простых землян», – писала миланская газета «Коррьере делла сера». Мода Версаче не обошла стороной и американских космонавтов. Они заказали коллекции одежды для себя и своих семей только от «Джанни Версаче» В основном желтого,

оранжевого, красного и зеленого тонов. Для женщин средних лет – платья с цветами будто из парка английской королевы. Шли поиски новой эмблемы. Знак Версаче – металлическая «медуза», видимо, не удержится до 2000 года на многих изделиях фирмы.

«Гранд современного барокко и живых декораций» – Джанни Версаче. Он приглашал на показы самый пышный набор топ-моделей, не скупился на приемы и репетиции, представлял на подиуме самые большие коллекции моделей (около двухсот). Каждая его коллекция не снижалась в стоимости: 1,8–2 миллиона долларов. Рекламные строки, которые я почерпнул в службе печати Версаче, и, кажется, я их слышал уже неоднократно. Что говорил сам Джанни?

– Творческому кредо пока не изменяю. В моем представлении мода должна как можно чаще меняться, капризничать и изощряться. Но быть всегда женственной, элегантной, немного эксцентричной, – считал калабриец, ставший почти абсолютным авторитетом «массовой моды», одежды, очков и кожаных аксессуаров в Америке, Европе, Японии.

Помимо художественного таланта стилист обладал даром бухгалтера и экономиста. Его философия сводилась к расчету: человеку мало одного желания иметь хорошую одежду. Для этого необходимы финансовые средства, от которых зависит качество и количество костюмов в гардеробе. Так было и есть в Америке и Европе, такая философия моды и бизнеса распространяется на Восток, в частности на Россию и Китай, куда потянулись интересы Джанни. Теперь и в России многие «VIP» одеты в костюмы от Версаче, благоухают его духами, затянуты в ремни, носят галстуки, многочисленные блестящие заколки, шпильки, подвески со знаменитыми знаками «Версаче».

Кто в конце XX века были самыми большими поклонниками Версаче? Как всегда, дочь шейха Брунея, леди Диана и рок-звезда итало-американка Мадонна, Элтон Джон, Стинг, Лид Хёрмс, дочь Элвиса Пресли…

* * *

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века знак Версаче – знаменитая «медуза» – обосновался в гардеробном «мире» модниц и модников Европы, Америки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, на юге Африки и в Австралии. Спрос на моду Версаче продолжает расти, распространяясь теперь на Центральную и Восточную Европу. Размыты «дамбы» России и стран СНГ. «Русский лед тронулся, господа», и Джанни Версаче разбил его

одним из первых. Модное «барокко» Версаче с его «медузой» и другими характерными эллинско-римскими знаками стало известно в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. «Русский лед» Версаче рубил дальше, не дожидаясь, пока его растопят другие. Один мой друг, не намекая на сизифов труд в России, обращался к Джанни: «Руби лед скорее, пока он не растаял…»

В Россию многое приходит с некоторым опозданием, но, появившись однажды, превращается в «модный бум». Мода молниеносно разлетается по периферии, достигает столиц бывших союзных республик, где в высших кругах местных «элит», во всем утверждающих свои принципы «видимого» суверенитета и независимости, тоже стремятся «идти в ногу», легко попадают в зоны действия «медуз» и объятия других модных марок. Мы живем во время бурных проявлений вкусов и финансовых возможностей. Версаче все это учел. Он понял, что время летит мгновенно. Мы – только искорки, желающие ярко блеснуть. А одежда – это блеск! Не хлебом единым жив человек…

В Риме я видел, как группа наших восточных экс-соотечественников закупала «пачками» сумки Версаче и гордо, независимо (от всех таможенных служб) вывозила в свои города продукцию Джанни Версаче, выполняя миссионерские важные функции современных «Марко Поло наоборот»… Несут на Восток итальянскую культуру в одежде не столько итальянцы, сколько сами представители восточных народов, и потому, что это теперь модно, современно и дорого!

Сам Версаче «наполеоновских планов» похода на Россию и в ее бывшие азиатские просторы не строил. О демонстрациях своих коллекций в Москве, Ташкенте, Алма-Ате или Бишкеке не заявлял. У нас «рычаги» его славы в Европе и Америке сработали без него, и теперь в СНГ он самый популярный западный стилист. В итоге, без обычных больших капиталовложений на рекламу Версаче вышел и укрепляется на рынке России и стран СНГ.

* * *

На флорентийском бьеннале «Время и мода» в мае 1997 года модельерам не приходилось представлять свои коллекции, и они легко давали интервью журналистам.

– В мире моды, искусства, бизнеса феномен успеха, популярности, финансового могущества стилиста Джанни Версаче считается неразгаданной тайной двух последних десятилетий XX века. Почему?

– Какая тайна? – улыбался Джанни Версаче. – У меня никаких

секретов. В декабре 1996 года отметил свое 50-летие, в Нью-Йорке скромно отпраздновал 25-летие карьеры кутюрье, с удовольствием принял пожелания коллег и друзей работать в том же темпе, по меньшей мере, еще столько же лет.

Годовой оборот фирмы «Джанни Версаче» составлял уже около двух триллионов лир, хотя во всех отчетах по-прежнему – 1,3 триллиона.

– Начинали с нуля, – говорил Версаче. – Теперь сеть бутиков на всех континентах, линии моды нашей фирмы признаны повсюду.

– Какие качества вы считаете главными для современных кутюрье?

– Трудолюбие, фантазию, терпение, скромность и широту души. Это моя точка зрения, человека с ярко выраженным средиземноморским характером. Всем, что сегодня имеет моя семья, мы обязаны маме. Она была портнихой, и я с двенадцати лет работал у нее подмастерьем. Ее первая заповедь: никаких подарков, только справедливая плата за труд. Сам же бескорыстно помогай другим. Что я и делал с детства. Помогал, например, тетушке Матачена, подбирал ей ткани, нитки, пуговицы для одежды…

– Понять мастера может каждый, подать ему некому… Моя любезная матушка подарков нам не делала. Считала, что дары развращают душу и мозг. Теперь мы все с ней согласны, и у нас есть квартиры, дома, виллы в Риме, Милане, на озере Комо, в Нью-Йорке, на Майами…

– Хобби?

– Как вы знаете, за последний год пристрастия не изменились. Живопись, антиквариат, произведения старинного и современного искусства. Кандинский, Шагал, французские импрессионисты. Недавно приобрел полотно Пабло Пикассо. Портрет Франсуазы Жиро с детьми Паломой и Клодом.

– Здоровье?

– Слава богу! В прошлом году перенес тяжелейшую болезнь. Думал о самом худшем. Но выжил, теперь строю планы на третье тысячелетие. К 2000 году я уже готов!

– Кто ваш кумир? Есть ли у вас свой образ женщины, для которой бы вы всегда шили свое платье?

– Ее Величество Женщина в целом. Это – милые синьорины, и еще недавно певица Элла Фитцджеральд, и Софи Лорен, и Джина Лоллобриджида… Когда-то в юности я рисовал лица Софи и Джины. В эскизах одевал их так, что кое-кто считал меня сексуальным маньяком. Но я им никогда не был. Секс – дело тонкое, эмоциональное, персональное. Маньяк – это ужасно. И

вред от него всему обществу.

– Вы следите за тем, как живут ваши близкие и друзья юности на родине, в Калабрии?

– Известия из Калабрии получаю часто. О многом знаю по прессе. Например, по-прежнему ходят паромы. В общем, там, где когда-то плавал Одиссей, больших изменений не происходит.

В многочисленных интервью, обращаясь к стилистам, журналисты часто заводят разговор о кинематографическом и театральном искусстве. С живописью, кажется, все ясно и просто: картины имеют свою стоимость, цены постоянно растут, появляются новые гении, а деньги в них вкладывать выгодно, полезно, надежно.

Одеть же театральную труппу на один или несколько спектаклей – это уж спонсорство, требующее значительных капиталовложений. Джанни Версаче шел на это. С кино дело обстояло сложнее, и Версаче следил за положением на рынке кино.

– Кто ваш любимый режиссер?

– Федерико Феллини.

– Самый любимый актер?

Марчелло Мастроянни.

…Марчелло ушел из жизни 19 декабря 1996 года, через тринадцать дней после того, как Джанни Версаче отметил свое пятидесятилетие. Из стилистов Марчелло особенно ценил Джанни.

Версаче, как и многие другие деятели итальянского и мирового искусства, тяжело пережил вторую потерю после Федерико Феллини – смерть Марчелло Мастроянни.

Глава 4
Меня любила жизнь

Марчелло Мастроянни навсегда остался и в моей памяти. Благодаря Федерико Феллини и Альберто Моравия, которые познакомили меня с Марчелло, я имел возможность часто встречать актера и даже знал, пожалуй, многие римские места деловых и дружеских свиданий Марчелло. Теперь легко сказать, но в любой полдень, когда Мастроянни был в Риме, я мог найти актера в определенном месте Вечного города.

Ныне остались воспоминания, и я в их власти. Уход Версаче заставляет вспомнить и о тех, кто был в его «интеллектуальной обойме», в кругу его близких, друзей, партнеров, единомышленников…

…Он был в черных очках. Воротник серого длинного пальто поднят. Сломал сигарету, выбросил.

– Чао, Федерико… Я потерял друга. Человечество – своего гения… Смерть безжалостна… Потери неизбежны, но разве это утешает, – говорил мне Марчелло Мастроянни в коротком интервью при прощании с Федерико Феллини в Риме.

…Теперь не стало и Марчелло. Он ушел из жизни в Париже 19 декабря. В 5 часов 45 минут. В квартире своей подруги Анны Марии Тато, на пятом этаже дома 91 по улице Сены. Через полчаса пришла Катрин Денев с дочерью Кьярой…

Марчелло хотел отметить Рождество вместе с дочерью, ожидавшей ребенка. Не успел. Последний спектакль, в котором сыграл Марчелло Мастроянни, назывался «Последняя луна» драматурга Фурио Бордона. Премьера состоялась в Венеции в театре Гольдони. В Венеции было и наше последнее рукопожатие. В Венецию приезжал и Версаче.

– «Перевари» текст пьесы, и ты поймешь, что я хочу сказать всем, – сказал он. – Я верю в жизнь, но все чаще думаю о другом…

В финальной части спектакля сгорбленный Марчелло, в стареньком твидовом пиджаке, в шлепанцах, произносит монолог:

«Я хотел бы умереть на Рождество. Под большой елкой, усыпанной разноцветными лампочками. Вокруг огромная площадь. Медленно падает снег. Я смотрю на него. Рядом два моих брата. Я чувствую себя как дома, в тишине и безопасности. На голове сдавливающая виски шапочка. Словно на ребенке… Скажу правду всем, хотя она неприятна. Это право у меня никто не может отобрать. У меня нет будущего: оно уже не

существует…»

…Он словно зачитывал свой «приговор». Но об этом мало кто знал. Зал аплодировал великому актеру. Он улыбался своей мягкой застенчивой улыбкой. Для итальянцев Мастроянни – самый «итальянский актер». Ирония, остроумие, великодушие, хитрость, скромность и бравада…

– О себе рассказывать стесняюсь, – говорил мне тогда в Венеции Марчелло. – Кажется, что повторяюсь. Родился 28 сентября 1924 года в Чочарии в семье ремесленника-краснодеревщика. Кино стало моим призванием, жизнью, хотя начинал в 1944-м с учебы на топографа в военно-географическом институте во Флоренции. Первая серьезная работа в кино в 1947 году в фильме «Отверженные». К «Собачьей жизни» (1950 год) за спиной уже семь фильмов, и можно было даже жениться.

Я обвенчался в 1950-м с Флорой Корабелла. Через год у нас родилась дочь Барбара. Флоре я храню верность самого неверного супруга. Бывает и такое. «Такова жизнь», – говорят не только французы. У меня же мысли чистые… Я постоянен. Всегда верю в любовь. За это любят и меня.

Его как-то назвали «Казанова наших дней», и он ответил:

– У венецианца было в активе 116 дам сердца, как утверждают историки. Писатели создали о Казанове 500 романов и свыше десяти тысяч литературных эссе. Обо мне и моих романах – ни одного. Нет, я не соблазнитель. Для меня «амур» – движение взаимное. В нем я участвую всего «наполовину». Правда, всегда начинал движение первым. Бывали и неудачи. Мечтал о Мэрилин Монро, но, увы… Мечтал о цинской императрице…

В Риме вышла книга о Марчелло Мастроянни, о «личных историях» самого обаятельного, самого соблазнительного, самого остроумного и другого «самого, самого» актера итальянского и мирового кино второй половины XX века. Победителя, как говорят в Риме, по десяти параметрам – «главного любовника-латинянина», налетчика на незащищенные женские сердца.

– Я никогда не был «налетчиком», – не соглашался Марчелло. – Специализировался «на взглядах». Молчаливых, застенчивых, но полных значения. Вспоминаю первую обнаженную женщину. Нет. Их было сразу две. В одном приватном римском доме я честно сказал, что у меня нет денег, а они (неблагоразумные) сказали, что могу убираться. С тех пор в дома свиданий я больше ни ногой. Мрачные заведения. Никаких чувств и подлинных эмоций.

…Жить в окружении прекрасных актрис, с которыми надо еще и работать, совсем непросто. Например, отснята любовная

сцена. Электрики и другие, кто находился рядом, хотят знать, как все происходило на «самом деле», не в кино… Еще бы, ведь в объятиях Софи Лорен, Урсулы Андерс… Но у меня с ними не было «общего языка»…

Расстаться с женщиной (а не оставить ее) всегда болезненно. Им, женщинам, проще: они, словно хирурги, режут навсегда. Мужчины «ковыряют» раны…

Из своих дам сердца Марчелло хранил особо нежные чувства к Катрин Денев (в Париже они жили по соседству): «Мы прожили чудесное время. Я всегда смотрел на нее с восхищением. И было на что смотреть. Но затухают даже звезды. Такова жизнь. А жаль…»

Когда они повстречались (как всегда, на съемках), Марчелло было сорок восемь, Катрин – двадцать девять. «В пятьдесят я стал отцом. Это особая ответственность, другое ощущение мира. Печально, что чудеса в личной жизни случаются, когда тебе уже больше пятидесяти…» – скажет он потом.

Встречи становились все более редкими. Несколько раз Марчелло приезжал в Париж. Тайком приходил в школу, чтобы увидеть среди ребятишек свою Кьяру…

А что же Флора, законная жена Марчелло? Она знала обо всем. Даже предложила Марчелло развод. Мастроянни – верный супруг – только с удивлением взглянул на жену… Не с ума ли сошла?

– Я его ревновала, наверное, меньше, чем все другие, – говорила Флора. – Знала, что ревность – чувство пустое, бесполезное, лишнее и болезненное для самой себя.

А отношения с Софи Лорен, вместе с которой Марчелло Мастроянни снялся в двенадцати фильмах? «Любовные связи» Марчелло и Софи в кино стали «хрестоматийными».

– Нас связывает только глубочайшая дружба, – смеется Софи Лорен. – Для меня Марчелло как родной брат. И я для него также, думаю, дорога́. (Это была действительно великая дружба двух величайших актеров.)

– Можешь ли ты упрекнуть себя в чем-либо недостойном в отношении женщин? – спрашивали Марчелло.

– Ни в чем. Нет, пожалуй, лишь в одном: для меня всех женщин было слишком мало… А еще я очень модный, в любой одежде. Софи Лорен подавай то «Валентино», теперь – «Армани». Я же «договаривался» со всеми стилистами сразу, но прежде всего с Версаче…

Кто из режиссеров оказал наибольшее влияние на творчество Мастроянни-актера? Прямого ответа на этот сложный вопрос Марчелло не давал. Работал с Коменчини, Де Сантисом, Де Сика,

Антониони, Де Филиппо, Висконти, Трентиньяном, Скола, Поланским, Михалковым. Но особо прочная дружба многие десятилетия связывала Марчелло с маэстро Федерико Феллини. «Я очень счастливый человек. Меня любила жизнь…» Для итальянца эта фраза Марчелло звучит как один из его многочисленных афоризмов. Итальянцы умеют чтить своих гениев при жизни и после… Мастроянни завоевал любовь, которую называл несчастьем для бедных и богатых. Для всех…

– Кто был твоим лучшим зрителем? – спрашивали его.

– Я ценю всех моих зрителей, но самыми дорогими и трогательными были мои мать и отец. Мама ослепла, папа оглох. Но представьте себе, они ходили на фильмы с участием сына, чтобы вместе слышать и видеть своего маленького Марчелло.

– Папа, тебе приготовить на ужин рыбу? – спрашивала Кьяра.

– Зачем мне рыба, дочурка, у меня уже – рак… – улыбался Марчелло. – В России в похожем случае один поэт посылал за пивом. Вот сколько знаю о Родине социализма.

* * *

На вопрос, в чьей одежде ходит по телеэкрану Анна Каренина в фильме «Великий пожар», Версаче не ответил, лишь только прищурил глаза.

…Кэрол Алт, высокая элегантная заокеанская фотомодель, к полному недоумению итальянских кинокритиков снялась на студии частного телевидения «Фининвест», принадлежащего Сильвио Берлускони в роли Анны Карениной.

Раздражающий тон критики не вызывал отрицательных эмоций у актрисы, которая счастливо улыбалась и считала, что работа над образом героини Льва Толстого (в сегодняшнем восприятии) лично ей помогла вернуться в лоно семьи, к бывшему мужу, известному хоккейному чемпиону, ныне миллионеру, торгующему стиральными порошками, и заодно переосмыслить всю прежнюю, пока еще тридцатичетырехлетнюю, жизнь.

Не обескуражила требовательная римская пресса и создателей фильма (режиссер Фабрицио Коста, сценарист Энрико Медиоли), которые убеждены, что меняются только время и место возможного действия, а нравы и сердечные увлечения объединяют все страны и народы (сам Лев Толстой если так и думал, то вслух этого не высказывал). Анна Каренина перекочевала из российской действительности царского времени на итальянскую землю, в наши дни. Поэтому, объясняли авторы,

мы назвали ленту не «Анна Каренина», а «Великий пожар».

Действие происходит на шикарной вилле неподалеку от Флоренции. Высшее аристократическое общество, спортивные и гоночные автомобили вместо лошадей и карет, новый железнодорожный вокзал с дорогими ювелирными лавками. Современная итальянская «Анна» (Кэрол Алт) – графиня, мать очаровательного «бамбино» и неверная супруга семидесятилетнего маркиза, обладающего и другими благородными титулами (мало их авторам), еще сенатора и, в довершение ко всему, приближенного ко двору его святейшества Папы Римского. Нарушитель семейной идиллии – злой любовник, промышленник из Турина, неугомонный искатель легких приключений, меняющий, как перчатки, катера и автомобили, порхающий с одного ложа на другое, с римской площади Навона под пальмы на площади Испании, от цитадели Сант-Анджело в тень вековых сосен квартала Пинчо.

Любовная мелодрама развивалась на экране с итальянской фантазией и «беззаботностью» высшего общества, от которой, по мнению сценариста, и самого Льва Толстого пробила бы слеза. Воображение классика действительно подверглось бы суровому испытанию, как, впрочем, и наше, – заключил мой друг – критик туринской газеты «Стампа», предлагавший оплакивать не только судьбу русской аристократки, но и обреченный на успех (в определенных кругах) фильм.

Тем не менее главными в фильме оказываются мода и модельеры, которые с экрана показали «элементы» своих современных коллекций. Особенно ликовали флорентийские стилисты. Они аплодировали не столько фильму, сколько… себе самим и фотомоделям… Версаче хмурил брови… Его приглашали первым, он (из-за болезни) пришел последним…

Глава 5
Мафия стреляет в упор

Итак, думается, читатель, что у вас сложился определенный образ Джанни Версаче – человека огромного таланта, неисчерпаемой жизнедеятельности, жизнелюба с большой внутренней культурой, эрудита, ценителя искусств и мецената, эстета, гурмана и т. д. Возможно, за это в нынешнем мире тоже убивают, но позвольте в этом усомниться. Версаче говорил: «Чтобы не ошибиться, прежде всего, не следует спешить. Семь раз отмерь, один раз отрежь, и это справедливо не только для портного-кутюрье, стилиста. Мы так часто спешим резать. В жизни это очень опасно и даже вредно». Логику Версаче я пытаюсь спроецировать на его трагический случай. Ведь существует хотя бы лишь один процент сомнения, что убийца – не Эндрю Кьюненэн, в которого почему-то верил его духовный отец? Значит, у него тоже есть основания для сомнения?

…Когда под Римом два десятка лет назад был убит актер, режиссер, художник Пьер Паоло Пазолини, виновным на суде признали юного гомосексуалиста. Он осужден на пожизненное заключение и безропотно несет свой «крест». Теперь найдены определенные доказательства, что убийца – не он. Бывшему юноше, ныне мужчине, тридцать семь лет, и он не мыслит другой судьбы, нежели носить терновый венец, но, тем не менее, венец обретенный, как награда, как всемирная известность человека, убившего из ревности самого Пазолини. И что он будет делать, если вдруг полностью установят его невиновность, если он лишится своей, пусть сомнительной, но славы, утратит созданную легенду, имидж? Что может для него означать простое исправление судебной ошибки в сравнении со «славой» узника, повинного в гибели Пазолини? Тем не менее убил-то не он! Что если подобное могло бы произойти и в трагедии Версаче? Но тогда кто этот злой киллер? Кто этот адский «двойник», продолжающий жить вместо застрелившегося Эндрю?

О мафии, которая могла бы по разным причинам сводить свои счеты с семьей Версаче, в прессе писали больше намеками. Гомосексуалист. Встречи с единомышленниками в «клубах», в «домах-поплавках», если они и бывали, ну и что? Такое бывает довольно часто в этом мире. За грех наказывает Бог. Но связь с мафией, борьба с мафией – это совсем иное, что грозит не только СПИДом, раком, прочими заболеваниями, не угрызениями совести, а пулей. Не отлили ли свою пулю для Версаче мафиози?

Побудительных мотивов для этого немало: что означает, например, выделение десятков миллионов долларов для борьбы с подделкой продукции «Версаче»? А это – ассигнование средств на борьбу с мафией, с ее нелегальным, налаженным производством товаров с эмблемой фирмы «Версаче», контрабандной торговлей, коррупцией и т. д. Это – война без всяких правил, война за многие миллионы долларов. Смирись Джанни Версаче – самый «подделываемый» из стилистов мира – и не возникло бы этой журналистской версии: убит по заказу мафии. Именно к этой версии склоняются многие… Но о мафии будет особый разговор…

* * *

Фильм о «моем доме – моей крепости» модельера Джанни Версаче был назван «Просьба не беспокоить». Точнее, о трех домах-квартирах стилиста в Милане, Нью-Йорке, Риме, куда «посторонним вход запрещен», и где хранятся уникальные ценности, накопленные и созданные талантливым калабрийцем за десятилетия творческой деятельности.

Коллекции картин импрессионистов, мастеров эпохи Возрождения, полотна и рисунки Пикассо, Де Кирико, Гуттузо, а также многих наших современников, редкая антикварная мебель создали тот особый микромир, где жил кутюрье – создатель огромной империи моды, «государства без границ», «храма», чьи жрецы распространили по всем континентам через сеть магазинов и свои представительства около двухсот видов товаров, без которых в конце XX века не мыслят существования многие модники планеты. Нет, мафия на эти богатства не претендовала. Никто их красть не собирался, а тем более убивать за это Джанни Версаче. Мафия мыслит иными категориями. В «игре» – не просто деньги, а принципы мафии.

На западе – бум. Лучшие топ-модели и кинозвезды продолжают рекламировать новинки дома Версаче. Пресса сообщает длинный список «VIP», одетых в костюмы и пальто от Версаче, окутанных ароматом духов Джанни Версаче «Блонд».

И было бы странным в нашем мире, считают эксперты моды и полицейские, если бы славой фирмы с колоссальными оборотами не воспользовались бы ловкие мошенники. Подделывали же творения Леонардо Да Винчи, Рафаэля, Пикассо и Ван Гога, а здесь задача менее сложная – подделка товаров, выпускаемых нашим современником, пусть даже одиночными экземплярами. Изобретательным итальянским мастерам современной

«фальсификации» (термин полицейской хроники) эта задача оказалась более чем «по плечу».

В восточном районе Рима в ноябре 1995 года полицейские финансовой гвардии конфисковали продукцию «параллельной индустрии» на двадцать миллиардов лир, обнаружили три фабрики в областях Марке, Тоскана и Ломбардия, специализировавшихся на подделке товаров с эмблемой Джанни Версаче. Под следствием три известные фирмы, одна из которых производила джинсы; другая держала семь складов и двадцать коммерческих посредников. Помимо готовой продукции – костюмов, платьев, пальто, аксессуаров – конфискованы тридцать станков, на которых точно копировались эмблемы Версаче.

Санто Версаче – брат стилиста и генеральный директор фирмы «Джанни Версаче СПА» вынужден признать: «Подделка исполнена безукоризненно. Отличить копию от оригинала очень трудно». Особенно точно воспроизведены аксессуары. Подделку легче определить на кожаных изделиях (фальсификаторами используются менее качественные и менее дорогостоящие материалы).

По сведениям финансовой гвардии, продукция «лжеВерсаче» реализовывалась особенно успешно за рубежом, где поддельные и контрабандные товары подвергаются меньшей проверке и, спокойно «гуляя» под видом оригинала, продаются по «цене Версаче».

Конкуренты-«невидимки» наносят марке «Джанни Версаче» финансовый и моральный ущерб. Многие тысячи покупателей, поклонники стиля Версаче, считают, что носят одежду от знаменитого кутюрье-сарто, а на деле подделку из Тосканы. Не все от «Версаче», на чем стоит эмблема калабрийца. Не верь этикеткам, как впрочем, и известным надписям на клетках…

Фирма «Версаче» обеспокоена масштабами нашествия мастеров подделки. Выделены два миллиона долларов на «ведение разведывательной деятельности» по выявлению фальсификаторов марки «Версаче» во всем мире.

Злоумышленникам – производителям и продавцам – грозило лишение свободы от одного года до трех лет. Но не пойманных пока значительно больше, чем уличенных. Так что покупая товары «Версаче», попробуйте распознать, где оригинал, а где – копия.

* * *

…Он лежал под палящим солнцем, уткнувшись лицом в

дорожную пыль. Белая рубашка продырявлена на спине «волчьей картечью» и залита кровью. Мафия свела счеты с журналистом из Палермо.

…Черный лимузин занесло поперек дороги, вдребезги разбито ветровое стекло. Дверца изрешечена автоматными очередями. Убит босс мафии города Корлеоне доктор Наварра.

…13 января 1988 года. К машине бывшего мэра Палермо Джузеппе Инсалако подлетели два мотоциклиста. Выстрелы из крупнокалиберного пистолета. Пять пуль в 47-летнего сицилийского политического деятеля. Преступники скрылись.

…23 мая 1992 года. Автострада от палермского аэродрома Пунта-Раизи до центра города. Примерно три десятка километров. На полпути, в районе местечка Капаччи, взорваны мины с дистанционным управлением. Разнесен участок дороги, уничтожены бронированные машины. Убиты самый знаменитый в Италии 80-х – начала 90-х годов судья Джованни Фалконе, его супруга Морвилло и три телохранителя. Судья готовился предать гласности материалы о связях мафии, политиков и финансово-промышленных кругов. Через короткий промежуток времени мафия расправилась в Палермо с преемником Фалконе судьей Борселлино… Расследование начали итальянская полиция, спецслужбы, американское ФБР… Виновники якобы найдены. Но те ли? Говорят, что те. Однако сомнения остаются…

Чтобы определить степень опасности мафии для итальянского (конкретно) и международного сообщества (в целом), позволим себе обратиться к истории, к «истокам» мафии. Что это за феномен? Тайная ли организация, политическая, экономическая, социальная, или просто банда, сброд преступных элементов, обладающих своими законами, традициями, обычаями, методами действий, связанные клановыми, родственными и другими узами?

В следственной тюрьме-бункере Учардоне в Палермо с 10 февраля 1986 года в течение одиннадцати месяцев проходил первый судебный макси-процесс над 474 главарями сицилийской мафии. Впервые в истории Италии поставлена задача не только вынести приговоры преступникам, но и объединить усилия правоохранительных органов и государственной власти всех уровней с широкими слоями общественности в борьбе со спрутом – мафией, дать юридическую оценку этому страшному явлению современности – организованной преступности. Версаче первым из модельеров приветствовал этот форум.

Мэры почти ста итальянских городов собрались тогда в Палермо и заявили о своей солидарности с жертвами мафиозного террора, выразили решимость вести непримиримую борьбу с

преступлениями гангстеров. Поддержали мэров и представители интеллигенции, в частности художники, кинематографисты, журналисты, стилисты.

Более десяти главарей мафии были осуждены на пожизненное заключение (высшая мера наказания в Италии), многие другие – на различные сроки лишения свободы в общей сложности на многие тысячи лет. И что же?

Мафия получила сильный удар, но не была выкорчевана, продолжала действовать еще более дерзко, изощренно, дестабилизируя положение в стране. Версаче вместе с другими выступил против мафии: значит, определил свою позицию, попал в немилость к гангстерам или в их «черные списки». Об этом, понятно, никто тогда не знал. В практике мафии – не объявлять время, место и способ расправы, чтобы держать жертву в напряжении.

Во время судебного процесса мне довелось неоднократно бывать в Палермо. Из бесед с видными политическими деятелями и юристами Сицилии и Италии складывалась сложная картина разветвленной организации со своей иерархией – «куполой» – верхушкой и «рядовыми» боевиками-исполнителями воли боссов – авторитетов мафии. Это – огромная индустрия по производству и торговле наркотиками, контрабанды оружия, с колоссальными финансовыми средствами, оценивающимися в сотни триллионов лир. Эти деньги вложены в различные сферы промышленности и строительства, страховые и туристические агентства, торговлю, размещены в банках Италии и за рубежом. Мафия располагает десятками тысяч вооруженных преступников, арсеналами оружия и боеприпасов, современными средствами транспорта и связи. По некоторым данным итальянской полиции, не исключается, что мафиози получили доступ к химическому оружию, хранят в своих тайниках ракеты класса «земля-воздух» и могут угрожать пассажирским воздушным лайнерам. У мафии большие связи в политических кругах, свои выходы на аналогичные структуры в Европе и Америке. Мафия способна «достать» любого человека и свести с ним счеты. Не так ли случилось с Версаче? Всесильна ли мафия? Каково ее происхождение?

– Многие считают, что само слово «мафия» пришло на Сицилию с арабского Востока. Но единого мнения у ученых нет, – говорит профессор, мэр Палермо Леолука Орландо. – В прошлом веке мафиози были солдатами, телохранителями сицилийских баронов-латифундистов, служили для защиты их земельных владений. В вооруженные отряды феодалов вербовались, как правило, деклассированные элементы из числа преступников, выходцы из низших деревенских и городских слоев, и нетрудно

представить, какими методами и какие порядки они наводили на острове. С другой стороны, мафиози называли и тех, кто уходил в «маккин» – в горы и леса, и начинал вооруженную борьбу против баронов-феодалов. Так или иначе народный фольклор XVIII–XIX веков окружил романтическим ореолом образ мафиози – сильного, ловкого человека, защищающего свои и чужие земли, помогающего беднякам и монахам из окрестных монастырей. Исторически возникновение мафии можно объяснить как результат надолго затянувшегося на Сицилии процесса разложения феодального общества, ответной реакцией баронов на развитие новых слоев «зеленой буржуазии». При этом мафия постепенно перерождалась, следуя главному закону бандитизма – примыкать к сильному и повиноваться его финансовому и военному могуществу. Так, уже в XIX веке мафия, по-видимому, сложилась в особую тайную организацию, со своими законами и обычаями, тесно переплетавшимися со всей социально-экономической жизнью Сицилии. Мафия всегда была в контакте с теми, кто стоял у кормила власти. Не случайно в Италии говорят: «Если бы Рим был на Сицилии, то все римляне стали бы мафиози». Мало у кого вызвало удивление восклицание короля Умберто I, узнавшего, что мафия отстаивает свои территории: «Если мафия такова, то я стану первым мафиозо!»

За почти двести лет своего существования мафия постоянно перелицовывалась, порождая новые поколения бандитов. Ее тайные боссы меняли подручных, не останавливаясь перед шантажом и убийствами, а для окружающих выглядели добропорядочными людьми. На Сицилии трудно сказать, с кем имеешь дело. В результате, по данным журнала «Импреза Италия», мафия сумела отмыть в итальянских и зарубежных банках свыше 120 триллионов лир и держит под контролем 20 процентов всей коммерческой деятельности в магазинах, 15 процентов гостиниц, 20 процентов туристических агентств, 38 процентов молокозаводов, 20 процентов автосалонов, 60 процентов предприятий по производству сувениров, 19 процентов градостроительных и дорожных работ, 18 процентов лечебниц и «институтов красоты», 70 процентов заводов, выпускающих стройматериалы, 70 процентов ателье по пошиву рубашек, разного ширпотреба, по продаже обуви (часто используется этикетки знаменитых фирм, а производство – подпольных фабрик). Большим мафиозным бизнесом стало производство и торговля сигаретами «американских» марок, алкогольными напитками – виски, водкой, коньяком, шампанским. Одежда тоже один из товаров мафиозного бизнеса. И Версаче об этом был хорошо осведомлен. Участвовать в нем или бороться с ним?

Проще, наверное, оставаться в стороне. Версаче не смог.

У отдельных современных баронов, боссов мафии, складывались свои империи. Установлено, что у босса боссов сицилийской мафии Тото Риины, арестованного в 1993 году (восемь раз (!) приговоренного итальянским правосудием к пожизненному заключению и уже за решеткой официально вступившего в брак со своей супругой, прожив с ней до этого уже более 20 лет), банковские счета и имущество оценивались в сумму свыше двух миллиардов лир. Он обладал 47 земельными участками для возведения будущих городских кварталов, имел 202 здания и виллы, хлебопекарни, мясокомбинаты, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, фабрики по производству одежды и обуви, транспортные агентства с 262 автомашинами – от грузовиков до шикарных «феррари», «мазератти», «роллс-ройсов». Сам же Тото Риина – по прозвищу «Коротышка» – ходил в туфлях со стоптанными каблуками, носил рубашку без галстука и редко обновлял гардероб. Когда его спросили, кого из стилистов он знает, Риина назвал Версаче. Внешне Риина выглядел крестьянином или мастеровым. В действительности же являлся «боссом боссов» сицилийской «куполы», которую возглавлял более пятнадцати лет. По его приговору были убиты судьи Фалконе, Борселлино, сенатор Лима, многие другие видные деятели Италии. Ныне мафия угрожает смертью и уже якобы отлила пули для мэра Палермо Леолуки Орландо, прокурора города – Джанкарло Казелли, заместителя прокурора Терезы Принчинато, судьи Роберто Скарпинато… За ними ведут «охоту» мобильные отряды суперубийц.

В 90-х годах полицейские, карабинеры и агенты специальных служб Италии сумели арестовать помимо Тото Риины семерых главных руководителей сицилийской «куполы» мафии. Одним из самых могущественных был клан Франческо Мадонии, мафиози № 2. На Сицилии ему принадлежали шесть пристаней, через которые осуществлялись перевозки наркотиков и оружия из Америки, государств Восточной Европы, Среднего и Ближнего Востока. В сейфах этого «неприкасаемого» обнаружено 10 тысяч акций северо-итальянских фирм, ранее не подозреваемых в связях с мафией. (Сам Мадония жил на севере Италии и скрывался под видом скромного инженера.) Приблизительная оценка владений «скромного инженера» Франческо Мадонии – миллиарды долларов. Из стилистов он признавал Джанни Версаче.

В 1995 году в Палермо арестован Леолука Багарелли – родственник и «правая рука» Тото Риины, главный «распорядитель» смертных приговоров, главный «контролер»

контрабанды оружия и взрывчатых веществ. В противовес «крестьянину» Риине, Багарелли – большой модник, причем не выносящий стиля Версаче, как южанина, предавшего Юг и осевшего на Севере.

Старая мафиозная «купола» приемников себе не предполагала и не назначала. Теперь под аккомпанемент выстрелов, автоматных очередей и взрывов мафия «перестраивается», происходит подбор новых главарей. Предстоит долгая и кровавая внутримафиозная война, так как речь идет не только о том, кто займет высшие ступеньки мафиозной структуры, но и о переделе огромных финансовых и материальных авуаров, о захвате новых «мафиозных территорий».

– Каковы интернациональные связи мафии? – спросил я Леолуку Орландо.

– В Соединенные Штаты сицилийская мафия высадилась в начале XX века вместе с массовой эмиграцией итальянских крестьян. Идеология мафии нашла благоприятную почву за океаном и была канонизирована американской кинопромышленностью. Название «Коза ностра», семья Капоне, дон Калоджеро стали для одних «хрестоматийно» нарицательными, для других – «путевкой в жизнь»: гангстер превращался в охраняемого законом миллионера. Преступное постепенно перевоплощалось в «нечто само собой разумеющееся».

– Есть ли контакты итальянской мафии с российской?

– Безусловно, такие контакты отрицать нельзя. О них пишет итальянская печать, однако полицией официально не установлен единый координационный центр. Нет пока и юридических сведений о каком-либо «сращивании» этих двух столь разных по природе, происхождению и деятельности формирований организованной преступности.

Тайные организации аналогичные мафии существуют не только на Сицилии, но и в континентальной части Италии. Никто из мирных граждан не желал бы скрестить с ними «шпаги» и интересы. Вызов, брошенный Версаче, попытка розыска мафиозных заводов – это жест мужества.

Глава 6
Каморра не только у подножия Везувия

Так же как на Сицилии лучше не произносить лишний раз слово «мафия», так и в Неаполе среди новых знакомых предпочтительнее не упоминать о местной каморре – специфической форме организованной преступности, которая проникла во все поры общества в области Кампания, в городах у подножия Везувия. Каморра в течение нескольких столетий взращивалась всей социальной атмосферой Южной Италии, она переплетена с традициями и образом жизни многих поколений неаполитанцев, имеет свои корни и ростки на севере Италии.

В нашем сегодняшнем представлении каморра – это синдикат гангстеров, тайная разветвленная организация, влияющая на политическую жизнь третьего по величине города Италии с более чем миллионным населением, на его хозяйственную и культурную деятельность. Каморра – это невидимая сила, держащая под контролем многие дискотеки, бары, рестораны, ипподромы, стадионы, увеселительные вечерние заведения. И, конечно, в широком общественном понимании каморра – это тысячи мелких бандитов и хулиганов, заполняющих старые кварталы и рынки Неаполя, срывающих драгоценности и фотоаппараты с «небдительных» прохожих и ловко освобождающих чужие карманы от «груза» документов и кошельков. Каморра – это армия махинаторов, совершающих сложные многоходовые комбинации, в результате которых происходит покупка порции «белого порошка» или укол наркотика прямо на центральной улице Рома, у театра Сан-Карлос, на набережной Санта-Лючия – в «сердце» Неаполя. Этот «круговорот» каморра повторяет ежечасно, ежедневно, ежемесячно, ежегодно. В полицейских сводках сообщается, что в среднем, в черте Неаполя за год совершается более тысячи убийств или покушений на убийство, более ста тысяч ограблений, захватов людей с целью выкупа, бесчисленное множество мошенничеств, вымогательств и иных «рутинных преступлений». И все это – каморра, о действиях которой знают многие и столь же многие молчат. Версаче и здесь проявил «оригинальность». Однажды, показывая в Неаполе свою коллекцию, он бросил фразу: «Я бы чаще приезжал в Неаполь, если бы не боялся, что всю мою коллекцию к утру не скопируют. Здесь пропадали даже самолеты,

теплоходы и боевые эсминцы». Версаче волновала сущность процесса – социальная основа существования каморры, а не только забота о судьбе своей коллекции.

Политическая жизнь Неаполя проникнута атмосферой коррупции, спекуляции, непрерывных скандалов. Традиции каморры, имеющей собственный «кодекс чести», не ограничиваются элементарным бандитизмом. Вы можете сидеть в оперном театре, рядом с изысканно одетым мужчиной или дамой, беседовать с чиновником муниципалитета или бродить по залам знаменитых музеев, находиться на приеме-презентации, покупать украшения, пить местное вино, наслаждаться чудесной и душистой неаполитанской пиццей, совершенно не подозревая, что повсюду витает вирус каморры.

Подозрительность, понятно, не самый лучший спутник жизни. Если следовать «рецептам» опытных людей – не неаполитанцев, то, надеясь избежать круга каморристов и невольного общения с ними, лучше не приезжать в город у подножия Везувия. О засилии каморры в Неаполе вас постоянно предупреждает итальянская пресса, телевидение. Нравы каморры распространяются на деловую часть общества, затрагивают самые высокие сферы правительственных и муниципальных чиновников. В областной и городской джунтах идет тайная и явная борьба между различными кланами, группами каморры, за контроль над земельными участками, за подряды на строительство дорог, владение медицинскими и оздоровительными учреждениями, за правительственные субсидии. Аферы, как правило, выплывают наружу. Некоторые чиновники и даже министры, в частности бывший министр здравоохранения, попадают под суд, но каморра уже сделала свое многомиллиардное «дело» и готовит новых «подсадных уток», направляет их в органы исполнительной и законодательной власти. А пока начнется «охота на пернатых», гуси-лебеди, «утки-цесарки» каморры сделают свое «дело». Для проведения кандидатов в местные джунты каморристы расходуют на каждого ставленника примерно 150 миллионов лир. «Отдача» в несколько раз превышает финансовые вложения, но главное – политическое влияние, разносторонняя осведомленность, укрепление своих «корней», закладка плацдармов на будущее.

Не будем отпугивать миллионы туристов. Они ежегодно пароходами, самолетами, поездами и автомобилями приезжают повидать шедевры древнего города, бывшей столицы неаполитанского государства, Королевства обеих Сицилии. Не станем приуменьшать заслуги правоохранительных органов, ведущих с разным успехом борьбу с каморрой, но вынужденных признать, что гангстеры меняют привычки, преображаются вместе

с ветрами моды и цивилизации, но не исчезают с деловой арены, продолжая оставаться влиятельной прослойкой неаполитанского общества.

В конце Второй мировой войны с рейда Неаполя, пока команда моряков гуляла в одной из таверн, исчез американский боевой эсминец. Его не нашли и по сей день. Теперь эту историю рассказывают как легенду, но все знают, что выкрала корабль каморра. Два года назад в Неаполь пришли две русские подводные лодки. Пришли и пропали. Лодки нашли, но уже разрезанные на металлолом. Поработали местные гангстеры.

В разных уголках Италии продают шотландское виски, американские сигареты, модные туфли и одежду самых известных стилистов. И многое – это прекрасно выполненная подделка, изготовленная на подпольных фабриках, содержащихся под контролем и на средства каморры. Предположим, что подобное предприятие выявлено полицией, оборудование и продукция конфискованы, персонал арестован. В печати проходят громкие разоблачения. Сенсация. Скандал. Но вскоре наступает тишина. И уже работает другое подпольное ателье. Контрабанда не прекращается ни на один день. В обороте – доллары, лиры, франки, марки. В наибольшее количество финансовых и торговых афер попадают туристы из России и СНГ. Виной тому – доверчивость и незнание методов работы неаполитанской каморры. В местном порту или сразу за его воротами у туриста купят все, но за какие деньги? Ему продадут все, что душе угодно, с любой этикеткой, но знайте, «Версаче» – далеко от «Версаче», с подлинным «Валентино» пиджаки никогда и рядом не висели, а духи знаменитых марок Кардена, Версаче, Армани созданы местными «алхимиками» с лицензией… каморры. В этом вы можете быть заранее уверены. На все сто процентов!

Каморра умеет не только заниматься контрабандой, подпольным бизнесом, но и широко и красиво жить. Известно, что в Италии существуют только четыре (а не 30, как у нас в Москве) официальных казино, в Венеции, Сан-Ремо, Сент-Винсент и Кампьоне, и странно, что подобного заведения нет в Неаполе. Каморра с подобной государственной «несправедливостью», понятно, не смогла мириться и решила открыть свое блестящее заведение (одна реконструкция здания обошлась в 5 миллиардов лир) под названием неапольский «Коттон Клаб». Рулетка пока еще не начала крутиться, а полиция уже наложила арест на казино. Братья Джулиано, каморристы, «хозяева» неаполитанского квартала Форчелла, где находилось казино, потеряли лишь деньги, а их главные «помыслы» остались нетронутыми. На трех этажах казино полиция обнаружила

оборудованные по наивысшим стандартам столы с зеленым сукном, мраморные статуи Святой девы Марии, сады с орхидеями, иранские и китайские ковры, на диванах подушки со знаками «Версаче», ванны с гидромассажем, фарфоровые изделия с маркой Каподимонте, серебряные столовые приборы, редкие сервизы… Впрочем, все сошло с рук. Оказывается, «Коттон Клаб» мог бы стать культурным центром, а не запрещенным казино и домом свиданий главарей каморры – синьоров наркотиков, контрабанды, торговли оружием, рэкета. Каморристы желают выглядеть как почтенные, добропорядочные «VIP». И для этого у них есть средства, в полном смысле слова, герцогские дворцы, где весь персонал одет в костюмы известных стилистов. Этикеток на подкладке пиджаков здесь не ставят: чем более «знатен» каморрист, тем более «скучен» его внешний вид.

Микеле Цаца – «король» контрабандных операций – имел в Неаполе три виллы. На одной, на улице Петрарки, рядом с сосновой рощей оборудовали даже взлетную площадку со стоянкой для вертолетов. С виллы Микеле выезжал на «роллс-ройсе» с надежным эскортом, чтобы, например, заполнить необходимые документы в участке корпуса карабинеров квартала Санта-Лючия и отправиться за границу, на Лазурный берег, в Монте-Карло, в Европу, США… Выезд Цаца всегда превращался в роскошное шоу. Заметим, что Микеле Цаца надевал только костюмы Версаче, когда отправлялся в полицию или казино «Общества морских купаний – Монте-Карло».

Другой босс каморры Рафаэле Кутоло приобрел кастелло Оттавиано, принадлежащее герцогам Ланчеллотти. Сам каморрист во дворце так и не побывал, но его сестра Розетта устраивала там свои секретные вечеринки. Ее называют в Неаполе главной жрицей любви.

Во владениях боссов каморры, на частных виллах – тишина и уют. За оградами с колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток, – ухоженные парки. За каждой аллеей следит телевизионный «глаз». Дворцы у подножия Везувия модно именовать по-французски. Например, «Лувр». В «Лувре» на стенах – шедевры Луки Джордано, Сальваторе Роза, в одном из залов – позолоченный трон, принадлежавший Фердинанду VII. Вход во дворец украшен знаменитым каррарским мрамором. Этот мрамор предназначался для дворцов, императорских усыпальниц, в частности семьи Романовых в Санкт-Петербурге. Я не хотел бы проводить параллель между шиком и убранством дворцов и вилл каморристов и домами Версаче. И если «тон» общий, это вызвано лишь южным вкусом и темпераментом…

Излюбленные места отдыха боссов неаполитанской каморры

– Мальдивы и Барбадос, игорные дома Сан-Ремо и Монте-Карло. Пьет каморрист только шампанское, в Ницце останавливается в отеле «Меридиан», обедает и ужинает только в своем номере, имея всегда свои продукты – спагетти и фасоль, приготовленные личным поваром из Неаполя.

Особый ритуал: свадьба каморриста или члена его семьи. Все обставляется так, чтобы «излучать богатство и власть». Джемма Джулиано вышла в день бракосочетания в платье, шлейф которого несли двадцать пажей, одетых в костюмы средневековых моряков (они же – телохранители). Обратим внимание, платье выполнено мастерами из дома Версаче.

В честь своей свадьбы Марко Мариано из клана Пикуоццо – босса каморры в пятом поколении – подарил всем свидетелям по автомашине, а дамам – по золотому колье.

Валентино Джонта прикатил на свадьбу в старинной карете, запряженной белыми конями. Цвет чистоты…

Знает ли обо всем этом полиция? Знает. И нет оснований запрещать или проверять, когда все в рамках закона и, конечно, приличия. Об этом каморра сумеет позаботиться сама, и в первую очередь, о своей охране. В Неаполе говорят: «Кто предостережен, тот лучше вооружен». Предостережена полиция; предостережена каморра…

Арестовываются ли полицией каморристы? Для этого требуются неопровержимые доказательства, улики. Собрать их непросто. Впрочем, боссы каморры иногда подбрасывают полиции улики, но не против себя, а против тех, кто сильно «провинился» или уже не нужен. Все разыгрывается, как по нотам, однако бывают и срывы.

Несколько лет тому назад мой коллега, главный редактор газеты «Джорналле ди Наполи» опубликовал заметку, в которой назвал точную дату и цель полицейской операции в квартале Форчелла против Сальваторе Джулиано, который, ничего не подозревая, по вечерам выходил из дома, прогуливая на поводке молодого леопарда.

Полицейские предъявили газете иск за разглашение «служебной тайны». Редактор ответил сыщикам: «А тайны никакой не было. Все неаполитанские газеты имели информацию о том, что операция против Джулиано готовилась в ночь Святого Альдо с субботы на воскресенье (с 11 на 12 января). Обошли известием только «Джорна-ле ди Наполи», о чем газета и сообщила читателям». Скандал разразился грандиозный. Выяснилось, что полиция готовилась арестовать двух киллеров, которые… и без того уже сидели в тюрьме. Сам же Сальваторе Джулиано – босс с леопардом – уже несколько месяцев как

гулял… во дворе следственного изолятора. Во всем этом фарсе, оказалось, были заинтересованы боссы каморры из так называемых Испанских кварталов, в центре Неаполя. Зачем? Это – уже другой вопрос, на который каморра ответит, если это ей будет выгодно. Боссы каморры по собственному усмотрению информируют или дезинформируют полицию и прессу. Полиция же рапортует о своих славных успехах и возмущается разглашением тайн «пинкертонов» газетой, независимой от специальных служб. Такое тоже бывает в Неаполе.

В целом полиция ведет целенаправленную нелегкую борьбу против каморры. Но до верхушки добраться трудно. Мелкие же «рыбешки», которыми кишат испанские кварталы, – ежедневный профилактический «улов» полиции. Осужденных каморристов, как правило, содержат в тюрьмах за пределами Неаполя. Одна из известных тюрем для каморры – остров Пианоза. Преступников из различных кланов содержат отдельно друг от друга. Например, каморристы из банд Кутолы содержались в секции А, противники Кутолы – в секции В. Заключенные прозвали место отсидки «курортом с решетками».

Ни одного побега с Пианозы не было зафиксировано. Исповедь каморристов на острове-остроге принимает капеллан – дон Нандо Бертоли, доверенное лицо и полиции, и каморры. Он умеет четко сортировать информацию при исповеди. Если дон Нандо надевает «гражданское платье», то только от Версаче…

* * *

В Калабрии доминируют гангстеры, именуемые на местном диалекте н’дрангетта или фиббиа, занимавшиеся когда-то охраной апельсиновых плантаций и оливковых рощ. Ныне это – гангстерский синдикат с многомиллиардными капиталами, тайная группировка примерно с такой же организационной структурой, как мафия и каморра. Между тремя «сестрами» существуют свои связи, контакты и даже взаимодействие, когда речь идет о борьбе с органами государственной власти. В 1996–1997 годах н’дрангетта получила сильный удар от правоохранительных органов. Аресты сотен бандитов прошли не только в Калабрии, Бари, но и на севере – в Милане, во всей Ломбардии… В наручниках оказались и боссы н’дрангетты, которых в Милане причисляли к почетным господам в «белых воротничках и перчатках».

Редджо-Калабрия – родина Джанни Версаче, где прошли его детство и юность. О школе и своих многочисленных

«университетах» на берегу Мессинского пролива он сохранил наилучшие воспоминания.

Версаче часто спрашивали, не думает ли он в старости вернуться на юг Италии, в Калабрию? Маэстро отвечал:

– Думаю, но только когда построят мост через пролив. Смогли же французы и англичане соединить берега Ла-Манша, а нам что, слабо?

И отвечал сам на этот вопрос:

– Слабо. Потому что сильна мафия на Сицилии и н'дрангетта в Калабрии.

* * *

Из северных курортов Италии Джанни предпочитал Кортини Д'Ампеццо. Кто в современном цивилизованном мире среди любителей красиво отдохнуть не грезил об этой жемчужине Альп? С полным недоумением европейцы и сами итальянцы теперь узнали, что к ярким титулам города-сказки прибавился еще один, довольно мрачный – «анклав мафиозных кланов».

Не преувеличена ли тревога? Стал ли действительно Кортина Д'Ампеццо «колонией» сицилийской мафии и как гангстерские синдикаты смогли незаметно «аннексировать» целый город, поставить под свой контроль его финансовую деятельность, захватить основные гостиничные и жилые комплексы? Спецслужбы, занимающиеся борьбой с организованной преступностью, провели расследование и предоставили неопровержимые доказательства того, как мафиози облюбовали красавицу Кортину и стали фактически хозяевами города. Оказалось, мафиозная операция была подготовлена заблаговременно. Началась «оккупация» Кортина Д'Ампеццо еще в середине 80-х годов, когда в Италии отмывались миллиарды лир, «заработанные» на торговле оружием и наркотиками. На счета различных партий и их представителей переводились огромные средства, неподконтрольные финансовой инспекции. Мафия выводила капиталы из «грязных» зон в «чистые» и действовала наверняка.

Теперь же, когда основные воротилы мафии во главе с Тото Риина находятся за решеткой, полицейские, карабинеры и агенты пяти ведущих итальянских секретных служб не прекращают идти по «горячему следу», проверяют документацию всех муниципалитетов Италии, выявляя имущественные «владения» преступных кланов.

Теперь ясно, что «приобретения» в Кортине делались через

подставных лиц. В прокуратуре города Падуя находится объемистое досье. В нем зафиксировано, как ловко и «законно» составлялись многоходовые «акты о купле и продаже» фешенебельных отелей и кемпингов, модных магазинов, жилых домов, автомастерских, спортивных комплексов, отделений страховых и туристических агентств, контор по обмену валюты. Обязательные в Италии документы «о переходе собственности» аккуратно подшивались в мэрии. Так, примерно за десять лет количество новых собственников в Кортине Д'Ампеццо перевалило за тысячу. Престижные отели «Мираж», «Бельвю», «Аляска», «Верокай» и другие стали «резиденциями» владельцев, которых редко видели в Кортине Д'Ампеццо.

Казалось, деньги отмыты и надежно вложены. Но в феврале 1992 года началась операция «Чистые руки» (о ней мы еще расскажем читателю), появились новые антимафиозные законы. Все, что было отстроено и переоборудовано в Кортине в 80-е годы, теперь переоценивалось, устанавливалось происхождение средств на произведенные, работы, их «авторы».

История Кортины Д'Ампеццо, где проводились чемпионаты мира по различным зимним видам спорта, для нас могла бы показаться лишь каплей в океане итальянской мафиозной деятельности, если бы вдруг здесь не появились сведения о том, что так называемые «новые русские» не оставили без внимания этот курортный город. Правда, графиня Марта Мардзотто – экс-модель Р. Гуттузо, участница многих телевизионных шоу, в интервью итальянской газете «Стампа» выступила в их защиту:

– Да, в город прибывают туристы из России. Они гуляют с пачками денег, покупая все подряд и расплачиваясь наличными. Но от этого только растут доходы ювелирных и других магазинов, особенно одежды и обуви, укрепляется наша финансовая система. Несколько лет назад я уже высказывалась за открытие казино в Кортине. Пусть богатые тратят побольше! А разве платит и развлекается только мафия? В любом случае, пусть деньги оседают в Италии. Не важно, кто их привозит…

Возможно, графиня и права, но парламент с ней не согласен, а мы примем к сведению предостережение итальянской полиции о том, что Кортину Д'Ампеццо облюбовали мафиози всего мира. Впрочем не все верят, что этот сказочный город превратился в штаб-квартиру «крестных отцов»…

Глава 7
Грешен ли Версаче?

Вопросы опасные, и ответы на них дают только в церкви на исповеди. Джанни ушел в мир иной. Его человеческие качества (доброта, откровенность, застенчивость) были широко известны. Он выделял значительные средства церкви, спонсировал деятелей культуры, литературы, оплачивал публикации о них в прессе. Это – одна сторона. О личных наклонностях Версаче знали в разных кругах, и я не стану об этом рассказывать, ибо наша информированность о великом стилисте вряд ли полезно пополнится. Об ушедшем из жизни следует говорить или хорошо, или ничего. Эта мудрость едина, и для России, и для Италии. Но все-таки в одном Версаче был грешен перед законом. Впрочем, не он лично, а его фирма, точнее, ее главный менеджер – Санто, в 1997 году представший перед судом первой инстанции и приговоренный к штрафу и короткой тюремной отсидке, которая, впрочем, по итальянским законам, не состоялась. В чем дело? Фирма недоплачивала налоги, и в начале 90-х годов незаконно финансировала политические партии, которые, в свою очередь, не информировали об этом финансовые органы. А это в Италии преследуется законом. Как «выбивают» налоги в Италии? Мой друг, телерадиообозреватель Алессандро ди Паоло, однажды сострил: политик должен одеваться так, чтобы по его внешнему виду никто не смог бы сказать, когда и какие взятки он берет. И все же одежда нередко становится своеобразной «лакмусовой бумажкой». Конечно, у каждого политика в Италии достаточно средств, чтобы купить дорогой костюм. Но речь о другом. Психология итальянца такова: если появляются «внебюджетные деньги», то они быстро и «бесследно» расходуются на внешний лоск и «сладкую жизнь».

Как-то бывший министр в вечерней телевизионной программе озвучил известные истины: «Налогообложение в Италии – сложнейшая точная наука, которую экономисты и юристы из госаппарата и законодательных органов упорно создают и оттачивают десятилетиями, а предприниматели и все граждане обязаны ее изучать и скрупулезно выполнять». Схема идеальная, считают зрители и тут же признают: итальянец по своему характеру не торопится «умирать и платить по счетам». А тех, кто желает «не умирать и не платить» налоги государству, разыскивает финансовая гвардия, неумолимые мстители с эмблемой «желтое пламя» на форменных фуражках (видимо, не

все горит «синим пламенем»).

Сколько уклоняющихся от уплаты налогов в Италии? Журналисты утверждают: не менее 70 % всех работающих и значительно больше половины мелких и средних предпринимателей.

Итальянская финансовая гвардия – особый корпус правоохранительных органов – содержит по штатному распорядку более 55 тысяч гвардейцев. На их вооружении сто самолетов и вертолетов, пятьсот кораблей и катеров (второй по числу боевых единиц флот, после военно-морских сил Италии), свыше восьми тысяч бронетранспортеров, тракторов, бульдозеров, гусеничных и колесных грузовиков, более четырех тысяч персональных компьютеров, радиопередатчики, другая военная и специальная техника.

За последние три года все крупные и средние фирмы Италии были вынуждены с разным успехом вести «разборки» с финансовой гвардией по широкой гамме проблем – от выполнения концернами, промышленными группами, отдельными компаниями требований фискальной системы до коррупции, в которую оказались ввергнуты все слои итальянского общества, так как взятки должностным лицам давали почти все фирмы, и незаконного финансирования политических партий.

С 20 сентября 1995 года до июля 1997-го перед судебными следователями оказались представители 27 ведущих итальянских домов высокой моды – Армани, Крициии, Ферре, Этро, Санто Версаче, якобы заплативших примерно 2 миллиарда лир ответственным чиновникам для «облегчения» действия налогового пресса.

Над многими концернами нависли обвинения в незаконном финансировании политических партий. (Деловые круги таким образом создавали свое лобби в парламенте, правительстве, местных органах власти.) Из 945 депутатов парламента и сенаторов предыдущего созыва в коррупции обвинялся каждый четвертый-пятый законодатель. В следственном изоляторе Милана Сан-Витторе давали объяснения более 200 промышленников и финансистов, и процесс этот был объединен общим названием «Операция «Чистые руки».

Похоже, борьбы с криминалом хватит не на одно поколение итальянцев, со всем широким набором спецслужб. А в Италии их тринадцать – больше, чем во Франции, Англии, Германии и Испании вместе взятых.

Итальянские журналисты в полицейской хронике из Милана часто рисуют такую сцену: человек садится в такси, называет адрес: площадь Филипджери, 2. Этого достаточно, чтобы

водитель определил: он везет «клиента» сдаваться в следственную тюрьму изолятора Сан-Витторе. По дорожной сумке, портфелю или чемодану остается лишь определить, надолго ли рассчитывает поселиться в миланской кутузке человек, получивший повестку и решивший не дожидаться, пока за ним прибудет наряд полиции. Право выбора. Демократия.

А русская мафия? Газета «Мессаджеро» посвятила русской мафии своеобразный «атлас», показывая, в каких странах и на чем специализируются российские «авторитеты». Москва оказалась центром русской мафии. В США расположились оперативные группы, занимающиеся наркобизнесом, оружием, отмыванием «грязных» денег. Швейцария – облюбованное место финансовых сделок новой мафии, так сказать, «молодой гвардии». Австрия – «сейф» для мафиозных денег, ибо Вена надежнее других европейских партнеров стоит на страже секретов банковских вкладов и движения денежных масс на счетах. Израиль – место для массовой проституции, рэкета, похищений с целью получения выкупа, отмывки денег… Греция – «рай» для отдыха новой мафии. Италия – деловая «лаборатория», коммерческий мозг и «мотор» импортно-экспортных операций… Подсчитано: каждый второй российский мафиози за рубежом обязательно носил что-либо от «Версаче». Чем это объяснить? Видимо, просто названия других фирм не так ласкают ухо…

Глава 8
Розы без шипов

В 18 часов 1997 года в Дуомском кафедральном соборе Милана состоялась церемония отпевания Джанни Версаче. В Северную столицу Италии съехались тысячи друзей и поклонников таланта Версаче. Среди них – леди Диана и Элтон Джон, получившие трагическое известие в Париже, Стинг, Валентино Гаравани…

Сколько стоило семье и фирме похоронить Джанни Версаче? Этот вопрос задавали многие журналисты и называют цифру примерно около полутора миллионов долларов, что дешевле одной коллекции модной одежды с вензелем «G.V.». При этом все авиаперевозки осуществлялись транспортными средствами телемагната Сильвио Берлускони. Сколько выплачено за проведение мессы Дуомскому собору, неизвестно. Священник дон Анджело Махо уклончиво заявил: «За мессу под плачущей Мадонной собирают по 10 тысяч лир с каждого присутствующего. Здесь же случай особый: если бы речь шла о бедном «рядовом» гомосексуалисте, то ни у кого не родилась бы даже мысль обратиться к церковным службам, чтобы открыть центральные двери собора».

Версаче принадлежит не только его семье, но и всему миру. Стилист, родившийся на юге Италии, был убит там, где сделал карьеру – в США. В последний путь его проводили в Милане – там, где он сколотил капитал, создал штаб-квартиру своей обширной империи, где сам стал одним из признанных кардиналов мировой моды. Почтить память Версаче пришли его друзья, поклонники таланта – все в костюмах от Версаче. Модельер Карла Фенди (старшая из пяти сестер Фенди) пришла на церемонию в синем платье от Версаче. Во всех местах, связанных в Милане с деятельностью или именем Джанни Версаче, появились памятные уголки, некрологи, фотографии стилиста в черных траурных рамках. Деньги, истраченные на эти цели, не считали, но это тоже немалые расходы…

Кто станет главным стилистом фирмы, творческим наследником Версаче? В Милане еще не захоронили прах кутюрье, а уже распространился слух, что создателем коллекций модного дома «Версаче» станет немец Карл Лагерфельд или римлянин Гай Маттиоло. И все-таки наибольшие шансы сохраняла любимая младшая сестра Джанни – Донателла.

…Братья Санто и Джанни после кончины матери и смерти от

воспаления легких самой младшей сестры перенесли всю свою любовь и заботу на Донателлу. Сестра отвечала им тем же. В конце 70-х Донателла – студентка факультета иностранных языков в университете Флоренции – приехала на каникулы к братьям в Милан и привезла в подарок пару джинсов и мокасины собственного дизайна. Это стало символом того, что семейная команда модельеров пополнилась еще одним активным дарованием, желающим иметь не просто совещательный голос в бизнесе, но и свое творческое «я». Донателла начала создавать свой имидж: выкрасила волосы в белый цвет, носила сапоги только на высоком каблуке, курила сигареты «Мальборо», ездила на черном «БМВ», ложилась спать ровно в 23 часа, чтобы на следующее утро, в 7 часов, уже приступить к работе – к рисункам моделей сумочек, поясов, изделий из кожи, различных аксессуаров и украшений в стиле «барокко Джанни Версаче». Новый ручей влился в мощное русло великой реки «Мода Джанни Версаче». Донателла окружала себя влиятельными друзьями, устанавливала отношения в мире искусства только со звездами первой величины, все делая так, чтобы ничем не уступать Джанни и Санто и, по возможности, становиться их продолжением. Мадонна превратилась в личную и близкую подругу Донателлы, Майкл Джексон звонил ей почти ежедневно по телефону из всех уголков мира, после каждого большого концерта. Стинг доверил Донателле взять на себя все заботы по организации его свадьбы, а также приобретение и установку мебели в его квартире.

Сталлоне проводил с Донателлой свои каникулы на вилле Монтразио, расположенной на озере Комо вблизи швейцарской границы. Особая дружба связала Донателлу с топ-моделями, прежде всего с Наоми Кэмпбелл, которая нередко предпочитала провести ночь у Версаче, чем скучать в одиночестве в гостиничном номере пятизвездочного люкса…

В акционерном обществе «Версаче» уже около десяти лет Донателла занимала пост вице-президента. Ее пакет акций составляет 20 процентов, у Санто – 30 процентов, Джанни принадлежало 45 процентов. Повторяю, все полагали, что Джанни завещания не оставил, но у юристов находились документы, согласно которым право пользования его пакетом акций в случае непредвиденных обстоятельств или временного отсутствия предоставлялось Донателле и Санто (Донателла в алфавитном порядке занимала первое место). Более того, кое о чем говорит и новый символ фирмы – «Блондинка», так же («Блонд») названа и марка духов Версаче. На этикетке духов сначала предполагалось поместить изображение «Медузы», однако Джанни распорядился: «Только Блонд!» Так на флаконах и на рекламных панно надолго

поселилось нежное личико «неостилистки», как за глаза называли в Милане Донателлу.

Многие обозреватели замечали, что в течение 1996 – начале 1997 года Джанни Версаче постепенно стал выводить сестру на первые роли. Осторожный менеджер Санто оберегал ее имя при всех финансовых операциях. Становилось ясно: братья «играли на нового лидера». В свое время в истории французских домов моды примерно так же поступали менеджеры «Кристиан Диор» и «Шанель». Даже когда Джанни успешно перенес операцию и понял, что «черная дама с косой», как он называл смерть, обошла его стороной, он не изменил своей стратегической ставки на Донателлу. Джанни вообще не менял ставок, не бросал друзей в трудные моменты и как настоящий калабриец сохранял сильную привязанность к родным и близким. Тем не менее не думайте, что отношения между братьями и сестрой всегда оставались спокойными, ровными, безоблачными. Это и есть особенность южного средиземноморского характера, «калабрийской семьи», ее внутреннего мира и взаимоотношений…

После выяснения деловых отношений Донателла всегда возвращалась к Джанни и Санто, переступая порог с ласковой очаровательной улыбкой, приносила букет ярких роз со словами: «Шипы я навсегда проглотила…»

Глава 9
Версии убийства

Ложных версий сразу после убийства модельера было хоть «пруд пруди». Одна из них даже утверждала, что убийца Версаче пытался бежать в Россию! Римская газета «Унита» писала, что выстрелом в рот из пистолета «Смит и Вессон», которым с 1989 года пользуются только специальные агенты ФБР, Эндрю, казалось бы, поставил последнюю точку, выбил из рук следствия возможность доподлинно установить мотивы и ход преступления, снять многие постоянно возникающие вопросы.

Во-первых, почему Джанни Версаче перед отъездом в Майами пребывал в тяжелом состоянии духа, почему друзья (и кто именно) советовали ему написать завещание и почему Джанни не внял их советам и этого не сделал? Жизнь и здоровье на случай инвалидности Версаче были застрахованы на 20,1 миллиона долларов в агентстве «Ллойд» (повторим еще раз эту информацию).

Есть сведения, что Эндрю Кьюненэн перед тем, как сделать два смертельных выстрела, все-таки встречался с Джанни тем утром 15 июля в баре, но каким образом бармен его не заметил? Два дня спустя убийца отважился даже появиться на пресс-конференции, и тоже словно в шапке-невидимке? Он там был, а его никто не видел. Каскад загадок и недомолвок.

Другая серия вопросов: был ли Версаче знаком и в каких отношениях состоял с 49-летним немцем Торстеном Райнеком – владельцем пляжей и стоянок для яхт на Коллинз-авеню в Майами-Бич, хозяином клуба гомосексуалистов в Лас-Вегасе?

Возник еще и следующий «нюанс», выявленный в результате прослушивания записей телефонных разговоров. Оказывается, Эндрю Кьюненэн упорно названивал одному «другу» в Сан-Диего и ожидал от него информации о возможности быстрого получения паспорта для выезда в Восточную Европу, вероятнее всего в Россию. Но почему этот «друг», зная, насколько опасен Кьюненэн, не выдал его полиции? Каковы были связи Кьюненэна в Восточной Европе, почему он считал, что в России сможет укрыться, когда в Америке на него объявлен розыск? Впрочем, все эти вопросы возникли у полицейских по обе стороны Атлантического океана уже после того, как Эндрю сам (или с чьей-то все-таки помощью) ушел в мир иной. Мать преступника – Мария Анна, видевшая его тело, хранит молчание, отказывается делать какие-либо комментарии… Если Эндрю – не Эндрю, то не

лучше ли молчать?

И все-таки я убежден, что ставить окончательную точку в деле об убийстве Джанни Версаче рано. Я не верю в случайности, в психопатию гомосексуалиста, который в течение десяти лет носил одежду Версаче, стилист был его кумиром, и он вот так вдруг, выстрелом из «полицейского» пистолета покончил в Майами с итальянским гением. Многое в этой истории или слишком примитивно и просто, или очень сложно, потому и не раскрыто… Однако есть еще один момент для раздумий: почему-то в хроникальных сообщениях ни один репортер не переговорил с экспертами по экономическим вопросам. А они бы наверняка высказали соображение: смерть Версаче – это, возможно, еще и экономическая диверсия не только против преуспевающей фирмы «Версаче», но и попытка перекроить весь финансовый «сюртук» мировой моды. Со смертью Версаче оторвался не просто рукав или воротник, угрожала лопнуть по швам вся коллекция, и тогда в образующийся вакуум, для его заполнения, спеша и выталкивая друг друга, ринулись партнеры-конкуренты, причем не только европейские. Понимаете, в чем может быть дело? В игру, возможно, активно вступила итало-американская «коза ностра», подпольные фабриканты – фальсификаторы марки «Версаче» из Западной и Восточной Европы. И тогда концы найти еще труднее. Только чаще и громче зазвучали бы выстрелы…

Мы уже сообщали цифры, характеризующие размеры бизнеса на рынке модной одежды. Этот бизнес можно сравнить с отдельными отраслями военной промышленности. Десятки триллионов лир!

Когда в 1995 году был убит выстрелами в упор Маурицио Гуччи, хозяин флорентийской фирмы «Гуччо Гуччи», никто не говорил об экономической диверсии, все рассматривали самые простые (человеческие) версии: ревность, зависть и т. п. Как выяснилось, примерно так и случилось: убийство Маурицио «заказала» его первая жена, якобы по-прежнему ревновавшая мужа-мота, повесу, азартного игрока, обладавшего красотой и всей гаммой пороков.

Главное, она опасалась, как бы миллионы Гуччо не перешли в руки ее соперницы – любовницы Маурицио.

Но сработал еще и другой, не эмоциональный, финансовый механизм. Фирму возглавили друзья Маурицио. Спасли торговую марку «Г.Г.», а ревнивую «заказчицу» отправили в следственный изолятор, за решетку, для допросов. Рынок «Гуччо Гуччи», его империя, как и баланс на мировом рынке одежды, были сохранены. Вот хроника трагических событий и нынешнее положение торгового и модного дома «Гуччо Гуччи» («Г.Г.»).

Восстановим, как все было.

27 марта 1995 года неизвестным гангстером-профессионалом был убит мультимиллиардер, финансист, хозяин одной из самых известных на Апеннинах и в мире фирмы «Гуччо Гуччи» – сорокашестилетний Маурицио Гуччи. Следствие разработало различные версии. Десятки полицейских инспекторов и агентов искали возможные «нити», ведущие к убийце, в Милане и Риме, в Швейцарии, США, на Арабском Востоке (в Бахрейне находится штаб-квартира дочерней фирмы Гуччи – «Инвесткорн»). Ни одно предположение не приносило результатов. То одна, то другая версия считалась более перспективной, но все уходило в «песок».

Ведущие параллельное расследование журналисты восстановили на страницах газет всю историю старейшей в Италии фирмы «Г.Г.», описали предпринимательскую деятельность Маурицио Гуччи, последние минуты миллиардера.

Фирма «Г.Г.» была образована дедом убитого – Гуччо Гуччи в 1904 году во Флоренции. Бывший камергер отеля «Савой» открыл мастерскую и магазин по производству и торговле чемоданами для «дальних путешествий», в 1922 году – уже «Индивидуальный дом Гуччи», а в 1938 году – свой филиал в Риме и знаменитый с тех пор бутик на улице Кондотти. Клиентом Гуччи был лично Бенито Муссолини. С 1960 года туфли от «Гуччи» выставлялись в музее современного искусства, в Нью-Йорке. Президенты Кеннеди и Рейган предпочитали приобретать одежду, обувь и аксессуары именно у этой итальянской фирмы. Шесть детей и пятеро внуков Гуччо создали могущественную династию, которую можно сравнить со «спрутом».

Эта последняя фраза в газетном репортаже из Милана – не намек ли на мафиозную «разборку» – причину смерти Маурицио Гуччи? Я знал Маурицио, и у меня такого мнения не сложилось.

Как произошло убийство? Полицейские документы отражают события по следующему сценарию: в 8 часов 35 минут 27 марта Маурицио покинул свою квартиру на Корсо Венеция, 38; через сто метров, на перекрестке, перешел на улицу Палестро, где находилась его фирма «Виерзее». За ним следовал человек в светлом костюме, без галстука, без головного убора. Ничем не отличавшийся от других прохожих. Не привлек он и внимания Маурицио.

Гуччи спокойно открыл незапертую дверь в бюро, поприветствовал привратника, преодолел четыре ступеньки лестницы, и в это время шедший за ним синьор выстрелил ему дважды в спину. Когда Маурицио упал, киллер произвел контрольный выстрел в голову. Консьержа он, видимо, убивать не собирался, лишь легко ранил в руку, затем так же спокойно

покинул офис и укатил в автомобиле «рено», подъехавшем ко входу в бюро. Машина скрылась в потоке… Куда? Точно не установлено. Всего полтора часа необходимо водителю, чтобы добраться из Милана до швейцарской границы, но почему именно в Швейцарию?

«Швейцарский след» возбудил подозрение полиции. Два года назад «Инвесткорн» из Бахрейна перевел 270 миллиардов лир в Лугано. Сам Маурицио приобрел там пятый этаж дома в стиле «либерти» (начала XX века) по улице Маркони. В январе 1995 года он заплатил 150 миллионов лир за ремонт другого здания, где собирался открыть казино, но вот куда исчезли оставшиеся деньги – неизвестно. Миллиарды на банковских счетах в Швейцарии отсутствовали… Вопросов у полиции и журналистов было множество. Но все пока констатировали единственный факт: впервые убит видный представитель особого бизнеса – высокой моды. По стилистам и их менеджерам киллеры-мафиози до этого случая еще не стреляли. Преступление не раскрыто, прорабатывался «след казино»…

Потребовалось два года, чтобы полиция сумела выяснить обстоятельства убийства. Инициатором покушения стала… 47-летняя экс-супруга Гуччи – Патриция Реджани. В недавнем еще прошлом она держала один из самых модных салонов в Милане, блистала красотой и самыми дорогими платьями, всем своим внешним видом подражая Лиз Тейлор, а в роскоши соревнуясь с леди Дианой. Если бы речь шла о «банальной» расправе, хоть и тонко разработанной профессионалами, Патриция и, возможно, ее 20-летняя дочь Алессандра быстро бы получили по заслугам, отправившись в одну из тюрем отбывать наказание. Но в чем-то вышла «загвоздка». Судя по всему, в деле фигурировали «неизвестные лица», связанные с мафией и имеющие огромные вклады в швейцарских банках. Смерть Гуччи не воспринималась ими как выполнение заказа Патриции. Это был еще и удар по фирме «Гуччо Гуччи», очень мешавшей кому-то на рынке одежды и обуви. Возможно, что этот кто-то решил «ускорить гибель фирмы», а для того, чтобы запутать следствие, сбить его с верного пути розыска, воспользовался «голосом мести», стремлением ревнивой аристократки Патриции убить экс-мужа.

…В 1990 году в Париже Маурицио Гуччи познакомился с молодым американцем Томом Фордом, архитектором из Техаса, перебравшимся вместе со своим фокстерьером по кличке Джон в 1984 году в город на Сене и ведущим не самое легкое существование. Миллионер и бедняк подружились, Маурицио открыл в Томе незаурядный талант модельера и привез его во Флоренцию.

После трагической смерти Маурицио американец Том Форд и менеджер Доменико Де Соле сделали почти невероятное – подняли фирму, довели к 1996 году оборот ее продукции до 800 миллиардов лир, что на 96 процентов больше, чем в январе 1995 года. Чистый доход – 130 миллиардов лир или 231,3 процента. Столь мощного «скачка» не знала еще ни одна фирма за всю историю синьоры Моды. Стоимость одной акции «Гуччи» на Уолл-стрит поднялась за год с 22 до 44 долларов, имущество фирмы оценивалось на миланской бирже в 3700 миллиардов лир.

– Американская революция в кипучем флорентийском доме «Гуччи» совершена благодаря Тому Форду, – комментировал администратор-делегат и президент группы «Г.Г.» Доменико Де Соле. – Форд словно автомобиль и фейерверк изобретений. Он вспомнил о высоком деревянном каблуке «цоколли», покрасил его в самые яркие цвета, пустил в производство, рискнул и выиграл: в торговле – бум на «Цоколли». Туфли «Гуччи» (дизайнер Том Форд) зацокали на улицах Флоренции, Рима, Милана, затем Лондона, Дюссельдорфа, Парижа, Нью-Йорка, с каждым днем покоряя все более широкие просторы.

В коллекции одежды Тома Форда-97/98 около двухсот моделей. «Гвоздь программы» – длинное вечернее дамское платье с глубоким вырезом на груди и большим позолоченным металлическим кольцом на талии. Красиво, привлекательно, сексуально.

В мужской одежде наибольший эффект произвели пиджаки из высококачественной шерсти, длинные, с двумя разрезами по бокам. Брюки, несколько расширенные внизу. Туфли и сапоги на высоком, но не «ковбойском» каблуке.

– Прицел модной линии «Гуччи» в 1997–1998 годах – рынки США, Германии, Франции, Японии. В рекламу фирменной продукции вкладывается 51 миллион долларов, – объяснял Де Соле. – Рассчитываем сохранить темпы роста 1995 года, хотя знаем, что это будет непросто.

– А российский рынок?

– Мы его пока не просчитывали. Деловые стрелки компаса фирмы «Гуччи» указывают на Запад, но Восток уже «магнитит», хотя знаем, что это – «дело» хитрое. Самый нетерпеливый в концерне – Том Форд. Он уже поговаривает о своей «хижине» – бутике в Москве или Санкт-Петербурге.

Из известных стилистов у Тома Форда, названного «феноменом конца XX века», открываются самые широкие перспективы творчества и бизнеса. Если вам доведется проехать по дорогам Западной и Южной Европы, вас поразит обилие рекламы фирмы «Гуччо Гуччи». Рекламируются, главным образом,

духи, парфюмерия. Но всем понятно: это лишь «авангард» в рекламе продукции Тома Форда под флагом «Г. Г.». Костюмы, пальто, обувь, аксессуары идут во втором и третьем эшелонах, но на них основная ставка при наступлении модной фирмы на рынки Старого и Нового Света.

«Гуччо Гуччи» весной – летом 1997 года расширила и усилили творческие и экономические лаборатории. Ведется четкий учет всему: особое внимание фото-и киносъемкам всех коллекций, которые создают другие фирмы. Это – борьба за рынок. Это – анализ перспектив, экономики будущего…

Теперь, оглядываясь назад и анализируя рынок одежды, можно сделать вывод: убийство Маурицио Гуччи нанесло удар по престижу, спокойствию и финансовой стабильности, но «путч» в мире моды не состоялся.

На мой взгляд, к более негативным последствиям привели потери фирмы «Лаура Бьяджотти Экспорт С.П.А.» в результате преждевременного ухода из жизни супруга Лауры, президента фирмы и ее главного менеджера Джанни Чинья (Лебедь). О нем говорят: «Лебедь, прежде чем улететь (умер 5 августа 1996 года от лейкемии), свил надежное гнездо под Римом, и его караван будет уверенно лететь и без вожака». Эти предсказания пока не сбываются. Фирме «Лаура Бьяджотти» приходится непросто в борьбе за передел рынков. В Москве фирма рассчитывает на реализацию новой линии джинсов, но… время покажет.

Глава 10
Много шума из-за всего

Американский стилист Том Форд, поднявший из пепла флорентийскую фирму модной одежды и обуви «Гуччо Гуччи», считал, что механизмы проведения сфилат – демонстраций одежды – должны быть изменены в XXI веке. Отживает необходимость расходовать огромные средства на две традиционные сфилаты: весеннюю и осеннюю. Их можно совместить и показывать только модели, пользующиеся спрогнозированным спросом.

– А как угадать спрос, если вкусы потребителей в мире неодинаковы и меняются с космической скоростью?

– Если стилист не способен определить спрос и вкусы, предугадать тенденции моды хотя бы на год вперед, то фирмам надо или менять стилиста и его команду, или заранее объявлять о банкротстве и закончить бешеный век в отжившем прошлом. Трудно понять? – спрашивает Форд и отвечает: – Мне тоже трудно понять того, кто опоздал…

– Убежден, что современному человеку, – говорит «флорентийский американец», – необходимы три костюма на сезон, и он их должен выбрать, не напрягая извилины, на сфилате или из каталогов. И тогда маэстро, представивший коллекцию, – настоящий маэстро.

– Мода – это зеркало каждого конкретного времени, – утверждает стилист с сорокадвухлетним стажем Крития и считает, что ее коллекции открывают новую страницу в истории женской одежды.

– Времена меняются, – улыбается Крития. – Раньше женщин околпачивали лозунгом: «Ешьте меньше, будете более красивыми», теперь поумнели и призывают: «Ешьте нормально, и на вас все будет сидеть красиво». Это в моем стиле. На сфилаты моделей-вешалок больше не приглашаю. Пусть сначала отъедятся, а затем – на подиум…

– Итальянцы наводнили Европу. Теперь они захватывают Нью-Йорк. Итальянская мода повсюду. Это называется умением успешно конкурировать на международных рынках. Есть ли у Америки контрсилы? – спрашивает американский стилист (немец по происхождению) Кэлвин Клайн и решительно отвечает: – Есть. Или сумеем найти. Я первым готов высадиться в Европе, чтобы остановить итальянцев, и плацдармом для будущего наступления выбрал Милан. Операцию начал в феврале 1997 года. В течение

последующих трех лет открою на Апеннинах двадцать своих магазинов. Изучил опыт Версаче, повторю его путь, только наоборот: от Америки в Европу, и обратно. Итальянцы меня многому научили. В умении выживать и бороться за рынки я чувствую себя итальянцем. Впрочем, и корни пущены в Италии прочные. Линии моей мужской одежды выпускает итальянская группа «G.F.T.», джинсы шьет «Диего Делла Балле», очки производит Марколин. Ныне на основе приобретенного в Италии опыта возьмусь за создание женских линий одежды. Все буду делать в Италии, а марка – американская, «Кэлвин Кляйн».

Ничего, казалось бы, особо нового в этом «открытии» Кляйна нет. По подобной схеме работает француз Пьер Карден, немец Карл Лагерфельд, японцы, англичане, бельгийцы, но принципиально «новое – старое» в этом механизме, оказывается, есть (жаль, что этого пока не поняли российские стилисты, находящиеся вне поля большой «игры» на рынке модной одежды).

– В свое время, – говорит Кэлвин Кляйн, – Джанни Версаче провел блестящую операцию: будучи почти неизвестным кутюрье на Апеннинах, он привез свою итальянскую марку в Америку, стал знаменитым, разбогател, заработал миллионы и только затем вернулся в Италию признанным и титулованным грандом в мире стилистов. Однако основные фабрики, работающие на фирму, всегда оставались в Италии, теперь уже после Версаче. В этом нюанс и залог его триумфа.

В большом бизнесе, индустрии и коммерции, без «имиджа» модной марки хода нет, а Италия его умеет создавать.

Глава 11
Кто из стилистов одевает звезду экрана Орнеллу Мути?

Кто из стилистов одевает звезду экрана Орнеллу Мути? Многие в Италии безошибочно ответят: «Джанни Версаче, Дольче и Габбана и т. д.». Орнелла – постоянный гость на показах и, пожалуй, та из актрис, кто вызывает самое большое негодование и зависть со стороны звезд подиума, достигших многого, но никогда не вставших на небосклоне славы рядом с несравненной Орнеллой. Мути всегда улыбается и замечает манекенщицам: «Двигайтесь больше и легче, смейтесь, радуйтесь, работайте, и вам засветит экран…»

Кто сделал из Мути большую актрису? Ответа точного нет, хотя часто говорят о Дамиано Дамиани, снявшего четверть века назад 17-летнюю Орнеллу в фильме «Самая красивая супруга». Теперь Дамиани говорит: «После этого фильма Орнелла словно испарилась, ушла из моей жизни. Она не вспомнит обо мне, не пришлет даже поздравление на Рождество!..»

Кто чаще и лучше других фотографирует Орнеллу в том виде и позах, которые так запоминаются покупателям популярных журналов и глянцевых изданий про кино?

Лучший фотограф Орнеллы – ее самая близкая подруга Елизабетта Каталано, известная еще под псевдонимом Грация Нери. Иногда для большего шика Нери ставила «i» под своими снимками мужское имя, особенно тогда, когда Мути, став… бабушкой в свои сорок лет, обещала больше не фотографироваться в костюме Евы. Однако Нери дьявольски талантлива и умеет переубеждать…

…У Орнеллы двое детей – Андреа и Каролина – плоды девичьей страсти за годы бурного сожительства, завершившегося в 1988 году свадебной церемонией и морем почему-то желтых роз… И далее все-таки разрыв. Орнелла погружается в бездну рассуждений взрослой женщины:

– С детства, по-моему, носила на лице маску. Была скромна, ранима и не чувствовала себя уверенной в жизни. Тем не менее, я никогда не скрывала свое несовершенство. Все мы несовершенны, а сознавать недостатки – это научиться помогать себе и другим. Не все с этим согласны. Со мной же всегда происходит что-то непредсказуемое. Например, такое…

Молодой преуспевающий финансист, безответно влюбленный

в актрису и топ-модель Орнеллу Мути, решил погнаться за двумя «зайцами»: проверить свои силы в кино и отомстить звезде за неразделенное чувство. Для достижения этой цели он написал сценарий фильма «Щедрая женщина», попросил Мути прочитать его шедевр, чтобы затем дать согласие сняться в главной роли с гонораром в 800 тысяч долларов. (События развиваются после того, как телевидение уже показало фильм «Большой Фаусто» Альберта Сирони, где Мути отчаянно и талантливо справилась с ролью заядлой любовницы.)

Легко поддающаяся смене настроений актриса прочитала сценарий и без труда узнала в героине… себя, но словно в кривом зеркале, извратившем всю ее и без того непростую жизнь. И все-таки она не могла не признать, что в основу сценария положены реальные события из ее жизни.

Юная Франческа Романа Ривелли (подлинные имя и фамилия Орнеллы Мути) влюбилась в азартного бизнесмена, повесу и вечного банкрота Федерико Факкинетти (настоящая фамилия сожителя Орнеллы, выходца из знатного римского рода маркизов). Далее все было так. За семнадцать лет совместной жизни у них родилось двое детей (Андреа и Каролина). И все это время тайный «вздыхатель» подсматривал за соседями – Ривелли и Факкинетти – в окно через подзорную трубу. И, понятно, знал все: каскад взаимных измен, вспышки ревности и, главное, – финансовый крах виновника, супруга-неудачника, разрушившего семейный очаг.

В результате – разъезд (декабрь 1993 года), бегство Федерико за границу, затем его возвращение в Италию, крупная афера, приведшая к банкротству сразу трех фирм, и, наконец, полиция арестовывает Факкинетти. Мути постоянно проявляет женскую мудрость и щедрость, пытаясь вытащить из беды экс-супруга. Она берет на себя ответственность за подделку пятнадцати банковских чеков на 300 миллионов лир, что грозит и ей тюремным заключением, всячески выгораживает в полицейском участке любовницу бывшего мужа – молодую белокурую славянку с заплаканными глазами, хотя и сама не может сдержать слезы в объятиях своего очередного поклонника, Франсуа Гуаза, помощника режиссера, работавшего в 1991 году вместе с Кристианом Де Сика над фильмом «Граф Макс» (все имена, факты, даты реальные).

Сценарий заканчивался тем, что трагически истерзанная преждевременными переживаниями Ривелли-Мути должна покончить жизнь самоубийством, броситься с последнего яруса колонны Траяна в центре Рима.

– Такого конца быть не может, – спокойно сказала Орнелла,

возвращая сценарий финансисту. – Я не буду сниматься в этом фильме, хотя могла бы неплохо и быстро заработать (роль мне близка и понятна) и… оплатив все долги Федерико, еще раз вызволить его из-за решетки.

…Мне рассказали эту историю во время фестиваля в Венеции. И как-то на одной из сфилат мы сидели рядом. Я смотрел на веселую Орнеллу и почему-то подумал: какой силой, уверенностью в своей женской и актерской мощи надо обладать! Рядом Франсуа Гуаз. И ее слова: «Что могут означать одиннадцать лет разницы в возрасте (в любую сторону), если мы себя прекрасно чувствуем…»

В сентябре 1997 года на экраны вышел фильм с участием Орнеллы Мути («Mi fai un favore» – «Будь добр» или «Сделай мне одолжение», как переводят название этой ленты, а лучше бы оставили итальянское звучание). Этой работой Орнелла как бы отвечает в свои сорок лет на сложнейший вопрос: следует ли женщине решаться на аборт? Папа Римский, как известно, против абортов. У Орнеллы свое предложение: отдайте на несколько дней любого малыша будущей матери. Если она справится (это сделает большинство), то материнство психологически ей не противопоказано, если нет… Дальше ей решать самой…

Глава 12
Донны под звездами, или Спор о высокой моде

В связи с убийством Джанни Версаче итальянские кутюрье отменили летний показ коллекций высокой моды под девизом «Донны под звездами» на площади Испании, на знаменитой лестнице у фонтана Бернини «Баркачча» и перенесли пышную демонстрацию ультрамодной вечерней одежды на сентябрь 1997 года.

Летом 1997 года стилисты возобновили спор вокруг того, выживет ли в XXI веке высокая мода, мало практичная для обычной жизни, дорогостоящая и очень часто «вызывающая».

– Модели высокой моды, – говорит Пако Рабанн, – придуманы мастерами для мечты и для снов, а это значит, что они практически не носимы.

Первое платье высокой моды для XXI века сделал Пьер Карден, подарив его великой балерине Майе Плисецкой на шоу в Санкт-Петербурге и Москве в январе 1998 года.

– У высокой моды есть большие традиции, но и традиции со временем стираются, – замечает Пьер Берже, президент модного дома «Ив Сен Лоран».

Римский сарто – портной Фаусто Сарли считает, что в XXI веке для сфилат не надо будет подыскивать специальные престижные помещения в римском Капитолии, на вилле Боргезе, в парке Пинчо. Достаточно показать коллекцию в своем ателье. Было бы что демонстрировать. В своем творческом поиске кутюрье пошел «от обратного». Он нашел модель с правильными и красивыми ногами, к которым подойдет любая короткая юбка. «В нашем мире кутюрье уже известно и скопировано все. Правда – только в ногах и фигуре топ-модели», – заключает Фаусто Сарли.

Мариучча Манделли (в мире моды известна уже более сорока лет как Крития) утверждает, что на современном этапе развития модных линий, утилитарности одежды и представлений об элегантности, красоте и комфорте высокая мода – это обман. Мода должна одевать, а не шокировать.

* * *

В первой половине 90-х годов итальянская мода вышла за

пределы Апеннинского полуострова, стала интернациональной по сути (примерно 60 из 100 прима-стилистов мира – итальянцы по национальности или происхождению). Но подействовал «закон противодействия». Наступление на рынке одежды итальянских кутюрье начало встречать сопротивление американских, французских, английских, японских и других стилистов, готовых защитить «национальные интересы» и переходить к ответным ударам, выбрасывая «десанты» на итальянской территории. При этом творческое кредо «кутюрье-интернационалистов» колеблется словно маятник с большой амплитудой, от «ретро» в 30—50-е годы до самого супер-экстравагантного стиля «ОЗЕ», пустившего сильные корни на исходе последних лет XX века. Такова эволюция вкусов, мышления стилистов и потребностей общества, прогресса в производстве тканей, ибо сама мода начинается не с дизайна, а с… ткани, от которой, как от печки, «пляшет каждый конкретный кутюрье в каждой конкретной стране». В этом отношении «кутюрье-интернационалисту» легче, перспективнее и интереснее работать и, конечно, повышать финансовые результаты.

Глава 13
Джанни Версаче: последняя сфилата как тайная вечеря

В 1996 году состоялось последнее шоу Версаче. Тогда миланский стилист Джорджо Армани заявил, что обычные представления модных коллекций устарели, а сфилаты следует превращать в костюмированные спектакли, с которыми все кутюрье вступят в третье тысячелетие. Сам Армани уже открыл сезон «театральных сфилат» во Флоренции, представил коллекции мужской и женской одежды, в которой не только манекенщицы, но и многие зрители чувствовали себя актерами, участниками большого спектакля.

Джанни Версаче принял идею коллеги, творчески переработал «подходы» Армани и в июне 1997 года во Флоренции провел свой последний бал моды. Газетчики сравнили сфилату Джанни Версаче с рекламным шоу в супермаркете, где обескураженному покупателю навязывают кусочек сыра, кочан капусты и разнообразное мороженое, упакованные так, что их хочется взять в руки.

Талантливый балетмейстер француз Бежар, друг Версаче, в огромном амфитеатре в саду Боболи подготовил на трех подмостках выступления танцовщиц в костюмах Версаче и демонстрацию коллекции мужской моды «Весна-лето» под общим названием «Барокко Бель Канто». Под музыку Генделя, Вивальди, Салазара… Балетное и музыкальное искусство, по сценарию Версаче-Бежара, словно переплелись и, слившись воедино, гармонично вошли в мир моды. На подиуме и на подмостках амфитеатра Боболи с ролью танцовщицы, балерины, актрисы великолепно справилась «Черная Венера» Наоми Кэмпбелл, впервые появившаяся перед публикой после недавней попытки самоубийства…

Стоимость шоу во Флоренции – два миллиарда лир! Версаче считал, что «игра стоила свеч». Последняя «игра на людях» Джанни Версаче. А его мода, показанная во Флоренции, пережила маэстро. В 1998 году во Флоренции вновь пройдет шоу-спектакль Версаче «Год после Джанни». Режиссером и хореографом выступит Бежар.

Когда проходила последняя сфилата для 50-летнего Версаче, стилист совершил нечеловеческий подвиг: преодолел страшную болезнь, не потеряв чувства юмора, огромной работоспособности

и оптимизма. Среди поклонников стиля Джанни Версаче – итальянский певец Лучано Паваротти, англичанин Бой Джордж, рок-звезда Мадонна, леди Диана, боксер Тайсон, не снимающий майку «Версаче», дочь шейха Брунея и многие безымянные «новые русские».

Феномен Версаче особый. Его коллекцию представляли самые известные топ-модели – англичанка Наоми, аргентинка Мацца, чешка Херцигова, итальянка Бруни.

Особенность коллекции того рокового 1997 года? Стилист отказался от знака «Медуза». Он утвердил союз коротких кожаных юбок с вышитыми кофтами. Излюбленные тона: черный, каштановый, фиолетовый. Никакой цветовой «фальши». Гвозди коллекций 97 года: игра на контрастах. Длинное бело-красное платье и яркий разноцветный костюм с широкими глубокими разрезами. Ткань прозрачная, будто для нижнего высококачественного белья. Полный интим. Джанни Версаче словно доказывал, что его ткани и цвета великолепно комбинируют при любом свете, даже лунном. В линиях, как и Карла Фенди, Джан-франко Ферре, Прада, Джанни Версаче всегда ищет свой «философский камень» и центр «творческо-финансового равновесия». Трудно. Но Джанни это всегда удавалось.

Для рынка одежды 1997 года Версаче нашел свой ход: он повысил размеры производства на 20 процентов, а цены снизил тоже на 20 процентов. «Иллюзионист. Дэвид Копперфилд в моде. Его полеты и фантазия неповторимы», – откликнулась пресса. В чем «хитрость» этого финансового трюка-механизма? Джанни, отвечая журналистам на этот вопрос, сострил: «Главная идея моей моды-97 – очень короткие юбки. Поэтому цены должны соответствовать длине юбок и быть настолько заметны, насколько ткань закрывает тело от нашего глаза… Впрочем, не забывайте, что и за открытые места надо иногда платить…»

В каких странах лучше всего реализуется продукция торговой и модной марки «Джанни Версаче»?

Санто Версаче отвечает:

– Япония, Швейцария, Голландия, США, Испания, Франция, Германия…

– Не покидает ли «Версаче» Италию вновь? О чем это говорит?

– Заставляет задумываться, – считают в модном доме «Джанни Версаче», который всегда был более ярким за рубежами Италии, чем на Апеннинах. Сколько людей – столько мнений.

Глава 14
Автор ведет расследование

Стилисты говорят о солидарности и поддержке. Что это означает? Если бы речь шла просто о случайности, о психозе, о террористическом акте отдельного физиологически ненормального человека, то и переживания коллег носили бы иной характер. Здесь корни лежат значительно глубже. И, возможно, их не вскроет полицейское следствие ни в США, ни в Италии. Пожалуй, в этом заинтересованы не определенные личности, а какие-то неизвестные, но могущественные силы, группировки. Кто они? Официальные источники не проронили ни слова. Будто бы все ясно. Гомосексуалист по невыясненным причинам, вернее всего, по собственным расчетам расправился с Джанни Версаче, затем, спустя несколько дней, покончил с собой.

Поиски преступника в США завершены. На деле поставлена точка, общественное мнение успокоено, граждане США знают, что убийца – гомосексуалист-чудовище, монстр Эндрю, нейтрализован, его больше нет в живых, он пустил себе пулю в рот из пистолета «Смит и Вессон» сорокового калибра. Проведены все экспертизы. Все запротоколировано и сдано в архив. Прошло 30 дней…

Что-то недоделано, скрыто, не объяснено… Это чувство не покидает многих друзей Джанни, журналистов, стилистов, моделей, тех, кто знал этого удивительно доброго и легкого человека. Я присоединяюсь к этой группе «сомневающихся» и продолжаю вести свое расследование, свое досье.

* * *

Все-таки попробуем прокрутить назад, как в фильме, дело Версаче. 15 июля 1997 года, 9 часов 05 минут. Двумя выстрелами в затылок убит у входа в свою виллу в Майами-Бич (США) один из самых знаменитых кутюрье века, основатель модного дома в Милане, уроженец Калабрии, – Джанни Версаче. (Каждое слово имеет свой вес, в разных контекстах оно уже употреблялось прежде.)

Полиция сразу же заподозрила в совершении убийства некоего двадцатисемилетнего Эндрю Кьюненэна (он же Эндрю Филипп да Сильва), уже совершившего «серийные» убийства и находившегося в розыске.

По следу злоумышленника брошены около сотни полицейских и агентов ФБР.

Они загнали убийцу в двухэтажный «голубой плавучий домик». Там 23 июля Эндрю нашли застрелившимся из того же самого пистолета, из которого был убит Джанни Версаче и еще четыре других жертвы маньяка. (Пистолет «Смит и Вессон» сорокового калибра, которым, обратите внимание, уже несколько десятилетий имеют право пользоваться только полицейские и лица, находящиеся на службе охраны правопорядка.) 24 июля проведена экспертиза, которая установила, что убитый в «плавучем домике» – никто иной, как Эндрю Кьюненэн.

Вывод из этой «выжимки»: семья Версаче и граждане Соединенных Штатов, казалось бы, «могут вздохнуть с облегчением. Общенациональная охота за Кьюненэном завершилась», как убедительно заявил представитель полиции Майами. Для полиции «дело Версаче» закрыто и положено в архив.

Тем не менее даже эта информация оставляла возможность существования разных версий.

– Так ли все просто, – заявляют газетчики и продолжают накапливать факты и наблюдения, размышляют над следующими рабочими «перспективами»-версиями, которые ранее почему-то остались «неучтенными» и по-прежнему лежат вне поля зрения ФБР, Интерпола, других полицейских и следственных служб.

Версия первая. Допустим, что убийство Версаче совершил Эндрю Кьюненэн. Но не в результате психического или умственного расстройства, не под влиянием маниакальных гомосексуалистских «стрессов», сведения счетов и т. д., а по заказу третьих лиц, которые затем и принудили к самоубийству самого Эндрю. Если это так, то зачем, кому и почему потребовалось устранять Версаче? Кто заказал убийство?

Версия вторая. Эндрю Кьюненэн не убивал модельера, это сделали другие гангстеры, которые ловко пустили полицию по легкому, придуманному ими ложному следу, сами же контролировали каждый шаг Кьюненэна, а через неделю (это время понадобилось злоумышленникам для придания достоверности факту бегства убийцы, попытки скрыться, «лечь на дно») расправились с Эндрю, инсценировав самоубийство и оставив на месте преступления «Смит и Вессон». Вот оно, мол, орудие и свидетельство преступления, далее якобы искать нечего.

Все логично.

Но по этой версии встает сложнейший вопрос, который не решаются пока задать ни в США, ни в Италии: если убийца Версаче – не Эндрю Кьюненэн, то кто? Кто этот невидимка-

преступник, который смог безнаказанно совершить убийство, замести все следы?

Напрашивается лишь один ответ: мафия. Но где доказательства?

Наблюдения, сначала косвенные, экономического характера. На рынке готовой одежды с 15 июля по 15 августа 1997 года отмечен рост почти на 40 процентов продажи товаров «Джанни Версаче». Продавалось все, включая подделку. По официальным данным, оборот в 1996 году составлял 1,3 триллиона лир, из которых примерно 65 процентов получено от экспорта. По последним сведениям, оборот «Джанни Версаче» был 1,86 триллиона лир, т. е. больше миллиарда долларов. Примерно такую же сумму получали от реализации поддельных товаров подпольные фабриканты, наносящие колоссальный ущерб престижу и финансовому обороту фирмы Версаче.

В 1996-м Джанни отважился бросить открытый вызов мафии, заявив, что выделяет несколько миллионов долларов на финансирование действий спецслужб и частных сыщиков, которые бы обнаружили фальсификаторов. А это – попытка нанести удар по огромному подпольному бизнесу. Неизвестные лица угрожали стилисту. Но Джанни, считая, что «сумел преодолеть смерть после страшной болезни, заговорен и от пули», и поэтому сможет выйти победителем из этой сложнейшей схватки, проиграл.

В начале июля 1997 года, накануне отлета в США, Джанни был задан вопрос, составил ли он завещание и кого он называет своим наследником? Официального ответа не последовало. Джанни не мог и предположить, что дни его сочтены, что смерть поджидала его там, где он сделал карьеру, стал знаменитым еще в 70-х – в США. Может быть, в этом и состоял психологический расчет мафии? Повторим информацию: в Италии оставалась его семья – брат Санто, сестра Донателла, любимая племянница Аллегра, дочь Донателлы и Пола Бекка. Жизнь Джанни была застрахована на 21 миллион долларов в агентстве Ллойда. Чрезмерной бдительностью и осторожностью он не страдал. Телохранителей нанимал только для защиты «от толпы», а не от пули, не от вероятного покушения… От мафии же, он это понимал, спасения пока не придумано. От взрывов и пуль гибли судьи, парламентарии, журналисты, полицейские. Теперь мишенью преступного мира стал модельер, а это означает – весь его мир, все его окружение, огромная индустрия, связанная с производством, сервисом, коммерцией готовой одежды, обувью, аксессуарами, головными уборами.

Посредством экономической деятельности мафия

перекачивала и отмывала колоссальные финансовые массы, превращаясь после многоходовых банковских и других комбинаций в легального предпринимателя, кредитора, производителя, коммерсанта… А тем, кто забывал о «пройденном пути» и наивно считал, что отныне стал «чистым богатым», угрожала расправой. И эта угроза нависает над многими тысячами людей… Мафия держит под контролем в Италии 20 % всей коммерческой деятельности в магазинах, 15 % гостиниц и туристических центров, 30 % предприятий по производству верхней одежды, 70 % по производству рубашек, другого ширпотреба, 70 % магазинов по продаже обуви. «Лже-Версаче» – лидер в бизнесе подделки. Полноводные реки капиталов мафиозного происхождения текут мощным потоком по широким руслам, и об этом «ничего не знают, ничего не слышат, ничего не видят», пока не раздадутся выстрелы, пока не загремят взрывы, возвещая о новых жертвах. Но и тогда ищут сначала стрелочника, зная, что подобное расследование ложно, опасно и редко завершается успехом.

Многие журналисты в Италии убеждены, что Версаче стал препятствием, «островком» в русле той реки, которая должна была его смыть. И смыла. Не гомосексуалист Эндрю в припадке личной злобы или ревности расправился с намеченной жертвой, расправилось «общество», синдикат злоумышленников, решающих не сексуальные, а финансовые проблемы в условиях острейшей конкуренции, сведения счетов, передела рынка готовой одежды, обуви, аксессуаров. Таким образом, выстрелы в Джанни Версаче были выстрелами еще и в систему определенных экономических связей. Местом действия, приведения «приговора» в исполнение неслучайно были выбраны Соединенные Штаты. Видимо, потому, что там нравы «коза ностра» уже давно стали более привычными, даже традиционными и не вызывают волн опровержений, протеста, как в Западной Европе. Мафия умеет учитывать все нюансы не хуже подготовленного политика.

Версаче, вероятно, стоял многим поперек дороги. Журналисты в Италии убеждены, что на определенном этапе, в начале карьеры, мафия, точнее, н’дрангетта – калабрийская преступная группировка, имеющая сейчас не менее 10 тысяч боевиков, «плацдармы» в Милане, Венеции, на севере Италии, в Швейцарии, США, – оказала помощь Джанни Версаче, позволила ему окрепнуть в США, а затем перебраться в Европу, вернуться в Милан уже знаменитым.

Эту «версию» я услышал впервые в Милане еще лет десять тому назад. В салоне одного графа собрались стилисты и, как всегда после очередного показа, говорили о проблемах профессии

кутюрье. Джанни Версаче в то время на глазах становился великим, по темпам роста недосягаемым, был объектом зависти, раздвигал границы своей «империи», покупал недвижимость в Италии, за рубежом, расширял сферы деятельности и т. д. Я подумал, что «намеки» на связи Версаче с н'дрангеттой – это обычное проявление слабости и зависти аутсайдеров, а если же…

Именно это «если» 15 июля 1997 года «заговорило» выстрелами в Майами-Бич, утвердило в мысли, что за убийством стоят крупные мафиозные интересы.

Теперь предоставим место не домыслам и трагическим сентенциям, а проверенным фактам.

Конечно, никогда уже не выступит главный свидетель – вероятный исполнитель «заказа» Эндрю Кьюненэн. Но почему при опознании трупа отказалась от каких-либо комментариев мать Эндрю Кьюненэна? Возможно, перед ней был не Эндрю? Тогда лучше его опознать и больше ни слова… Так его прекратят разыскивать… Никакого шума… Концы в воду…

Наконец, вдруг проявляется рукописное признание Эндрю. Оно датировано 27 июля, а отметка почтового отделения на конверте поставлена 24 июля, т. е. на следующий день после «официальной» смерти Кьюненэна. Кому и зачем понадобились эти манипуляции? Кому не давали покоя Версаче и Кьюненэн, уже ушедшие из жизни?

Теперь можно догадаться, почему спешили Санто и Донателла Версаче, почему в тайне от всех, кроме полиции, они вывезли из США в Италию гроб с телом брата. Семья, видимо, решила избежать любого риска и чувствовала, откуда может исходить опасность. В тот же вечер, 18 июля, скромно и тихо, в узком кругу Джанни «отпели» в кладбищенской церкви, относящейся к приходу Бартоломео, неподалеку от семейной виллы в Мольтразио на озере Комо, вблизи швейцарской границы. Официальная же панихида была совершена в Миланском кафедральном соборе через три дня, 22 июля. И только потом (23 июля) погибает уже ненужный «исполнитель заказа», возможно, лишний в будущем свидетель Кьюненэн. Соблюден мафиозный ритуал сохранения тайны: молчат рыбы и мертвые…

Делала ли прежде мафия какие-либо предупреждения Джанни Версаче? Об этом никогда не сообщалось, но, оказывается, свои «метки» мафия уже ставила. В декабре 1989 года неизвестные осквернители могил проникли в склеп и пытались вынести прах его матери, чтобы затем потребовать от Джанни, Санто и Донателлы Версаче выкуп. «Операция» не удалась.

Затем преступники пытались выкрасть племянницу Джанни – Элеонору Манеда и вновь безуспешно. Но все понимали: «стрелы» были направлены в семью Версаче. Что требовали мафиози от Джанни? Теперь это тоже останется тайной… Вряд ли речь шла только о деньгах. Хотя и о них тоже. Они – в основе всех других требований. С деньгами бы Джанни расстался, со свободой, независимостью, честью – никогда!

…Смерть Джанни Версаче потрясла не только мир моды, но и весь деловой мир Италии. Убийства стилистов, таких, как Маурицио Гуччи, Джанни Версаче, – не попытка ли приступить к переделу рынка модной одежды и обуви? В игре многие миллиарды долларов, а в «смутное время» проще отмыть мафиозные деньги. А суммы их – астрономические.

Истинную причину гибели Джанни следует искать не в «гомосексуальной ревности», а в миллиардных мафиозных ставках, в «правилах игры» н'дрангетты. Сценарий, место действия, исполнители убийства могли быть разными, но удар по империи Версаче был предрешен. Джанни мог об этом догадываться, но не верил, что это случится так быстро.

В Гамбурге арестовали некоего Райнека, миллионера, гангстера, которому принадлежит «плавучий голубой домик» в Майами-Бич, где полицейские обнаружили труп Эндрю Кьюненэна. О Райнеке мы уже упоминали. Вряд ли немец обещает быть красноречивым. Однако важно другое – кое-кто заметил следы. Некоторые действующие лица уже пересекли океан, оказались в Западной Европе, где вращаются основные мафиозные капиталы.

Глава 15
Неизвестный Джанни Версаче: рок и королевская кровь

Я попробовал разыскать тексты всех интервью, которые давал в 1997 году Джанни Версаче, и представить читателю краткое изложение того, о чем спрашивали модельера, что и как он отвечал журналистам.

– Какой будет ваша коллекция на последнем показе перед Рождеством-2000?

– Неожиданной, но обязательно продолжающей все предыдущие. Самой большой для меня неожиданностью было бы то, что она не состоялась или я в ней не участвовал. Надеюсь, что, если однажды меня не станет, останется стиль Версаче.

– Вы написали книгу «Рок и короли». Что вы, художник, хотели в нее вложить? Каково ее место в вашем творчестве?

– Книга – это не дань моде, хотя теперь все пишут. Много и обо всем. Я постарался насытить эту книгу фотографиями. То, что я не досказал, поведают фотографии. Главную книгу думаю завершить к 2000 году… Пока я изложил основные концепции, мое творческое кредо. Когда в 1976 году я нашел свое «русло», вышел на общенациональный итальянский уровень, то понял: моя сила в совмещении ранее, казалось бы, несовместимого. Я всегда увлекался противоположностями. Например, у меня «обручились» кожа и шелк, кружева, вышивка-кружево металлическими кольцами и подвесками. Для меня как бы ни был многоцветен карнавал жизни – он все равно только карнавал. И по велению свыше мне суждено украшать этот карнавал. Такова моя роль, призвание…

– Какая связь между рок-музыкой, королевской кровью, королевскими манерами? В прессе даже заговорили о том, будто Джанни Версаче ратует за избрание королев и королей из числа «рок-звезд»?

– Эту мысль высказал не я первый, – смеется Джанни, – она прозвучала в печати в 1992 году, когда в Лондоне состоялась свадьба Стинга и актрисы Труди Стайлер. Все назвали свадьбу почему-то королевской. Возможно, подобное впечатление создалось благодаря коллекциям одежды для вступающей в брак пары и их окружения (одежды эти сделал Джанни Версаче), манерами супругов, образом их жизни.

– Я задумался тогда, – продолжал Джанни, – не узко ли мы

воспринимаем понятие «королевские династии». Старый сложившийся стереотип изживает себя. Монархии превратились в анахронизм. Однако рождаются новые династии, новые короли, причем каждый – в определенной среде. Есть свои «короли» среди писателей, журналистов, актеров, художников, спортсменов, стилистов. У меня теперь собственная логика и теория: королями больше не рождаются. Человек достигает королевского величия по мере своего роста, развития, в зависимости от форм поведения, умения себя представить на широкой публике, если хотите, от провидения. Кто, например, для меня самая великая королева современности? Не удивляйтесь: мать Тереза из Калькутты. Она для меня – воплощение величия женщины-матери, возвышенности, благородства души. Она посвятила свою жизнь другим. Мать Тереза – подлинный голубь мира на планете.

Обо всем этом еще будет сказано в будущей книге, которая как бы подведет итог моей 25-летней творческой деятельности. Но как трудно идет время…

– И для вас тоже?

– Разве я могу быть исключением? Трудности, понятно, у всех очень разные. От природы я человек весьма любознательный, – заметил Джанни. – Я нуждаюсь в постоянных стимулах: хочу видеть новые фильмы, читать новые книги, газеты, журналы, специальные бюллетени, справочные издания, посещать выставки, ярмарки, возвращаться в близкие мне по духу города, на знакомые улицы, в милые сердцу дома. Подсчитал, в сутки я получаю в среднем более тридцати серьезных, интересующих меня новостей, как я их называю, «полезной информации». Главное счастье для меня – сознание, ощущение того, что я ЖИВ…

О чем я думаю, когда просыпаюсь утром? «Как все хорошо! Сегодня тоже можно чему-либо научиться! Доброе утро! Мы живы…» Если я лечу на самолете, еду в машине, говорю себе и другим: «Хорошо идем!»

– А ночью, когда наступает время отдыха?

– Вздох облегчения. Наконец-то могу, имею право заснуть! У меня столько работы, что порой забываю о существовании «святых» для итальянцев суббот и воскресений. Смещаются день и ночь. И это для меня нормально. Я никогда не жалуюсь. И никто не должен прикасаться к моему времени, хотя оно, как и результаты моего труда, принадлежит всем.

– Вы думаете, во что вам самому следует одеваться? Создаете ли вы сами свой определенный «имидж»?

– Я начал об этом думать лет двадцать назад. Одевая других, почему бы не одевать и самого себя? Мой цвет: или черный или

голубой. После операции и выздоровления в 1997 году я почувствовал новый прилив энергии, что может сказаться и на моей моде, хотя моя мода – это всплеск настроения модельера, это «программная последовательность и своевременность действий». Ошибок в природе не бывает, почему же мы их должны так легко допускать? В расчете на удачу? Подобных расчетов не должно быть, иначе неудача придет, а у меня на нее нет свободного времени, и в честь поражений я за столом друзей и партнеров не собираю…

– Означает ли это, что вы любите праздники?

– От праздников у меня приступ аллергии. С тоской ожидаю наступления время отпусков, каникул. Чтобы спасти себя от этих «аллергенов», отправляюсь в США, в Нью-Йорк или Майами. Буду смотреть новые фильмы, восполнять пропущенное, посмотрю выставки. Буду просто бродить по улицам, бульварам, пляжам, покупать керамику, рисунки, картины, а еще сувениры и всякую чепуху.

– Какие воспоминания вы считаете самыми трогательными?

– Все, что связано с моими родителями. Однажды мать и отец приехали ко мне на Рождество… Были мой брат, сестра… Засыпанные снегом берега… Куда-то неслись наши любимые собаки… Теперь ни отца, ни матери больше нет на земле. Но есть брат, сестра с детьми, мои друзья… Это моя новая большая семья…

– Каковы ваши отношения с Наоми Кэмпбелл, которую вы открыли для мира моды?

– Дружеские, нежно-товарищеские, деловые… Она стала великой топ-моделью. Ей помог Бог, работала она сама, на нее работали обстоятельства и немного, конечно, я.

– Сколько у вас телохранителей?

– Много. Я старался их не замечать. Научился все делать так, чтобы они работали, не мешая работать мне. В любое время. Это – их дело. Я в чужие дела не заглядываю.

* * *

– Я телохранитель «во втором поколении», специализируюсь на обеспечении личной безопасности звезд первой величины кино-и фотомоделей, – говорит тридцатилетний римлянин Франческо Палацци, фамилию и имя которого знают немногие – сотрудники спецслужб, частные детективы и «заинтересованные лица», – но на экранах телевизоров и журнальных страницах он частый гость, человек, якобы причастный к аристократическому

высшему «свету».

– Карьеру личного телохранителя начал еще мой отец сорок пять лет тому назад. Иво Палацци был «ангелом-хранителем» Джона Уэйна, Грегори Пека, Фрэнка Синатры, Берта Ланкастера. За десятилетия службы ни одного конфликта с подопечными, ни одного профессионального «прокола», хотя сложных ситуаций возникало множество. Владеем особыми приемами защиты, которые держим в секрете. Саморекламой не занимаемся: не говорим о совершенных подвигах, болезненное воображение гангстеров, филантропов и просто любопытных не разжигаем.

Под моей опекой находились Наоми Кэмпбелл, Джулия Роберте, Джек Николсон, Аль Пачино, Роберт Де Ниро, Эрос Рамаццотти… Контракты заключаем временные, по конкретным случаям и заданиям. Например, на последнем показе модной одежды в Милане был при Наоми Кэмпбелл. Везде. Мое агентство выполняет все требования клиентов.

– Вас нередко принимают за любовника, а не за охранника. Ночью и днем, по контрактам все 24 часа в сутки, вы находитесь при клиенте. Так что же ночью? Франческо смеется:

– Ночью с Кэмпбелл меня подменяет на службе моя сестра. Она тоже представитель нашей фирмы и большой профессионал в нашем деликатном, я бы сказал, в охранно-интимном и дипломатическом деле.

– У вас репутация «милого друга» Джулии Роберте – «Притти вумен». Вы с ней на днях, как сообщила пресса, уединялись где-то в Риме. Ведь это – факт?

– Факт. Я был необходим Джулии по работе. Мы прекрасно пообедали и поговорили в ресторане. В прессе все выглядело, как таинственное любовное свидание. Что делать? Каждый вправе делать любое заключение; для меня же главное: клиент спокоен, удовлетворен, «те-лоохранение» четко соблюдено.

– И все-таки об интимной стороне жизни профессионала?

– Мы живые люди, с полной гаммой чувств и переживаний. Но два «дела» не совмещаем. По крайней мере, никто из нашей фирмы не выступает в роли любовника «по совместительству». Лично я пока не был влюблен ни в одну прекрасную клиентку или клиента. Когда работа завершена, сохраняем дружбу. Например, в любое время по телефону может раздаться звонок: «Франческо. Это я, Аль… Пачино. Как дела? Просто хочу знать, как поживаешь, старик?»

– Когда вы на работе, чем и как вооружены? Например, где сейчас прячете пистолет?

– Оружия никогда с собой не ношу. У меня свои методы защиты. Впрочем, я же сказал: своих профессиональных тайн не

раскрываю. Зато какое удовлетворение от работы! И без амбиций… Семейная традиция.

– Есть ли сожаления?

– Да. Не охранял Джанни Версаче в Майами-Бич в то утро 15 июля…

Джанни Версаче разработал свою теорию: «Философию нарцисификации общества в целом и конкретной личности в частности». В основе концепции: «Красота правит миром». На балу красоты присутствуют все: от королей до последнего простолюдина, теперь даже бомжа, который своим внешним видом, «запахами» и т. д. привлекает (точнее, отталкивает) внимание прохожих и публики вообще.

«Чистая красота» издревле властвует над всеми видами искусства и над самим человеком. Сколько помнит себя история человечества, считал Версаче, люди, в первую очередь, конечно, женщины, стремились украсить свое тело и его отдельные части: голову, лицо, глаза, нос, уши, губы… Например, почему еще 2500–3000 лет до нашей эры в моду вошла более светлая кожа у женщин и более смуглая у мужчин?

Джанни давал такое объяснение: женщины большую часть времени проводили в доме, были личностями более скрытыми, защищенными от «чужого глаза», поэтому более вожделенными, желанными. Более «белыми», «светлыми». Поэтому, считал Версаче, блондинки более совершенны и привлекают большее внимание мужской половины планеты.

Гармонию линий тела первыми среди древних, полагал Версаче, оценили греки и оставили после себя удивительные по красоте произведения искусств: Афродита – гармоничная, ласковая, Пандора – фаталистка и обманщица, коварная завоевательница. Но в красоте, говорил Джанни, «пляшите от анатомической Красоты тела».

Сколько внимания древние на Западе, Востоке, во всех уголках Света уделяли украшениям своего тела и лица!

С крестовыми походами произошло обратное: восточные линии, орнаменты, краски пришли на Запад. С падением Византии Восток «завоевал» в моде Запад. Во времена Екатерины Медичи укрепилось барокко, родилась модель красоты в итальянском понимании образа величия, образа прекрасного, образа священного. Барокко Версаче своими «корнями» уходит в барокко Медичи.

Возникло «искусство осветления ликов». В этом преуспевали прежде всего венецианцы с их искусством масок и традициями карнавалов. В XVI веке в лексиконе появился термин «макияж». Он означал «умение обманывать, перекрашивать лицо и одежду»,

как его и понимали вплоть до XIX века. Впрочем, в слово «макияж» вкладывалось и иное значение. Например, кардинал Мазарини применял румяна перед выходом на улицы Парижа и заявлял, что украшение лица ему необходимо для того, чтобы «народ и придворные видели, что он в прекрасном состоянии духа и здоровья».

Массовое производство косметики началось в XIX веке, родилась мода «денди», румяна, губная помада; духи стали производиться в промышленных масштабах, как говорят в Италии, прошли период «демократизации», «общедоступности». В XX веке, сразу после Второй мировой войны, начался новый этап в развитии «индустрии красоты». Движущей силой этой индустрии стали женщины всех стран, схожие в своем желании иметь свой отдельный от семейных расходов бюджет на украшение и совершенствование собственного тела. Общедоступность получили эстетическая медицина и хирургия. Под воздействием «ветров моды» открывались салоны красоты. Неожиданно белизна стала уступать место «смуглым оттенкам различной степени загара». В XX веке женщина в среднем стала в три раза больше тратить времени на разглядывание себя в зеркале. Раздолье для косметологов, модельеров, врачей, производителей одежды, косметики и самих зеркал. Однако коварные зеркала таили в себе и опасность. Они показывали не только линии красоты и совершенства, но фиксировали уродство, все «ошибки природы», которые женщины стараются скрыть от окружающих и от себя самих. (Конечно, они хотели бы скрыть от себя самих, но невозможно. Иначе, все вдруг обернулись бы красавицами. И как тогда жить дальше?)

Вот один из «споров» Версаче и Сьюзи с участием Роверси.

– Почему вы приглашаете на подиум лишь самых красивых, самых знаменитых?

– Мне так нравится, – отвечал Версаче.

– Я же считаю, что тело в течение жизни постоянно меняет свои линии, – замечала Сьюзи. – Человек не желает, но вынужден следить за своими формами. Когда он (она) смотрит на модель и как бы примеряет на себя то, что на ней, то как бы невольно теряет индивидуальность, самостоятельность, он один из тысячи зрителей, нетворческих личностей, вздыхателей и созерцателей… Он вторичен. И зачем искать нечто более красивое, нежели то, что подходит только тебе? Тело это то единственное, чем владеет человек, то, что ему дано Богом, то, что принадлежит человеку и все, что ему остается в течение жизни.

– А как это понять? Тело – все, что остается человеку?

– Тело в отличие от лица не умеет притворяться. Оно такое,

какое есть. Тело можно сжать, растянуть, что труднее, но тело лишено чувств, у него нет эмоций… Правда, тело умеет вздрагивать и не только от внешних возбудителей… Все движения тела имеют в своей основе женские начала…

– Это почему?

– Мужские движения, – говорит Сьюзи, – разрушают, женские – созидают.

Я, например, создала «театр одной юбки» (юбку «сконструировал» Версаче). Юбка играла роль целой сцены. Из юбки на сцену «выходили» колени-актеры и начинали вытворять самые неожиданные «коленца» с многими смысловыми вариациями. А этих вариаций – на любой вкус. Их бесконечное множество в количественном отношении.

– Скажите честно, Сьюзи, – приглашал к откровенности Джанни. – Вам ни разу не хотелось бы стать столь же красивой, артистичной, популярной, как Наоми, Шиффер, Кроуфорд, Бруни?

– Неужели вы, Джанни, ничего не понимаете? Я не могу проснуться наутро и стать вдруг красивой, как Наоми. Я могу быть красивой, но только такой, как есть сама. Я хочу быть более красивой, но это я, Сьюзи. Да, я могу быть более чистой, более молодой, более отдохнувшей, однако это вновь я, Сьюзи Блади! Те, кто этого не понимают, состарятся быстрее и редко будут выглядеть красивыми… для себя. Красивая на подиуме, на сцене – еще не красивая для себя. Часто о топ-модели говорят: как она сегодня прекрасно выглядела. Она действительно выглядела превосходно – это ее роль на сцене. А внутри? Это мало кого интересовало. Она топ-модель, профессионал. У нее нет эмоций. Топ-модель, Сьюзи Блади, такую бесчувственность тела отрицает… И мысли у Сьюзи всегда чистые, как и у Джанни Версаче в ходе этого разговора…

Джанни Версаче далее в спор не углублялся, а лишь порекомендовал Сьюзи покупать для ее мудрого тела больше разных платьев и костюмов, чтобы отвечать без лишних эмоций каждому конкретному случаю.

* * *

В сентябре 1997 года маг и волшебник Дэвид Копперфилд побывал в Москве и в связи с этим визитом вновь проявился интерес к Шиффер. Дэвид оставляет нам ровно столько тайн, сколько остаются для вас нераскрытыми. Помимо магов в нашем мире существуют антимаги, которые при определенном

напряжении и знаниях «раскалывают» все трюки иллюзионистов, использующих в своих целях достижения техники, науки и, конечно, нещадно эксплуатирующих свой талант, ум, тело и человеческую доверчивость. В результате зритель поражен сложностью номеров, отточенностью исполнения, всем вплоть до хореографии и музыкального сопровождения. Перед нами Дэвид – человек-тайна, феномен. Его личная жизнь, спросите вы, тоже тайна? Ведь о нем столько написано…

«Более или менее, – отвечал журнал «Дженте». – Говорят, что у Дэвида было 300 любовниц. Явное преуменьшение, но кто, впрочем, считал? Поклонниц, готовых превратиться, нет, не превратиться в…, а произвести эксперимент – множество… И заметим, разного возраста…»

Я бывал на выступлениях Копперфилда, наблюдал за реакцией публики и полностью разделяю это замечание журнала.

Всех по-прежнему интересуют взаимоотношения Клаудии Шиффер и Дэвида. Мой коллега Паоло Салом из «Дженте» все знает из, так сказать, «первых рук» или «первых уст». Сам же он делает намек на то, что все связи, появления на публике, многочисленные заявления двух очень симпатичных людей были «продолжением сцены и подиума» – прекрасно просчитанной игрой двух актеров, подчинявшихся в определенный этап жизни дирижерской палочке Дэвида. Они учли вкусы публики, прессы и великолепно играли и играют. Ровно столько и так, как того требуют обстоятельства. Вероятнее всего, «сеанс магии» с Клаудией, длившийся почти четыре года, тихо и мирно завершается, или, как часто говорят в среде западноевропейских актеров и манекенщиц, «ушел в песок». Джанни Версаче, всегда приглашавший Клаудию и Дэвида, лучше других знал об этой «игре». Но ведь все говорили одно время о вероятной свадьбе, по крайней мере, о помолвке, о торжественном ужине в Монако, в Нью-Йорке.

– Свадьба? А разве о ней было когда-либо официально объявлено? – смущенно улыбается Шиффер, с видимым интересом рассматривая подаренное Дэвидом кольцо с бриллиантами стоимостью в семь миллиардов лир. – Мы – друзья, и, надеюсь, всегда ими останемся. Да, Дэвид как-то подарил еще яхту, но это… Знаете, яхты всегда были и будут в моде. Дэвиду было приятно…

Конечно, мы любили… мечтать… Для журналистов у нас выскользнула фраза о том, что мы обожаем детей, которых у нас могло бы появиться тринадцать. И они, журналисты, эту нашу мечту прекрасно «проглотили», но ведь дети сами по себе, как известно, не рождаются. Мы никогда не переезжали друг к другу.

(Гардероб с 250 платьями Клаудии в Монте-Карло; Дэвида (44 костюма) – в Неваде.) Возможно, забывали только зубные щетки… Вот так, с зубными щетками в сумочке и ездим. Будто их нет в отелях?

Уже около года, писал «Дженте», ни один фоторепортер не зафиксировал ни одного даже «дежурного» поцелуя мага и топ-модели. «И в этом нет ничего удивительного, – парирует звезда подиума. – Ни слова о личных отношениях. Мы оба очень заняты работой и виделись только среди толпы. Но не будем исключать, что однажды при желании решим отдохнуть, отправимся на каникулы куда-нибудь, но одни. Без любопытных глаз и фотообъективов». Ах, эти папарацци! (После гибели леди Ди это слово не требует разъяснений.)

Журналисты, получив такую информацию из Монте-Карло, анализировали события и делали свои выводы: отношения Клаудии и Дэвида, прекрасно разыгранное рекламно-магическое шоу, деловой контракт, поднявшийся имидж двух актеров и теперь завершившийся по истечении срока действия. Копперфилда, благодаря Клаудии, лучше узнали в Европе. Шиффер обрела свою аудиторию и поклонников в Америке. Выигрывал Джанни. Он тратил десятки тысяч долларов в качестве гонораров и возвращал эти деньги от одежды, которую рекламировала Клаудия, а ей ассистировал Дэвид.

– Что дальше?

– Работаем, – уклончиво говорит топ-модель и обещает больше не подниматься на подиум (по крайней мере, в течение года), заняться предпринимательской деятельностью (готовить и нанимать манекенщиц); сохранить хобби – любовь к кино, живописи, литературе, журналистике и ресторанному делу. Особое внимание, как всегда, к линиям собственного тела. А это значит: гимнастика и диета, в соблюдении которой ей «чрезмерно» помогал внимательный Дэвид Коппер-филд, способный вообще ничего не есть в течении дня…

А Дэвид? Он мечтает… Но все помнят, как, «борясь за линии Клаудии во имя ее диеты», Дэвид во время обеда у Джанни Версаче «убрал» все столики в ресторане. Столы Копперфилд, конечно, вернул, но когда из зала скрылась прекрасная Шиффер. Здесь журналисты узнали еще одну тайну Клаудии. Оказывается, (мы уже упоминали об этом) у нее был секретный контракт с одной рекламной фирмой не фотографироваться во время еды. Но как запретить репортерам делать свое дело? Другого выхода не нашлось; Копперфилд заставил исчезнуть накрытые столы, а пока все присутствующие метались в полном недоумении, он «вывел из игры» Клаудию.

Джанни Версаче рукоплескал прекрасному трюку иллюзиониста, воздав должное его находчивости, выдумке, таланту… Все, как всегда, было разыграно. Это сказали мне антимаги.

* * *

…Один иностранный журналист спросил Джанни Версаче:

– Во сколько миллиардов лир вы оцениваете все собранные в вашей коллекции произведения искусства? Ответа газетчик, понятно, не получил. Впрочем, данных о стоимости коллекций никто и никогда не давал и не даст. Версаче не проявил излишней скрытности, не ответив на каверзный вопрос.

– Не хотел стать жертвой жуликов, – заметил Версаче. – Но «встречи» с ними уже случались. Потери значительные. Тем не менее от этого страсть Джанни к коллекционированию драгоценностей только разгоралась. И цифры всегда выходили немалые.

На торгах в Женеве продан бриллиантовый браслет с кашмирским сапфиром. Произведение Картье (1923 года) за 3 миллиарда лир. Бриллиантовое ожерелье (1927) – за 2 миллиарда 178 миллионов лир. Браслет с бриллиантами, рубинами, изумрудами и сапфирами – «игра фантазии» Картье, навеянная индийскими мотивами (1927 год), – обошелся покупателю «всего» в 594 миллиона лир. Имена новых владельцев драгоценностей Картье неизвестны, но в Риме их знают «в лицо». Утверждают, что в зале был представитель Джанни Версаче…

* * *

– Какие воспоминания Версаче называет самыми нежными?

– Вновь о родителях. О матери я рассказываю часто, – говорил модельер. – Это была строгая сильная женщина. Меня она почти никогда не хвалила, может быть, потому, что в школе я был посредственным, нерадивым учеником. В отличие от брата, который любил всегда и везде быть первым. Когда я стал знаменитым, мама оценила мое умение во всем сомневаться, спорить и смеяться над отличниками. Для мамы я из «черной овцы» переродился в «белую», и все «словно встало на свои места». Наверное, от этого я быстро поседел…

Отец был очень милым и спокойным человеком. Он никогда не пытался навязывать свою волю, предоставлял детям

возможность свободного выбора пути…

– Кем вы с детства хотели стать? Сразу решили шить платья?

– Конечно, нет. Хотел стать музыкантом. Композитором, как Гершвин. Это был мой сон. Однако музыка словно «посвистала вольным ветром». Тем не менее я стал приверженцем рока. Не потому ли полюбил Мадонну? Но люблю и Паваротти, для которого с удовольствием работаю… Его приятно обнимать. И он это знает.

Из видов спорта предпочитаю футбол и горные лыжи. В детстве мы самозабвенно гоняли мяч по пляжу в Калабрии. Теперь стараюсь реже «болеть» (в любом смысле), не смотрю игры полностью даже по телевидению: нет свободного времени. Свободное время для меня – это когда в голове и в сердце свободно. У меня такого не бывает.

Горные лыжи? Это когда на трассе – не я, а Альбер-то Томба. Он это лучше умеет. А ему я сошью костюм, вплоть до мундира карабинера, хотя он больше и не служит в этом славном воинском корпусе. В моей коллекции – все его победы в слаломе-гиганте.

– Возвращаетесь ли вы в Калабрию, на Родину?

– Вид родного дома всегда тревожит душу, но находиться в Калабрии больше двух-трех дней мне трудно и морально, и физически: начинаю изнывать от скуки и безделья. Поэтому я еще не приехал в Калабрию, а в мыслях – уже улетел.

– Какие виды транспорта предпочитаете?

– Любые. Если они надежные. В Америку летаю только авиалайнером. Водные виды транспорта прекрасны, но, считаю, их надо связать с проведением мероприятий, тогда потеря времени оправдана. Этот вопрос журналистов был вызван тем, что капитан порта Генуя особым распоряжением запретил пристать к Лигурийскому причалу теплоходу, приписанному к Багамским островам и совершавшему рейс по маршруту Ла Специя (Италия) – Копенгаген. На борту рекламировалась парфюмерия Версаче и Гуччо, однако не в рекламе дело. Причина запрета захода в порт: не допустить падения морали неустойчивых генуэзцев. Чем сумел подмочить в море свою репутацию белый четырехпалубный лайнер, еще недавно числившийся примерным и достойным перевозить солдат НАТО в Боснию? Хозяин теплохода, сорокалетний швед-миллионер (также владелец издательского дома, выпускающего порнолитературу, журналы, рекламирующие одежду, фильмы, распространенные в 36 странах от Эстонии до Ботсваны), решил поменять квалификацию судна: поселил в удобных каютах около пятидесяти порноактрис, массажистов, музыкантов, юных, «не желающих больше ничему учиться студенток» (главным образом

из стран Восточной Европы) и прочий «веселый люд» (всего около 600 «душ», умеющих профессионально развлекать клиентов, в распоряжении которых бары, ночной клуб, где на персонале единственная одежда – мини-юбка и то до поры до времени).

Количество первоначальных пассажиров на «батальон обслуги» можно было бы по пальцам перечесть. Пополнение богатых клиентов ожидалось по мере заходов в порты «порномузыкального» теплохода. В Генуе произошла досадная «накладка». Джанни был ни при чем, но реклама его продукции?

– Это не мое дело, – спокойно заметил Версаче. – Мою одежду надевают…

– Не считаете ли вы теплоходы «плавающим местом» разврата и пороков?

– Я никогда не был пуританином, а средства передвижения рассматриваю как необходимость, данную нам в пользование в зависимости от поставленных задач, целей, времени и наличия финансовых средств.

– Каково ваше отношение к полигамии?

– Такое же как к моногамии. Не задумывался. Стоит ли на эти раздумья вообще тратить время? Когда все так относительно и мимолетно.

* * *

В Италии полигамия никогда не поощрялась, хотя любовными похождениями (до и после Казановы) жители Апеннин более знамениты, чем французы, британцы, голландцы вместе взятые. Некоторые американцы уже открыто выступают за полигамию, полагая, что так было бы легче и лучше воспитывать детей, а женщины получили бы больше свободного времени и теоретически значительно увеличили бы совместный гардероб. Джанни Версаче хоть и не задумывался над этой темой, но быстро сообразил, что полигамия выгодна для стилистов, ибо из четырех, например, жен, по крайней мере, одна, точно, окажется модницей, и, как правило, она-то и верховодит в большой семье.

Тем не менее не все в Италии смотрят спокойно на проблему полигамии. Составители проекта закона об иммиграции – самые большие «блюстители нравов». Они почему-то предпочли бы, чтобы мусульмане в Италию прилетали в сопровождении не четырех, а всего одной жены!

Сторонники «демократии» обвинили «правовиков» во всех грехах: прежде всего в расизме, в неуважении нравов и обычаев других народов, во вмешательстве во внутренние дела и

семейные отношения.

– Но позвольте! – восклицал Версаче. – А как же гардероб с платьями? Четыре жены тем и хороши, что могут носить четыре чемодана с одеждой. Впрочем, в тележках и носильщиках Италия никогда недостатка не испытывала.

* * *

Из чувства такта, деликатности медицинской проблемы или просто из-за незнания, как отнесся бы Джанни Версаче к задаваемому «трудному вопросу», многие журналисты не спрашивали, как и какую именно операцию перенес Версаче. Наверное, журналисты правы. Они во всех заметках придумали и единодушно применяли штамп: «Версаче перенес страшную болезнь и победил. Он выжил, приступил к работе, набрал вес, дает, как всегда, интервью. С юмором. С улыбкой. Спокоен».

Впрочем, Джанни хорошо понимал журналистов и сам ответил на «острые вопросы» о своей «страшной болезни».

По итальянскому телеканалу РАИ шла серия передач, посвященных борьбе с раковыми заболеваниями. И вдруг на экране – Джанни Версаче. Он сам сказал: «Я победил рак».

– Два года назад (это было утром), – рассказывал Джанни Версаче, – я почувствовал, что стала опухать левая часть лица. Пришел к врачу. Диагноз – отит. Боль в левом ухе… Рекомендовано провести курс облучения, но не исключили возможность паралича. Я стал обращаться за помощью повсюду, в том числе и за пределами Италии. Друзья мне сообщили, чем я действительно был болен. Рак! Это шокировало.

Я решил не сдаваться. «Буду лечиться и выздоровлю!» – говорил себе Джанни. – Я оптимист, однако одного оптимизма, безусловно, мало. Поверил в систему химико-терапевтического лечения Карлы Пастекки. Мы боролись вместе. Я боялся смерти, но больше всего испытывал страх от предстоящих страданий. Как не хотелось уходить. Я сжался в комок. Каждую ночь засыпал со словами, что утром мне станет легче. И поверите? Стало легче после полного курса. Я выздоровел на Капри.

Почему я согласился рассказать по телевидению о страшном недуге? Я вышел из кризиса, но сколько еще людей страдают от болезней XX века – рака, СПИДа? – говорил Версаче. – Как им помочь? В первую очередь следовало бы начать с помощи врачам, международной системе борьбы с заболеваниями XX века. Я лично в этом вижу мой долг. И всех призываю: объединяйтесь! И пролетарии здесь не помогут. Поможет объединение клуба

богатых.

Джанни Версаче предлагал ежегодно 5–7 декабря вносить средства в Фонд борьбы с лейкемией; в сентябре – в Фонд защиты детей, подверженных неизлечимым заболеваниям; в июле – в Фонд помощи сиротам.

* * *

Своим излюбленным местом для короткого летнего отдыха Джанни Версаче называл Сардинию. Это итальянский остров со своими историческими, культурными и экономическими традициями, обладает по конституции широкими возможностями административной автономии, позволившими в 1996–1997 годах также заговорить о нем как о солидном финансовом центре, создающем в Средиземноморье свою банковскую систему, которая не только успешно конкурирует, но и вытесняет из зоны своих областных интересов другие итальянские банки, включая и главный – «Банко д'Италия». Здесь же образовался полюс средиземноморской моды, в которой роль «первой скрипки» играл Джанни Версаче. Еще в 1994 году «Банко д'Италия» считал свои позиции на острове прочными, «доминирующими», несмотря на то, что по статистическим данным местный «Банко ди Сардения» уже контролировал 56 процентов образовавшихся здесь капиталов. «Банко де Сардения» теперь называют «финансовым бункером» острова, шаг за шагом консолидирующим вокруг столицы Кальяри финансовые резервы средних и мелких вкладчиков.

На Сардинии не бьют литавры, не спешат «обижать» Рим тем, что Кальяри выходит из-под финансовой опеки «Банко д'Италия», но факт остается фактом.

Какое отношение к Сардинии имеет Версаче? Оказывается, самое непосредственное. Предпринимательское чутье подсказало Джанни и Санто, что рынок на Сардинии постепенно освобождается. Конкуренцию здесь может создать лишь фирма «Alma». «Adman», «Valentino», «Dolce» представлены незначительно. Почему бы не вложить средства, не объединить усилия с «Банко ди Сардения», учитывая, что Версаче – калабриец, то есть тоже с Юга Италии, и тем самым заполучить самые сильные позиции на острове при перераспределении рынка готовой одежды и обуви. Эврика! Предпринимательский гений брата. Если бы не выстрелы 15 июля. Почему Джанни не поехал в этот раз отдыхать на Сардинию? Он планировал отправиться на остров только в августе…

* * *

– Кто из российских знаменитостей носит костюмы и платья Версаче?

Джанни на этот вопрос не ответил. Не знал. А возможно, таковых и не было. Кроме, пожалуй, поэта Андрея Вознесенского, которого хорошо знают в Италии, так же, как Евгения Евтушенко, Булата Окуджаву, Беллу Ахмадуллину, Олега Меньшикова и др.

О платье Версаче вспомнила неожиданно племянница Майи Михайловны Плисецкой в интервью приложению к «Комсомолке»:

«Морис (Бежар) поставил хореографию балета об императрице австрийской, убитой террористами. Это типичный синтетический спектакль Мориса… Приехал Джанни Версаче и привез костюм. Белое платье фантастической красоты, но танцевать в нем было невозможно…»

Далее о Бежаре. О Версаче – это все. Но разве этого мало! Белое платье! Фантастической красоты!

* * *

Продолжим «интервью».

– Джанни, теперь все знают о вашем отношении к королевским кровям, о том, что во всяком деле, ремесле, искусстве должны быть свои «короли». А если о самих королях, то кого вы одеваете?

– О леди Диане все известно всем. Здесь трудно что-либо добавить. За последние шесть лет леди приобрела не менее трехсот костюмов, платьев, разных товаров из дома «Джанни Версаче». Придворные Дании, Швеции, Норвегии, дочь шейха Брунея…

Приятно сознавать, что монархи в твоих одеждах, а не ты – у их ног, как было бы, наверное, в XV–XVIII веках. Представьте себя на месте портного при дворе Людовика XV или кутюрье при Ришелье, Мазарини, Медичи… В этом отношении я – законченный республиканец, либерал, демократ. Имена портных времен минувших в памяти народов не сохранились.

Постоянно слежу за тем, что происходит в монархических кругах Италии (династия Савойских вернется, но не к власти), в других странах Европы.

От королевских проблем «совершим скачок» к вопросам истории, археологии. Известно, что Версаче – коллекционер. С юных лет в Калабрии Джанни восхищался греческими и римскими развалинами. Должен ли модельер выступать

спонсором различных проектов по историческим, археологическим и другим исследованиям?

– Не должен, но может, – заметил Джанни. – Обязывать модельера или какого-либо другого деятеля культуры трудно и бесполезно. Рано или поздно многие кутюрье, как промышленники и финансисты, встают на благородный путь меценатства. Я занимаюсь оказанием посильной помощи Помпеям.

Туристы, гуляющие по улицам Помпеи, оставляют городу древних миллиарды лир ежегодно. Разве это плата, достойная исторических сокровищ «мертвого города» – молчаливого хранителя культуры и искусства далеких тысячелетий? – спрашивал Версаче.

Как необходим был бы Помпеям стилист Джанни Версаче. Стилист Валентино «пригрел» древнеримских «фанчулл», Версаче «замахнулся» на целый город…

* * *

– Какая студия могла бы поставить фильм «Помпеи», Голливуд или Чинечитта в Риме? – как-то спросили журналисты Версаче, зная его неравнодушие к миру кинематографии.

– Пеплом пока ни Голливуд, ни Чинечитта не завалены. Однако расчищать эти столицы кино надо, причем срочно, но это сделают уже другие. Я одевал многих великих актеров и горжусь этим. Я не хотел бы выделять ни одного из актеров. Я их очень люблю. Марчелло вне конкурса. Джина Лоллобриджида, София Лорен – неповторимы. Орнелла Мути, Моника Витти, Бельмондо, Фернандель, Тото, Бурвиль… Ушедшие и ныне здравствующие. Разные, но все великие.

– Вспомним середину 50-х годов, – говорил он. – Расцвет неореализма. Только в 1956 году кинотеатры Италии посетили 820 миллионов зрителей. Это больше, чем во Франции, Англии, Германии вместе взятых. Итальянский рынок кино был самым большим в Европе и вторым в мире после США.

Сорок лет спустя, в 1996 году, количество кинозрителей сократилось до 120 миллионов, из 400 иностранных лент, закупленных Италией в 1997 году, примерно 270 – американские. Только четыре заокеанские компании контролируют свыше 55 процентов итальянского кинопроката. Аналогичная ситуация сложилась и на телевидении, где частные фирмы в основном закупают американские фильмы и телепрограммы. В подобных условиях трудно выживать даже сложившимся мастерам

итальянского кино.

И все-таки реквием по итальянскому и европейскому кино преждевременен. Сдвинуть с критической точки европейское и национальное кино можно, расширяя сотрудничество кинематографистов стран Общего рынка при содействии правительств государств Европы. На этом пути уже накоплен положительный опыт. С 1988 по 1996 год сообщество финансировало почти 250 фильмов совместного европейского производства.

– Для нас, модельеров, – говорил Версаче, – все это очень важно и означает новые заказы на коллекции одежды для фильмов.

Хотелось бы расширить сотрудничество с российскими коллегами. Но это пока надежда, надеюсь, реализуемая, вполне досягаемая и осязаемая.

Кто самый большой модник из деятелей кино 90-годов? Журналистский опрос показал: «Микеланджело Антониони. В его гардеробе только в Париже более шестидесяти костюмов. Не меньше – в Риме, Милане. За одеждой внимательно следит его супруга, которая всегда собственноручно укладывает его чемоданы. Семья Антониони дружит с Карденом и Версаче.

* * *

Джанни Версаче входил в элиту театрального и кинематографического общества естественно, без каких-либо усилий. Он умел понимать людей, любую ситуацию, был отзывчив. И это были его «козыри» в отношениях с друзьями.

На Федерико Феллини он «готов был молиться», считал маэстро гением XX века.

Полдень 31 октября 1993 года. В римском госпитале «Умберто I» скончался Федерико Феллини. Джанни Версаче не скрывал слез. 2 ноября в столичной студии «Чинечитта» он вместе с 80 тысячами римлян прощался с магом кино. В творчестве маэстро Версаче знал все до мелочей. Выделял «8 1/2» (1963 г.), «Амаркорд» (1974 г.).

Пять золотых «Оскаров». А сколько других призов? Почти восемьдесят. Золотая пальмовая ветвь Каннского фестиваля (1960 г.), Серебряный Лев Венеции (1953 г.), последний «Оскар», врученный Марчелло Мастроянни и Софи Лорен 29 марта 1993 года в Лос-Анджелесе…

В 1993 году Федерико Феллини уже успел отметить свое 73-летие (20 января), пройти двести сорок километров пешком,

слетать в Соединенные Штаты Америки, получить пятого «Оскара» (на этот раз за карьеру в кинематографе) и в апреле вернуться в Рим. В Вечный город, в свою квартиру на улице художников и артистов, где его приветствовал старый кот Капочоне, которого, пожалуй, знали все жители исторического центра Рима от площади Испании до пьяцца Пополо. Соседи выходили из домов, чтобы повидать Федерико, но никогда не одолевали его расспросами, знали, что Феллини этого не любит, и старались делать вид, что «не выделяют этого седого человека из толпы», особенно после того, как мировая известность навсегда поселилась в его доме № 110 по улице Маргутта…

И вот Федерико Феллини не стало. 3 ноября 1993 года отпели в Риме, 4 ноября похоронили в Римини. Семейный склеп малинового камня на старом кладбище…

…2 ноября 1993 года на панихиде все было сделано так, как задумала Джульетта Мазина. Ни речей, ни трубных оркестров в огромном зале. Под сводами звучали тихие мелодии из фильмов Феллини…

Марчелло Мастроянни, несмотря на теплый солнечный день, пришел в глухо застегнутом пальто. Очки скрывали глаза.

– Потеря для меня огромна, невосполнима. Ушел из жизни гений. Для меня близкий друг, с которым прошагал вместе сорок лет после первой встречи во Фреджене, под Римом. Федерико для мужских ролей искал своего Жерара Филипа, а нашел почему-то меня. Работать с маэстро было очень легко, а дружить еще легче.

– Доброта непременно возвращается, – говорил Мастроянни словами Федерико. – Я давно понял, что быть добрым выгодно. Доброта – кратчайший путь к счастью. Если в твоем доме живет доброта, знай, что ты открыл окна, расставил в вазы цветы, наполнил «твой уголок» свежим воздухом, хочешь жить счастливым. Пьешь вино доброты. Даже если тяжелейшая болезнь запретила тебе и глоток искристого напитка, налей бокал другому.

– Всегда улыбнись, даже тогда, когда вам плохо, – так говорил Федерико Феллини. Так делали Марчелло и Джанни.

Глава 16
«Венеция умирает дважды»

– Я не долго стоял на перепутье, когда надо было решать, где закладывать камни будущего дома, – вспомнил Джанни Версаче. – Камни Калабрии – это камни юности, поросшие травами забвения. Рим? Это – прекрасно. Это – вечность. Однако вечность хороша, по-моему, для созерцания издалека, для описания вечности, ее философского осмысления. Я напишу, что думаю о Риме. Создам мои рисунки потерянного Рима. Но только потом… после 2000 года, – говорил Джанни Версаче.

– Для работы я выбрал Милан. Для заокеанских расчетов – Нью-Йорк. Для вдохновения – Флоренцию, для мечты и отдыха – Париж, для развлечения – Майами, для мига фантазии и долгих раздумий – Венецию… Я убежден, что стоит мессы и свеч – не только город на Сене, но самое удивительное архитектурное детище Земли – город на Лагуне – Венеция. В этом я убежден…

Не знаю, убедил ли вас, читатель, Джанни Версаче, но меня он убедил еще в 1987 году, когда я впервые взглянул «глазами кутюрье» на великие города Италии, начал понимать мир встреч и окружение модельера. Об этих городах как дань памяти мой рассказ.

Венеция стоит мессы…

Молодой римский стилист Гай Маттиоло (это его и Лагерфельда предлагали на пост главного модельера) удивил даже самое богатое и смелое воображение жителей Вечного города: на Сенаторской площади перед Капитолием при помощи уникальных декораций создал «мираж», заставил временно поверить всех присутствующих (этому позавидовал бы даже Дэвид Копперфилд), что они находятся не в центре Рима, а на площади Святого Марка в Венеции. Достойно фантазии Версаче. Недаром Маттиоло уже называют Версаче XXI века.

Все воспроизведено в деталях и тонкостях: и средневековые дворцы Венеции, и очертания великого собора Сан-Марко, и колокольня… Словно «голуби» на площади – знаменитые модели на импровизированных мостах-подиумах. Здесь Карла Бруни, Надежде, Стейси Янг; символ мужской красоты и силы – Маркус…

Чем вызвана идея сфилаты? Патриотизм, федерализм, протест против действий политического движения «Лига Севера» во главе с Умберто Босси, стремящегося с сепаратизму, отделению промышленно развитого Севера от экономически

отсталого Юга и коррумпированного Центра? Сам Гай Маттиоло, как и Джанни Версаче, не причисляет себя ни в каким политическим течениям. Он признает себя только римлянином, а Рим олицетворяет всю Италию. Он не подвержен никакому влиянию, но, как и Джанни Версаче, считает, что «Венеция стоит мессы и свеч», не может быть «вырублена из единой итальянской материи». «Город Дожей 1700-х годов, – говорил Гай, – это не Венеция Ее Святейшество 1900-х. Венеция непокорна, несгибаема, но и неотделима от Рима». Так я понял смысл сфилаты Гая Маттиоло, сфилаты, посвященной Джанни Версаче и самой Венеции, о которой мы, кажется, знаем много, а на самом деле предстоит еще сделать немало исторических открытий.

Джанни Версаче любил Венецию. Обычно останавливался в отелях на берегу Большого канала – «Лондон», «Европа», «Грюнвальд», предпочитал ужинать в небольших тратториях, а затем прогуливался по знаменитой набережной, где по ночам величаво и сладко отдыхают гондолы.

Этот очерк о Венеции я хотел бы наполнить воздухом, которым дышал Версаче, воссоздать атмосферу неповторимого города, рассказать о людях, которых хорошо знал модельер. Они были его друзьями, частицами его жизни в разные времена…

Ларец драгоценностей. Путешествие по Большому каналу с графиней Мариолиной.

«Только в пальцах роза или склянка Адриатика зеленая. Прости! Что же ты молчишь, скажи, венецианка, Как от этой смерти праздничной уйти».

Эти стихи Осипа Мандельштама читала по-русски венецианская графиня Мариолина Дориа Де Дулиани-Мардзотто. Ее супруг Пьеро Мардзотто – «король текстиля», представитель линий «прет-а-порте» многих видных модельеров. Мы плыли в гондоле по Большому каналу, разделяющему Венецию на две части. Пожилой гондольер Андреа – наш давний приятель, в который раз дарил нам чудесное путешествие по водным улицам.

Прогулка в гондоле с высоко задранным деревянным носом рассчитана примерно на час. Выкрашенная в черный цвет, как и все другие 5400 венецианских гондол (многовековой обычай, в знак траура и памяти о доже, чей прах развеян в водах венецианской лагуны), лодка быстро скользит по словно застывшим водам канала. За час можно проплыть по всему четырехкилометровому Большому каналу, пристать к причалам главных средневековых зданий Венеции, представить себе, как в окружении пышной свиты поднимались с воды во дворцы великие дожи старейшей морской республики – властелины Адриатики и Восточного Средиземноморья.

Гондольер галантно, «по-дворянски», подал руку графине Мариолине, на которой сегодня не длинное платье с венецианскими кружевами, а джинсовая куртка и брюки от «Версаче». Андреа отвязал лодку от сваи, оттолкнулся от берега веслом, и мы начали путешествие по Венеции – городу о 120 островах и 400 мостах.

– В рождении Венеции, – с улыбкой замечал Андреа, и графиня Мариолина, известная в городе на лагуне своими энциклопедическими знаниями, его не опровергала, – «повинны» предки сегодняшних русских. Разные скифы, вестготы и другие варвары, полчища Атиллы заставили местных жителей в северной части Адриатики искать убежища и спасения в глубине лагуны. Так в V–VI веках на острове Торчелло поднялись первые церкви и строения, заложившие основу Великой Венеции, которую со времен средневековья и дожей велено величать с почетом «Серениссима». Лагуна, окружающая Венецию со всех сторон, кажется с борта гондолы могучей, глубокой, широкой, хотя ее подлинная ширина невелика и лишь при разливе вод в период дождей и таяния снегов в горах достигает в некоторых районах 12–25 километров. Глубина же здесь в среднем 80—120 см, и каждый человек может почувствовать себя в лагуне Гулливером. Для движения морского транспорта прокладываются специальные маршруты – фарватеры, по которым входят в город, даже к центральной площади Сан-Марко, океанские лайнеры. Их ведут лоцманские катера, и опасность сесть на мель исключается. Фарватеры проверяются и прочищаются постоянно, их границы на просторах лагуны отчетливо видны: стоят полосатые вехи, словно камни на обочинах дороги.

Все это Андреа рассказывал и Версаче, когда возил маэстро по каналам и так надеялся, что в будущей книге кутюрье прочтет хоть строчку о себе…

Могучую силу Венецианской лагуны человек познает во времена штормов и наводнений, от которых город пока не спасает многокилометровая дамба. Разработан новый проект защиты Венеции от наводнений. Уже действует консорциум «Новая Венеция», истрачены астрономические суммы денег, но город на лагуне во время дождей и ветров по-прежнему выставляет тревожные сигналы об опасности наводнений. Новая дамба, как и мост через Мессинский залив, видимо, еще долго не будет построен. Венеция, хоть и на самом Севере Италии, но финансовые «порядки» напоминают южноитальянские… (сравнение Джанни Версаче).

На площадях и улицах Венеции в мостовых и на тротуарах сделаны специальные отверстия. Через них при штормах

поднимается вода, и она не разрушает камень улиц и стены домов. У жителей на случай подъема вод все предусмотрено – готовы настилы, деревянные мостки, шесты, измеряющие глубину и т. д. Когда вода в лагуне поднимается до 17–20 сантиметров, в Венеции еще не бьют тревогу. Но после ПО сантиметров принимаются все меры предосторожности.

– В прошлом веке, – говорил гондольер, – наивысшая точка подъема вод (153 см) отмечалась 15 января 1867 года. В XX столетии наводнения были более частыми и сильными, чем за всю историю Венеции. Так, 1 февраля 1985 года воды поднялись выше нормального уровня на 159 сантиметров. 22 декабря 1979 года вода стояла сутки на отметке 166 см; 4 ноября 1966 года достигла 194 см. Это была катастрофа, угроза гибели нависла над всей Венецией. Тогда и родилась в городе на лагуне тревожная фраза: «Венеция умирает дважды».

– Что конкретно означает эта фраза и так ли действительно велика опасность «гибели города», ведь Венеция – это тот «Титаник», который никогда не должен уйти под воду? – спросил я Мариолину.

– Об опасности «гибели Венеции» пока говорят ученые, архитекторы, историки-урбанисты, и брошенный ими сигнал «SOS» с площади Святого Марка не лишен оснований.

Вода точит камень, постепенно приводит в негодность деревянные сваи, на которых, как на курьих ножках (под водой), стоят старинные дома Венеции. Считается, что только собор Святого Марка держится с XI века на миллионе деревянных столбов. От времени, наводнений, ветров и дождей дома становятся ветхими, требуют ухода и ремонта. А где взять средства на реставрационные работы?

Старых венецианских знатных родов в городе дожей осталось меньше половины. До сих пор из десяти тысяч средневековых палаццо реставрировано менее 25 процентов. Однако тридцать процентов этих зданий проданы иностранцам, американцам и немцам, а это значит, в них будут жить люди не более двух-трех месяцев в год, вряд ли они будут вкладывать тысячи долларов или марок в реконструкцию, реставрацию домов выше второго-третьего этажа. Тем более мало кто из зарубежных хозяев позаботится о ремонте венецианских дворов, системы водоснабжения, канализации, о так называемой «гигиене и косметике» города. В этом причина «физического износа» красавицы Венеции. И камни стареют. А новые не везде могут быть заложены. Так, в Венеции новые здания теперь строятся только на «твердой земле», в городе-спутнике Местре. Там за последние двадцать лет построено свыше 2250 домов, поднялись

новые отели, рестораны, мосты, промышленные и коммерческие предприятия. В самой же Венеции за этот период возведено и реставрировано 271 здание. В исторической части города многое подлежит реконструкции, но пока мало что делается: в каждой пятой городской квартире нет санузла; к 47 процентам домов не подведено отопление. Зимой жители вынуждены обогреваться, как многие столетия назад. Только труднее стало добывать древесину, угольные «лепешки» и другое топливо. Не потому ли каждая вторая из труб на крышах венецианских домов не дышит «дымом жизни». А дымоходов в Венеции больше, чем в любом другом городе Италии. Именно разновеликие трубы придают особый шарм крышам Венеции.

Вместе с жильем стареют и уходят из жизни жители. Венеция – самый «стареющий» в Италии город. Однако для будущего самое опасное кроется в другом: молодежь здесь не находит работы, покидает «город дожей». В газетных статьях Венецию уже называют «городом без жителей, городом одних туристов». Это – пока преувеличение, но тенденции на вторую половину XX века и перспективы на третье тысячелетие определены точно. Если в 1950 году в Венеции насчитывалось 176 тысяч жителей, то в настоящее время едва 80 тысяч человек. Ежегодно население Венеции сокращается на две тысячи жителей. Люди, главным образом молодежь, уходят на «твердую землю», туда, где «нет истории», но созданы все условия для современной жизни, требующей минимум усилий для выживания.

Существует в Венеции и другой парадокс: казалось бы, в городе все на грани терпимого, а здесь сконцентрировано самое большое количество богатых людей – 5 тысяч человек – официально зарегистрированные миллионеры. Здесь самый высокий уровень жизни, несмотря на самый высокий уровень инфляции. Что это? Нарушение всех законов экономики и народовластия?

– Если лицо Венеции, фасады домов по берегам Большого канала почти не изменились с 1797 года, то резко изменяется профессиональная специализация жителей города, – сообщил гондольер, когда мы причалили к резиденции мэрии, старинному особняку Ка'Фразетти на левом берегу Большого канала.

– Наша профессия вечная, – улыбнулся Андреа. – Пока жива Серениссима – Венеция, будут плыть по каналам гондолы и петь свои песни гондольеры.

Одни профессии уходят в прошлое, зато процветает туристический «промысел»: венецианское (муранское) стекло, рукоделье, кружева с островов Бурано и Торчелло, местная парфюмерия и производство сувениров – шляпы гондольеров,

карнавальные маски. Здесь все просчитано, учтен уровень возможного развития туризма до 2025 года. Версаче знал, что реализация его костюмов в Венеции увеличивалась на 10 процентов ежегодно, и делал одну из ставок на местные модные магазины.

На правом берегу Большого канала – дворец Вендрамин Калерджи. (Его строительство начал архитектор Мауро Кадусси в 1504 году.) Теперь в этом палаццо – одно из четырех крупнейших казино и игорных домов Италии. У стен заведения 13 февраля 1883 года умер великий композитор и дирижер Рихард Вагнер.

– Ныне в казино тоже играют, – замечал Андреа, – а музыку Вагнера вам «предложат» только в нижнем приемном салоне. «Что пожелаете? Из второго акта «Тристана и Изольды», а может быть, вступление к «Тайзенгеру», «Лоэнгрину», «Кольцу нибелунгов»? Как в ресторане музыкальных вагнеровских блюд и грез… Неслучайно в Венеции казино называют «Храмом Вагнера в лагуне молчания…»

Дворец Ка'Д'Оро, построенный в первой половине XV века (архитектор Марино Контарини). Линии окон, балконы, крыша, фронтоны, парадный подъезд – все стало «хрестоматийным» выражением архитектурного венецианского стиля, который архитекторы называют Венето-Византийским. Он характерен также для Вероны, Падуи, Равенны…

От Ка'Д'Оро до самого знаменитого в Венеции моста Риальто примерно двести метров «гондольного пути» по Большому каналу. (Здесь находится три квартиры византийских дизайнеров Версаче. Они специализируются на головных уборах.) Вот уже почти четыреста пятьдесят лет от Риальто по первым воскресеньям сентября отправляется в плавание по каналу «Историческая регата». В первой гондоле всегда находился венецианский дож и его ближайшие соратники, далее – заморские послы, купцы, гости Венеции. Обычай этот превратился в своеобразное театрализованное представление и в таком виде дошел до наших дней. В роли венецианского дожа, в его традиционной одежде, выступает мэр Венеции. «Послы» и «купцы» – «ненастоящие». Их роли исполняют гондольеры. Наш Андреа выступал на «Исторической регате» в одежде купца новгородского и особенно гордится своей русской шапкой, сшитой в одной из меховых мастерских Венеции.

Версаче коллекционировал муранское стекло, венецианские сувениры, но главное – картины венецианской художественной школы.

– Все художники, скульпторы – уроженцы Венеции, – заметил Андреа, – будут вас убеждать, что они последователи

венецианской школы живописи. Можете им верить. Они, казалось бы, космополиты по своей вольной венецианской душе, но в то же время они – «рабы» своих островных художественных вкусов, манеры, линий, форм, цвета. Венецианская школа – одна из основных школ итальянской живописи, достигла расцвета в середине XV–XVI веков. Ее ярчайшие представители этого периода: Якопо, Джентиле, Карпаччо, Джованни Беллини, Джорджоне, Тициан, Веронезе, Тинторетто. В XVIII веке знаменитыми стали художники Гварди, Кавалетто, Белотто, Тьеполо.

Во всех городах Италии при муниципалитетах всегда действует отдел печати. Его руководители считают «святым делом» собрать все, что писали и говорили именитые гости об их городе. В Венеции такой книги я не нашел. И понятно, почему пришлось бы издавать многотомное произведение, требующее постоянных дополнений, так как число новых знаменитостей постоянно растет. Люди, даже среднего уровня культуры, заняв определенное положение, всегда претендуют на многое. При первой же возможности они выражают «скромное» пожелание посетить Венецию, «как бы притронуться к ларцу драгоценностей», к которому были близки Байрон и Чайковский, Гете и Блок, Коперник и Моцарт. И делают это неуклюже, обязательно требуют к себе внимания, что всегда замечал Версаче.

…Над Большим каналом нависли звезды. Оранжевая полная луна освещает путь водным трамвайчикам – «вапоретто». Черные гондолы без гондольеров одиноко тоскуют ночью у пристаней.

Графиня заварила чай и прочитала две строчки из Блока:

Все спит – дворцы, каналы, люди.

Лишь призрака скользящий шаг…

А я вспомнил слова Джанни Версаче: «Венеция – это мираж. Это прелесть и роскошь. Ларец драгоценностей, который принадлежит Италии, всему миру, каждому Человеку на Земле!»

Глава 17
Еще немного о загадках и тайнах великого мага моды

МИЛАН – ГОРОД КУТЮРЬЕ

Как-то журналисты спросили Джанни Версаче: «Какой город вы считаете для себя самым близким?» – «Не хочу показаться банальным, – ответил стилист. – Люблю юг Италии, Рим, Венецию, Париж, Нью-Йорк… Работать предпочитаю в Милане. Это – мой город…»

Известно, что в 1000 году в Милане проживало 70 тысяч человек, в 1500 году – 130 тысяч, в 1900 году – 491 460 жителей, в 1985 году – 1 588 000; в 1997 году население Милана – 1 390 000 человек. Считают, что в 2005 году численность населения Милана еще снизится и составит 1 200 000 человек. Въезд в город автомашин будет предельно ограничен, не станет «гуляющих» по Милану туристических автомобилей, транспортные средства будут направлены только на жизнеобеспечение огромного города.

– Что это? Назад к велосипеду Леонардо да Винчи? – спросили Версаче.

– А почему бы и нет? – задумался стилист. – «Красоту надо создавать, но еще труднее ее сберечь и сохранить», говорил еще Леонардо да Винчи.

Леонардо прожил в Милане с некоторыми перерывами более четверти века, отдал городу лучшие творческие годы, и миланцы воздали должное его гению, выбив на памятнике трогательные слова: «долгое время он был завидным гостем Милана, где имел друзей, учеников, славу». Разве нельзя сказать подобные слова и о Версаче, прожившем в Милане тоже 25 лет?

Где чаще всего в Милане бывал Версаче? Миланский собор, крепость-дворец герцогов Сфорца с башней Филарета, церковь Санта-Мария делла Грацие, где находится фреска «Тайная вечеря» Леонардо Да Винчи, музей-дворец Брера со статуей Наполеона (скульптура Антонио Кановы), галерея Витторио Эмануэле II (длина 196 метров – на 10 метров больше центрального нефа Собора Святого Петра в Риме), с «крыльями» по 53 метра и высотой в 47 метров. Мозаичные картины над куполом символизируют четыре континента – Европу, Азию, Африку и

Америку и четыре призвания миланцев – сельское хозяйство, промышленность, искусство и наука. Миланцы острят: архитектор Джузеппе Менгони – автор проекта – забыл Австралию (не беда, но вот исключил моду и финансовое дело (миланский «конек») и поэтому, видимо, при открытии галереи в 1877 году свалился из-под купола. Ошибки не исправлены, но галерея прекрасно живет (жертва принесена) и стала прародительницей всех европейских «пассажей», включая московский. Среди «жемчужин» города – театр «Ла Скала», центральный вокзал и стадион «Сан-Сиро»… Как большинство итальянцев, Джанни Версаче питал «слабость» к футболу.

ТУЧИ НАД ШЕДЕВРАМИ

Какие из шедевров вызывали наибольшие тревоги Версаче? Прежде всего, фреска «Тайная вечеря», одно из величайших творений мирового изобразительного искусства, произведение, по которому Версаче и модельеры изучали и изучают классическую историю одежды древних.

Церковь Санта-Мария делла Грацие, куда автомобиль доставит за пять минут от Дуомского собора по улице Мадженте, построена в 1460 году в готико-экспериментальном стиле (проект Дж. Солари и Доната Браманте), хранит уже ровно пятьсот лет шедевр Леонардо.

Первые повреждения фреска получила еще в 1517 году, затем в 1558–1782 годах, когда монастырь делла Грацие служил резиденцией местной инквизиции. Судьба не проявила благосклонности к церкви: во времена Наполеона в трапезной была устроена конюшня – не лучшее соседство для «Тайной вечери». В 1801 году церковь оказалась залита водой. В августе 1943 года – новое несчастье: Санта-Мария делла Грацие сильно пострадала от бомбардировок и была восстановлена лишь в 1953 году.

Черные полосы в жизни фрески не прекращаются в наши дни. Теперь выяснилось, что при реставрационных работах современные специалисты ошиблись в расчетах. Вели работы не с той стороны, для «усиления глаза» пользовались только микроскопами, «лечили» фреску опасным инструментом – электронным хирургическим ножом, который якобы должен был быть исключен при проведении операции по спасению шедевра.

Если фреска погибнет, кто будет виноват? Оказывается, не реставраторы, а… сам Леонардо да Винчи, который создавал свое произведение темперными красками. Так или иначе, но в XXI веке

фреске необходимо жить, хотя бы для того, чтобы выступать «истцом» на процессе «Леонардо да Винчи». Возможно, она спасет доброе имя маэстро, защитит его мысли о красоте и уродстве, об умении «делать все», но с учетом столетий и инструментов… В 1996 году главным спонсором реставрационных работ стала торговая палата Милана со средствами от стилистов Армани, Версаче, Ферре. Версаче острил: «Если упадет Пизанская башня, будет виноват Пизано; погибнет фреска «Тайная вечеря» – вина на Леонардо, а если раскритикуют творчество одежды Версаче, то вина теперь ясно на кого падет…»

Опасность нависла и над дворцом Брера (XVII век), «кладезью искусств», где с августа 1809 года в 38 залах разместилась национальная художественная галерея с коллекцией картин Рафаэля и Тинторетто, Беллини и Тьеполо, Караваджо и Карпаччо, Веронезе и Пьеро Делла Франческо. Во дворце не отлажено действие системы кондиционеров и увлажнителей, от чего страдают произведения искусства. Об этом знают ИЗ служащих дворца, городское руководство Милана и Рима, но от этого «поломки в приборах» не устраняются.

– Будем надеяться, что Рафаэль и Беллини выдержат, – с надеждой замечал Версаче, – но для оздоровления дворца нужны многие сотни миллионов лир. Финансы и искусство будут неразлучны в XXI веке.

Какое слово скажут преемники Версаче?

ДЖИНА: ДИВА И «ДИВИЗМ»

Вы помните, что из великих актрис современности Джанни Версаче всегда и, прежде всех, выделял Джину Лоллобриджиду. Почему именно ее? Ответа нет, и не может быть, потому что речь идет о двух неординарных личностях, каждый из которых неповторим в своем виде искусства.

Джина Лоллобриджида – «Дива» по рождению, которая сумела себя сохранить. «Дива». Так называют в Италии кинозвезд, топ-моделей, сверкающих на подиумах «прет-а-порте», страницах журналов высокой моды. В Милане, на территории самого большого в Италии ярмарочного комплекса, открывалась демонстрация модной одежды. На аэродромы северной финансово-промышленной столицы слетались знаменитые «дивы». И в эти же дни (точно это происходило 7 марта 1995 года) из Милана улетела «королева див» – великая Джина Лоллобриджида. Полное недоумение журналистов, каскад самых неожиданных вопросов и решительные ответы актрисы:

– О каких «дивах» сегодня может идти речь? Это не «дивы», а девы, выросшие на спагетти и картофеле. Они верят, что подмостки высокой моды их вознесут в поднебесье. Заблуждение. Качеств одной Мэрилин Монро хватит на десять Клаудий Шиффер и двадцать Элл Макферсон. Конечно, они – прекрасные фотомодели, но что они понимают в «дивизме»? Дива – это магия, тайна, соблазн. Я бы, например, хотела посмотреть в мои годы на Карлу Бруни, Линду Евангелисту. Сегодня они очень обаятельны. Это правда. Однако подлинная дива – совсем другое дело. Это не бег за модой, а противостояние моде, умение чувствовать смену поколений. Не забывайте, время безжалостно ко всем. К дивам и девам. Но дивы остаются дивами. А девы становятся…

– В чем секрет вашего долголетия актрисы?

– Я живу интенсивной жизнью, в которой сочетаются невинность восприятия окружающего мира и юношеский энтузиазм. Я изобрела собственный эликсир против старости. Возраст не идет в расчет по сравнению с духовным состоянием человека. Я знаю восемнадцатилетних, которые по душевным качествам старее моей тетушки Калидонии, которая жила в родном Субиако (родина Джины) до ста двенадцати лет и сохраняла совершенно здравый рассудок, удивительное чувство юмора и завидную память. Я бы и себе пожелала такого же здоровья. Восемнадцатилетним этого не понять. У них впереди еще много «всякого разного» плюс 93 года непрожитого опыта.

– Джина, в мире искусств вас знают как актрису, журналиста, писательницу, художницу, скульптора, фотографа. В каком из этих видов творчества вы обрели наибольшее удовлетворение?

– Пожалуй, в фотографии. В ней, как и в скульптуре, успех мастера зависит только от его индивидуальных усилий. В кино успех зависит от действий и таланта всего съемочного коллектива. В моих фильмах я всегда чувствовала сильную зависимость от режиссера, продюсера, оператора. В фотографии я свободна. Сейчас я снимаюсь в больших фильмах. Но и кино теперь другое. Я работала в кино – в Кино с большой буквы. Те времена были подобны эпохе Возрождения в итальянской живописи и скульптуре. Это мое личное восприятие, особое отношение к кинематографу. Согласитесь, существуют единые критерии для популярности актеров: одни снимаются из фильма в фильм и, незамеченные историей, однажды уходят с экрана или с подиума демонстрации мод. Другие – остаются навсегда в памяти поколений и необязательно молодыми. Именно они – от рождения и воспитания «дивы».

– Вернемся к профессиональной деятельности. Что вы думаете о современном итальянском кино?

– Его, по-моему, похоронили. И это – большой грех. Но я все равно бы работала, причем с удовольствием. Например, с Нанни Моретти, Джузеппе Торнаторе… Когда приезжаю в Италию из-за рубежа, то в кино не хожу. Кино – профессия неблагодарная. Хуже мафии.

– Говорят, что в детстве вы подражали королевам?

– Теперь королевы подражают мне. Особенно в одежде…

– Ваше светское неподчинение?

– Я не знаю, что это такое. Я – человек серьезный и с хорошей памятью, скорблю по Версаче, леди Диане, по матери Терезе…

«ОЛИМП» ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ

Говорят, что у Джанни Версаче была «идефикс»: создать свой «Олимп», который бы существовал в реальной жизни, но в отрыве от окружающей среды, Олимп, к которому могли бы приближаться только «достойные» гости, дары несущие, друзья, открытые, бескорыстные, родственники в ранге и тоге почти «полубогов»…

Место «окончательного Олимпа» Джанни Версаче так и не выбрал, рассчитывал основать его после 2000 года. Однако время не поторопишь, не обгонишь, не остановишь…

Первая попытка создания своего «Олимпа» относится к 90-м годам, когда Джанни повелел установить первые ступеньки мраморной лестницы на улице Джезу в Милане. Этот «главный дом своей жизни» Версаче хотел видеть как своего рода убежище, пристанище шикарного отшельника, уставшего от повседневного бешеного ритма многочисленных встреч.

«СЕКРЕТНЫЕ» ГАБАРИТЫ МОДЕЛЕЙ ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ

Их называли «секретными» лишь потому, что они – модели, обладательницы уникальных размеров, перешагнули или подошли к тридцатилетнему возрастному барьеру, и находились на пике своего артистического расцвета (на конец 1990-х гг.).

Чешка Полина Порицкова. Возраст – 32 года, рост 178 см; бюст – 88 см; талия – 57 см; бедра – 88 см. Снималась в фильме «Анна и алиби». В 1990 году разорвала мегаконтракт с Кельвином Кляйном. Подписала контракт с Майбеллином. Полину по внешним данным сравнивают с Одри Хепберн. Это ее обижает, и чешка считает, что ее сходство с великой актрисой служит ей плохой рекламой. Джанни так не считал.

Кристи Тёрлингтон – американка, 29 лет. Рост – 178 см; бюст – 86 см; талия – 57 см; бедра – 86 см.

Венделла – шведка, 32 года. Рост – 173 см. Бюст – 85 см; талия – 63 см; бедра – 86 см. В Италии работала всегда с Джанни Версаче, который оплачивал ее участие в сфилатах гонораром в 40 тысяч долларов, а также проживание за счет фирмы «Версаче» в самых лучших отелях. Внешне Венделла – «мечта» многих мужчин-итальянцев. Белокурая «бестия» с чертами лица Грейс Келли.

Напомним для сравнения «габариты» Клаудии Шиффер: рост – 181 см; бюст – 90 см; талия – 62 см; бедра – 90 см.

Казалось бы, на показах еще никогда не представлялся документ, регламентирующий «параметры» участниц парадов моды, но неписаные законы, оказывается, существуют, хотя известны и забавные казусы подиума.

Семнадцатилетняя англичанка Джоди Кидд (рост – 185 см, вес – 55 кг) приехала для представления молодежной одежды в Нью-Йорк, но на подиум ее не допустили.

«Папа, увезите дочь поскорее домой. Излишняя худоба – плохой пример для молодежи», – объяснил причину отказа отцу расстроенной девушки известный итальянский стилист. «А до скольких килограммов ее надо откормить?» – спросил не терявший надежды житель Британских островов. «Хотя бы так, чтобы у вешалки были бы небольшие плечики и кости не обтягивала бы одна кожа», – последовал ответ.

Израильтянка Амит (19 лет) приехала в Милан и при росте 178 сантиметров и 46-м размере одежды не прошла в команду моделей. Лишний вес не обескуражил претендентку, к октябрю она рассталась с килограммами, демонстрировала одежду 38–40 размеров и была признана одной из самых привлекательных моделей «весна-лето-96».

Весовые параметры нетрудно вычислить без логарифмической линейки. А как у топ-моделей с аппетитом и что они надевают вне подиума?

Бонни Борманн, как и многие ее коллеги-модели, придерживается строжайшей диеты, но для срочного похудения она использует собственное средство: садится за учебник и постигает русский язык.

Надя Ауэрман – «снежная королева», корректная и исполнительная на подиуме, невыносима по утрам, если она не выспалась. Она не принимает даже чашечку кофе до 11 часов и не готова ни к какому серьезному разговору, кроме одного: если предлагают гонорар за выступление больше 10–15 тысяч долларов, потом ей можно сразу принести кофе и апельсиновый

сок. Настроение и аппетит превосходные…

Кэмпбелл не носит «интима». Известно, стараясь во всем подражать Мэрилин Монро, она, готовясь ко сну, никогда не забывает «уронить» на плечи и грудь всего три капельки из флакона «Шанель № 5». Как вы помните, ест и пьет Наоми в любое время. «Еда не бывает лишней, – говорит Наоми. – Лишними бывают килограммы. А как от них избавляться, это должен знать каждый человек сам. Чужие рецепты вредны».

Кристи Тарлингтон боится потолстеть и держит в холодильнике только минеральную воду.

Линда Евангелиста тоже опасается прибавить в весе и потребляет калории, рассчитывает пищу до последней единицы.

Полная противоположность – Ясмин Ле Бон. Она убеждена, что любые физические упражнения полезны вечером после принятия двух-трех бутылок доброго вина, а в такой форме можно выходить на подиум и после пятидесяти лет.

Клаудия Шиффер не позировала ни одному фоторепортеру… во время еды. Оказывается, она подписала контракт на четыре года с одной фирмой, производящей косметику. В условиях оговорен пункт, что ей нельзя принимать пищу при публике и фотографах. Теперь все понимают, почему маг-иллюзионист Дэвид Копперфилд «убрал» на глазах изумленной публики около ста накрытых столов в салоне Версаче, где должен был состояться ужин с приглашением фотографов.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ

– Какая актриса в истории кино для вас самая великая и для кого вы хотели бы работать всегда?

– Марлен Дитрих. Дина Дурбин…

– Кого из мужчин вы не любите?

– Всех с плохим характером и особенно тех, кто говорит: «Ты – молодец, но брось это свое дело…» Разрушители – словно жуки-короеды. Каждый ваш успех – гибельный антисептик. Короеды вредны и опасны, причем в любой профессии. В борьбе с ними наберитесь терпения, запаситесь юмором. И вы выиграете.

– Любимый фильм?

– «8 1/2» Федерико Феллини.

– Самая красивая актриса?

– Джина Лоллобриджида. Влюблен с 16 лет.

– Ваш последний афоризм?

– Люблю петухов. За то, что, как бы они ни притворялись курицей и не кудахтали, никогда яиц не снесут.

ФРАЗЫ, АФОРИЗМЫ ВЕРСАЧЕ

Меня не интересует сексуальная ориентация собеседника, важно, чтобы он одевался со вкусом и по моде.

Ты съел лишнее пирожное, теперь надо час бегать трусцой, чтобы восстановить форму и влезть нормально в свои брюки.

Сознание вторично, материя – ткань для одежды – первична.

Голый король: «Тот, кто не разделяет красоты моего платья, обладает плохим вкусом и не понимает ничего в моде».

Не суди о судьбе по судебной мантии, к ночи и он переодевается, и мантия станет лишней. Как и сутана для некоторых священников.

Если портной приобщил вас к пониманию моды, то вы должны ему больше, чем стоимость одного костюма.

В XXI веке суперревность – это когда жена будет ревновать мужа к небрежно одетой даме или, точнее, тогда, когда застанет супруга с соперницей без одежды от «Версаче» или «Валентино».

ГОРОСКОП КУТЮРЬЕ ДЛЯ ВЕРСАЧЕ

Каждый стилист – не только психолог, философ, бухгалтер, но и личность, «небесная», суеверная, прекрасно знающая, что Солнце управляет воскресеньем, Луна – понедельником, Марс – вторником, Меркурий – средой, Юпитер – четвергом, Венера – пятницей, Сатурн – субботой. Отсюда и рабочая неделя кутюрье, который утверждает, что трудится 24 часа в сутки, но всегда оставляет время для себя и других, день святой: кто не знает, что в 321 году римский император Константин вынес указ о праздновании дня Воскресения Господня как дня отдыха для судей, ремесленников и прочих. Портные себя к «прочим» не относят, статус ремесленника им тоже не подходит, как и разряд судей, хотя кто лучше судей может судить о том, как одет человек.

Рассчитайте для себя, когда лучше общаться с модельерами и кутюрье. В воскресенье стилистам лучше не звонить, нарветесь на «холодок», даже если хотите с чем-нибудь поздравить. Они это любят, но не по воскресеньям. В понедельник, подвластный Луне, не начинайте деловых отношений с сарто, ни в коем случае не берите взаймы – все равно не даст, равно как и сами не давайте никаких кредитов: мелких сумм кутюрье не попросит, только если пару миллионов долларов на очередной проект. В дороге знаменитый портной поиздержаться не может.

Во вторник не приглашайте кутюрье к себе в гости, не

предлагайте ему поход в места скопления людей. Марс «не позволяет», и он этому следует. Романтическое приключение, во вторник, по душе любому стилисту и модели.

Среда – день беспокойный, деловой, и после полудня, часа в четыре, со стилистом можно разрешить все спорные проблемы. Советую только в этот день производить финансовые расчеты с кутюрье. Журналисты и модели получают повышенные гонорары, клиенты – значительную скидку на приобретенное платье.

В четверг – день Юпитера – можно спокойно идти в гости к стилисту. Встретите интересных собеседников, установите добрые знакомства, однако остерегайтесь взаимной «рассеянности». В вечернее время гости «по рассеянности» больше внимания уделяют чужим дамам, словно забывая о собственных.

В пятницу Венера дарит вам всем, и портным особенно, эмоциональный всплеск. Кутюрье оденет возлюбленную в одежду мягких тонов – розовую, зеленоватую, голубую. Если у портного есть желание пригласить вас в ресторан, то не отказывайте ему в этом. Только в пятницу он не заставит вас платить за него и, возможно, проявит щедрость. Любовь Венеры требует финансовых жертв, и от кутюрье тоже.

Суббота для большинства учреждений, фирм, служб – день нерабочий. Кутюрье же работает в одиночестве, подводит творческие и коммерческие результаты недели. Они, как правило, положительные, поэтому вечер можно посвятить развлечениям: прогулке, театру, дискотеке, казино…

Так семидневная неделя, унаследованная от звездочетов Вавилона и окончательно утвердившаяся в календаре Древнего Рима, получила у современного кутюрье свое практическое «толкование» и осмысление.

Обратите внимание, как часто астрологические термины присутствуют на сфилатах в лексиконе стилистов. Подобно искателям философского камня, кутюрье прекрасно знают астрологию, выделяют магическую силу семи металлов, влияющих на их творчество и успех: золото – Солнце; серебро – Луна; ртуть – Меркурий; медь – Венера; железо – Марс; олово – Юпитер; свинец – Сатурн.

15 июля 1997 года был вторник. Марс не позволял Версаче выходить из дома в места скопления людей (бар). Вот и не верьте гороскопам!